

ISSN 0202—151X

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1989

8

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

1989

8

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Чл.-кор. АН СССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*),
акад. АН УзССР А. А. АСКАРОВ (*зам. главного редакто-
ра*), акад. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, чл.-кор. АН
УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, чл.-кор. АН УзССР Ж. Т. ТУЛЕ-
НОВ (*зам. главного редактора*), чл.-кор. АН УзССР М. М. ХАЙ-
РУЛЛАЕВ (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук
З. Х. АРИФХАНОВА, доктор ист. наук Ш. С. ЗИЯМОВ,
доктор ист. наук М. И. ИСКАНДЕРОВ, доктор филол. наук
Э. А. КАРИМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН, доктор
экон. наук П. Х. НАСЫРОВ, доктор филос. наук Х. П. ПУ-
ЛАТОВ, доктор ист. наук Р. Я. РАДЖАПОВА, доктор юр.
наук Х. Р. РАХМАНКУЛОВ, доктор ист. наук Г. Р. РАШИ-
ДОВ, доктор экон. наук Р. А. УБАЙДУЛЛАЕВА, доктор ист.
наук А. У. УРУНБАЕВ, доктор экон. наук К. А. ХАСАН-
ДЖАНОВ, доктор филос. наук С. ШЕРМУХАМЕДОВ, док-
тор ист. наук А. М. ЮЛДАШЕВ, канд. ист. наук Р. Х. СУ-
ЛЕЙМАНОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

Адрес редакции: 700047, Ташкент, ул. Гоголя, 70
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1989 г.

Редактор *И. А. Маркиан*
Технический редактор *Г. Негматова*

Сдано в набор 31.08.89. Подписано к печати 26.09.89. P02787. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типо-
графская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 6.30. Уч.-изд. л. 6.9.
Усл. кр.-отт. 6.51. Тираж 905. Заказ 192. Цена 65 к.

Издательство «Фан» УзССР: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР: 700170. Ташкент, проспект М. Горького, 70.

... Национальное возрождение каждого народа в большой советской многонациональной семье, с использованием создаваемых перестройкой новых возможностей свободного и сбалансированного взаимодействия с другими народами страны лежит в русле политики Коммунистической партии и Советского государства, является одной из основ обновления всего нашего общества. Именно на это направлены принятые в последнее время важнейшие, принципиального значения меры по укреплению суверенитета союзных республик, наполнению его новым и реальным содержанием.

*Из Заявления ЦК КПСС
о положении в республиках
Советской Прибалтики.*

На нас, коммунистах, лежит сейчас чрезвычайная ответственность за судьбу многонациональной Отчизны, за судьбу советских людей. Сегодня как никогда от каждого из нас требуются мужество конкретных дел, партийное товарищество, единение сил, совместное наращивание вклада в перестройку, вне которой и без которой не решить ни национальных, ни межнациональных проблем...

Таков сегодня наш общий долг.

Сохраним единую семью советских народов, единство рядов Коммунистической партии Советского Союза!

*Из Заявления ЦК КПСС
о положении в республиках
Советской Прибалтики.*

Слово—народному депутату СССР

Э. Ю. ЮСУПОВ

ИНТЕРЕСЫ ЧЕЛОВЕКА — ГЛАВНАЯ ЦЕЛЬ

На протяжении всей человеческой истории лучшие умы думали о счастливой, зажиточной, мирной жизни, искали пути установления подлинной, устойчивой гармонии во взаимоотношениях социальных групп, народов, рас, отдельных людей. В ходе таких раздумий возникли различные идеи о справедливом обществе, где люди живут мирно, счастливо, имея все возможности для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей, для развития физических и умственных способностей. На Востоке достижение этой цели связывали с приходом к власти умных, гуманных, справедливых царей, ханов. Результатом таких антропофильных поисков явились и идеи утопического социализма. Авторы этих идей и теорий были далеки от правильного понимания подлинной социально-политической, классовой природы эксплуататорского общества, не понимали глубокой антагонистической сущности взаимоотношений между угнетенными слоями общества и их угнетателями.

Главной целью основоположников марксизма-ленинизма также были поиск и научное обоснование такого общества, которое обеспечивало бы полное торжество гуманизма и социальной справедливости, гарантировало бы людям подлинную свободу, равенство и равноправие, материальное благополучие, создавало бы все условия для расцвета и реализации их физических, духовных способностей, склонностей. Они прежде всего думали об интересах угнетенных, униженных классов, народов, которые веками томилась под классовым, национальным гнетом, расовыми притеснениями. На основе глубокого анализа объективных закономерностей развития общества они пришли к выводу о том, что осуществление подлинно гуманистических целей, торжество идеалов социальной справедливости во всех сферах жизни могут быть обеспечены только в условиях социализма и коммунизма, когда будут устранены политические, идеологические, социально-экономические основы угнетения, неравенство и неравноправие. Они считали, что эту историческую задачу может выполнить пролетариат — реальная политическая сила, способная осуществить подлинную социальную революцию.

Таким образом, главной целью революционной борьбы пролетариата были высокие гуманистические идеалы, обеспечение счастливой, мирной, благополучной жизни всем трудящимся массам, независимо от их национальной, расовой принадлежности. В научной концепции марксизма-ленинизма революционная борьба пролетариата, осуществление социалистической революции, строительство социализма и коммунизма рассматривались как средство для достижения этой главной цели. Марксистско-ленинское учение состоит из диалектического единства основной цели и средств, условий, путей ее реализации.

Во имя этой высшей, благородной цели в нашей стране впервые в мировой истории была осуществлена социалистическая революция, начато строительство нового мира.

Самое главное на этом пути было видеть разницу между целью и средствами, не оставлять в тени подлинно гуманистические идеалы, не превращать людей в глухое и слепое орудие для осуществления научно не обоснованных, глубоко не продуманных, авантюристических, волюнтаристских, бесперспективных, абстрактных задач, не оставлять в тени интересы, потребности, внутренний духовный мир людей, их склонности и способности. Исходя из этой главной цели, теория социалистического строительства включила в себя задачу глубокого, принципиального, трезвого и объективного понимания сущности, характера, уровня развития внутреннего нравственно-психологического мира людей, недопущения насилия, спешки, волюнтаризма и субъективизма в осуществлении идейно-воспитательной работы. Люди должны были переходить на социалистический путь сознательно и действовать убежденно, внутренне осознав возможности осуществления своих устремлений в этом обществе. Социализм в своей сущности должен был исключать насилие над духовностью, честью и совестью, интересами, склонностями людей. Подгонять людей кнутом, как толпу, к решению неосознанных ими, неоправданных целей и задач противоречило духу и сущности нового политического, социально-экономического строя.

Внутренний духовный мир человека, его интересы, убеждения, понятия формируются в течение тысячелетий, закрепляются в сознании. Коренное изменение общественного сознания является задачей более сложной, трудной, чем осуществление коренных изменений в области политических, экономических отношений. Всякое насилие, искусственное форсирование изменения духовного мира человека неизбежно приводят к внутреннему, нередко скрытому, противодействию. Люди не могут механически, без внутреннего осмысления воспринимать предлагаемые им идеи, включаться в их осуществление.

В. И. Ленин глубоко понимал внутреннюю, многогранную диалектику взаимодействия между общественными потребностями, объективными условиями и духовным миром людей. Он строго требовал от партийных, советских работников решать конкретные задачи социалистического строительства с учетом уровня сознательности, социально-политической активности трудящихся масс, конкретных условий и возможностей тех или иных районов страны. Этими целями и были продиктованы ленинские идеи новой экономической политики, широкого развития кооперативного строительства, профсоюзного движения и т. д. В. И. Ленин требовал также глубокого анализа уровня экономического, социального, духовного развития в процессе осуществления демократических, социалистических преобразований в ранее отсталых районах страны.

В. И. Ленин выступал против абстрактного, безличностного понимания сущности и целей социалистического пути развития. Он подчеркивал, что общество — это совокупность реальных индивидов, которые делятся на классы, нации, расы. Каждая личность — в основном продукт конкретной эпохи, особый, сложный мир и его надо знать глубоко и конкретно. Любая научная теория сильна лишь тогда, когда она глубоко отражает интересы общественного прогресса, думы и чаяния простых людей, показывает реальные, более эффективные пути их решения и удовлетворения. Поэтому любой разумный разговор о проблемах общественного прогресса не должен обходить конкретных людей, оставлять их в тени, превращать их в запрограммированных роботов, «заводных игрушек» для выполнения волюнтаристских целей, стремлений, прихотей или капризов отдельных высокопоставленных, наделенных огромными возможностями и полномочиями личностей.

«Китайской стены» между интересами общества и личности нет. Благодаря различию социально-экономических условий, политическо-

го строя взаимоотношения между ними могут проявляться в различных формах. Раз человек живет и действует в обществе, его жизнь и деятельность — продукт, неразрывная часть существующих общественных отношений. Нельзя представить себе и общественные интересы без совокупности личных интересов. Но в обществе, разделенном на антагонистические классы, между интересами общества и личности существуют не только взаимозависимость, но и противоречия. Личностные интересы будут существовать, пока существуют люди. Каждая личность имеет общие с другими членами общества интересы, а вместе с тем у нее есть сугубо личностные, индивидуальные интересы. Эти интересы никогда не могут стать полностью тождественными в общественном и личностном планах. Идеи о полном совпадении и тождестве личных и общественных интересов — это чистейший миф. Речь может идти об их совпадении, разумном сочетании. Сущность индивидуума гораздо сложнее, многограннее, чем мы ее себе представляем. Противопоставление или волюнтаристское игнорирование интересов личности никогда не будет способствовать прогрессу общества. Благоприятным фактором максимального использования возможностей общественного развития является именно сочетание интересов личности и основных направлений решения социально-экономических задач. Речь может идти только о поиске конкретных форм взаимоотношений, взаимосочетания между интересами личности и общества.

С середины 20-х годов в нашей стране начался постепенный отход от ленинских принципов научного понимания сущности взаимоотношений интересов личности и общества. Началось глумление над интересами, честью, совестью людей, глумление или насильственное подавление индивидуального в индивидуе. Началась путаница в понимании цели и средств осуществления социально обусловленных гуманистических идеалов социализма. Взаимоотношения между целью и средствами были поставлены с ног на голову. Люди постепенно превращались в слепое и глухое орудие для осуществления абстрактных, далеко не соответствующих на данном этапе развития их интересам задач. В индивидуе глушилось и загонялось глубоко в душу индивидуальное. В условиях неоправданных насилий, репрессий появляются раздвоение личности, показуха, словесный патриотизм и не имеющая глубоких корней активность, которые не всегда отражали внутреннюю сущность чувственного мира человека на данном этапе общественного развития. Постепенно начала проявляться тенденция, когда люди говорили с высоких трибун одно, а на самом деле думали другое. Начали теряться в индивидуе чувство собственного достоинства, умение и стремление открыто выставлять свои цели, намерения, интересы; индивидуальное нередко терялось в хаосе далеко не обоснованных, глубоко не осознанных массами абстрактных общественных интересов. Промогласно провозглашенное появление у колхозников, рабочих совхозов чувства хозяина было нередко односторонней припиской, выводом для успокоения масс и самоуспокоения. Если говорить откровенно, чувство хозяина коллективной собственности у определенной части колхозного крестьянства не сформировалось даже на 70-м году Советской власти.

Главное внимание уделялось вопросам создания, укрепления и развития социалистической общенародной собственности, а при этом оставались в тени индивидуальные интересы, склонности, относительная устойчивость которых определялась веками формировавшимся нравственно-психологическим складом людей.

Индивидуальные интересы людей нельзя ликвидировать декретами или совершенно искоренить путем репрессий, насилия и принуждения. Особенно вредным было неправильное понимание теоретических и практических проблем становления общественной собственности, соотноше-

ния тождества и различия в развитии общественных, индивидуальных интересов, потребностей. В результате незнания особенностей изменения и развития внутреннего духовного мира человека во время бурных революционных событий не уделялось пристального внимания терпеливой идейно-воспитательной работе, которая шаг за шагом, путем убеждения и разъяснения формировала бы у рядовых рабочих, крестьян, интеллигенции понимание сути происходящих событий и соответственно с ним формировала бы сознательного члена нового общества. Бурные события в общественной жизни способствуют бурным вспышкам в сознании и чувствах людей. Если не превратить эти вспышки в атрибуты убеждения, то они могут погаснуть так же быстро, как возникли.

Сближение общественных и индивидуальных интересов достигается не только путем административно-организационной работы. Огромную роль в этом деле играет целенаправленная идейно-воспитательная работа. Всегда необходимо подтягивать отставшее общественное сознание к задачам и потребностям нового этапа общественного развития.

Установление и развитие общественной собственности на средства производства в процессе определенного исторического периода надо было осуществлять одновременно с сохранением и относительным развитием частной, индивидуальной собственности, различных форм обобществления труда, выявляя и демонстрируя на конкретных фактах преимущества и возможности общественной социалистической собственности и коллективного труда. Убедительными, доступными восприятию примерами можно было сделать человека коллективистом, создавая возможности для духовного возрождения путем осознания нового, путем убеждения. Только так можно было формировать у индивида понятие о том, что принадлежащее всем принадлежит и ему, что только в коллективном труде можно найти счастье и благополучие. Без полного понимания сущности общественной собственности, соответствия ее конкретным целям и интересам личность не может стать активным, сознательным сторонником социализма. Громогласно провозглашенные в те годы утверждения о полном торжестве в сознании людей идей коллективизма еще не совпадали с действительностью. В результате наше общество, созданное во имя благородных гуманистических целей, приняло постепенно форму административно-бюрократического социализма, где волюнтаристско-командные методы руководства развитием социальной, экономической и духовной жизни отодвинули конкретного человека на второй план. Намечаемые и решаемые грандиозные планы развития не сочетались с непосредственными интересами, уровнем сознательности и социально-политической активности людей. Народ постепенно превращался в толпу, которая под гипнозом трафаретных лозунгов и заманчивых обещаний нацеливалась на осуществление абстрактных, теоретически и порою практически не обоснованных целей и задач.

Непонимание сложной диалектики развития коллективного и индивидуального сознания порождало субъективизм и волюнтаризм в решении непосредственных задач осуществления социалистического строительства. Субъективизм, волюнтаризм явились результатом идейно-теоретической слабости, научной и деловой некомпетентности, недальновидности, безотчетности и безответственности людей, которые сосредоточили в своих руках большую власть. Глубоко не понимая сущности, закономерности, целей социалистического строительства, они стремились решать возникающие задачи волевым образом, по своему усмотрению. Идейно-теоретической зрелости, мудрости в решении крупных социально-экономических, идейно-политических задач не хватало и многим активистам, действовавшим на местах. Неблагоприятные итоги волюнтаризма и субъективизма, особенно ярко проявились

в республиках Средней Азии и Казахстана, где объективные и субъективные основы частнособственнической психологии в сознании людей укоренились гораздо сильнее.

Таким образом, в процессе социалистического строительства политические, социально-экономические преобразования, вопросы культурного строительства решались без глубокого учета уровня развития субъективного фактора, возможностью активного, сознательного участия людей в планируемых и проводимых мероприятиях. Увлекаясь временными инициативами масс, оставляли в тени проблемы создания прочных, устойчивых, постоянно действующих эффективных факторов развития трудовой, общественно-политической активности людей, тесно сочетающих общественные и личные интересы. Такие односторонние действия в решении задач строительства, укрепления и развития социалистического общества начали давать о себе знать еще с середины 20-х годов. Вот тогда и начались первые признаки головокругения от успехов, явившиеся следствием невьяснения своевременности, необходимости и целесообразности намечаемых и решаемых конкретных политических социально-экономических задач.

В результате подобных непродуманных, волонтаристских действий были сведены на нет ленинские идеи о необходимости расширения темпов и масштабов проведения новой экономической политики, свертывались возможности и рамки действия кооперативного строительства. Ведь в условиях относительно устойчивого сохранения частнособственнической психологии, индивидуальной инициативы и стремлений эти организационные формы хозяйственной деятельности давали немалую пользу укреплению экономического фундамента социализма, накоплению материальных средств и ресурсов для широкомасштабного наступления социализма по всему фронту. Кроме того, в этих ленинских идеях учитывались и факторы коллективистской морали и психологии в тесном сочетании с частной инициативой. В республиках Средней Азии социально-экономический и идейно-нравственный вред непродуманной поспешности, размахистости проявлялся гораздо глубже и шире, чем в центральных районах страны. Ведь многие задачи непосредственного осуществления социалистического строительства решались без учета уровня зрелости людей, понимания ими смысла и сущности осуществляемых мероприятий.

Взять, например, проведение земельно-водной реформы, осуществленной через 9—10 лет после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Осуществляемые мероприятия имели свои особенности и сложности. Социально-экономические итоги земельно-водной реформы в определенной мере соответствовали сложившимся веками понятиям и представлениям людей. Частная форма владения землей, водой, скотом не ликвидировалась, а сокращалась до масштабов трудового хозяйства. Ликвидировалась крупная собственность на землю и скот, пастбищные угодья. Имущество баев, феодалов, патриархально-феодальной верхушки конфисковывалось и распределялось между безземельными, малоземельными, бесскотными хозяйствами. Владельцам конфискуемого имущества также оставлялась собственность в пределах установленной для всех норм. Деревня, таким образом, осреднячивалась и середняк становился ее главной, самой массовой фигурой. Здесь менялись по сути лишь формы частнособственнического владения землей, что в определенной мере соответствовало существующему уровню понятий, убеждений, личных стремлений подавляющего большинства сельского населения. Оставались частная инициатива, возможность иметь свою землю, скот, инвентарь, работать по своему усмотрению, привлекая в основном труд членов своей семьи и лишь иногда, в разгар полевых работ, применяя наемный труд. Следовательно,

осуществление актов антифеодальной аграрной реформы в отношении воздействия на идейно-нравственные устои людей было задачей относительно несложной. Это еще не требовало коренной ломки в их мировоззрении, понятиях и убеждениях.

Однако и здесь имелись свои трудности, обусловленные отсталостью сознания масс, влиянием на них религиозной идеологии, которая узаконивала частную собственность, считая ее институтом, установленным самим богом. Поэтому тормозящим этому делу фактором выступали не интересы людей, а укоренившиеся в их сознании понятия о «священности» частной собственности и недопустимости стремлений или действий, направленных на захват и изъятие собственности у другой личности. В процессе осуществления аграрной реформы как в нашей стране, так и в ряде зарубежных стран, вставших на путь социалистической ориентации, эта сторона субъективного фактора глубоко и всесторонне не учитывалась. Поэтому имелись случаи, когда отдельная, хотя и небольшая часть крестьянства отказывалась от земли, которую давали им власти. Порой крестьяне, ставшие владельцами конфискованной у феодалов земли, часть собранного урожая тайком отдавали бывшим землевладельцам. Здесь мы видим тот факт, когда религиозные чувства людей превалируют над их частными интересами: хотя душою они и тянутся к собственной земле, освобождению от зависимости баев, феодалов, но вместе с тем еще не могут не считаться со своими религиозными убеждениями, сложившимися в обществе традициями, обычаями. Такие факты особенно часто встречались в районах кочевого и полукочевого скотоводства, так как собственность на скот считалась там более прочной и незыблемой, чем собственность на землю.

Таким образом, земельно-водная реформа, проведенная в Средней Азии и Казахстане во второй половине 20-х годов, привела к определенной ломке в сознании, убеждениях людей. Но как было сказано выше, эта ломка происходила в пределах частнособственнического сознания, хотя и оказала большое влияние на повышение социально-политической активности тружеников села. Крестьяне видели реальную пользу, которую они получили от Советской власти, но они еще внутренне не воспринимали идею о социалистическом пути развития. Иметь собственную землю, скот, инвентарь для крестьянина было более понятным, чем вступать в коммуны.

В обществе назревала реальная, объективно и субъективно обусловленная задача — в течение определенного периода, в условиях нэпа, сохранить в деревне уже сложившиеся социально-экономические отношения, создать условия для развития производительных сил путем рационального и максимального использования различных форм кооперации. Такая политика в области развития села, повышения социально-политической, трудовой активности масс особенно нужна была в Средней Азии, Казахстане, где дехканские массы, население кочевого и полукочевого аула по уровню развития социального, идейно-политического сознания были более отсталыми, чем крестьянские массы центральных районов страны.

В. И. Ленин, выступая на VIII съезде РКП(б), говорил: «Что же мы можем сделать по отношению к таким народам, как киргизы, узбеки, таджики, туркмены, которые до сих пор находятся под влиянием своих мулл? ...Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: «Мы скинем ваших эксплуататоров?» Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 158—159.

Однако на практике, к сожалению, получилось иначе. Без учета сущности и уровня развития субъективного фактора и даже некоторых объективных условий в Средней Азии и Казахстане в конце 20 — начале 30-х годов началась массовая коллективизация. В некоторых самых отсталых районах коллективизация дехканских хозяйств осуществлялась почти одновременно с проведением земельно-водной реформы. Отсталые дехкане, жители кочевого и полукочевого аула, только что получившие землю, скот из рук Советской власти, еще не были готовы к тому, чтобы сознательно, убежденно воспринимать идею коллективизации. Они с трудом сочетались с их понятиями, убеждениями, целями и интересами, которые складывались и укреплялись в течение тысячелетий. Дело усложнялось и тем, что безземельный, малоземельный дехканин, ставший середняком, уже имел совершенно другие личные цели, ориентиры в области хозяйствования, использования еще недавно созданных на селе возможностей.

Коллективизация была совершенно новой, еще невиданной формой социально-экономического, политического развития. Для правильного сочетания социальной революции с духовной эволюцией людей нужны были такие промежуточные формы социалистического хозяйствования, как артели, ТОЗы и другие, возможности которых, однако, эффективно, рационально, широкомасштабно не использовались. Задачи влияния на нравственно-психологический мир людей, целенаправленное формирование у них новых интересов и убеждений остались в тени поспешно составленных, неоправданно размахистых планов.

Таким образом, грандиозный план перевода дехканских масс на новый путь социально-экономического развития начал осуществляться в условиях, когда они еще не были внутренне готовы для восприятия идеи социалистических преобразований. Поэтому коллективизация дехканских масс нередко осуществлялась путем насилия над умом и совестью людей, принуждения, подавления индивидуальных интересов большей части дехкан, особенно середняков. Все это в корне противоречило закономерностям социалистического пути развития, ленинским идеям о роли субъективных факторов при осуществлении крупных политических, социально-экономических преобразований. Вредные последствия такой неоправданной спешки сказались в социально-экономической жизни всей страны, но особенно широко и глубоко они проявлялись в условиях Средней Азии, Казахстана, других ранее отсталых регионов страны.

Ускорению идейно-нравственного, психологического прогресса сельского населения не способствовали и широкое строительство совхозов, рост рядов сельского отряда рабочего класса. В течение ряда лет сельские рабочие в душе оставались крестьянами, но в отличие от колхозников они получали не трудодни, а заработную плату. Нужно было немало времени для формирования в сознании вчерашних дехкан черт идеологии и сознания пролетариата. В этих условиях трудно оценить коллективизацию как подлинную революцию, осуществленную на основе полной поддержки тружеников села. Хотя коллективизация и ее конкретные формы являются необходимым условием социалистического строительства, всегда нужно иметь в виду вопрос о периоде, условиях, формах и методах ее осуществления.

Допуская факты грубого волюнтаризма и субъективизма в решении крупных социально-экономических преобразований, И. Сталин и другие игнорировали ленинские идеи о постепенности и поэтапности перевода дехканских масс на путь социалистического развития, о целесообразности широкого использования различных форм кооперации в обеспечении подъема производительных сил сельского хозяйства.

На практике искажались или игнорировались важнейшие партий-

ные документы о принципах социалистического преобразования деревни, о путях и формах решения этих задач в конкретных условиях тех или иных регионов страны. XV съезд ВКП(б) характеризовался как партийный форум, провозгласивший задачу «сплошной коллективизации деревни». В материалах же съезда ставилась конкретная задача развития всех форм кооперации с постепенным переходом в последующем к коллективной обработке земли. Без внимания не осталась и задача развития индивидуального сектора. Съезд поставил задачу совершенствования принципов нэпа в области сельскохозяйственного производства. Идя по этому пути, еще в течение ряда лет надо было давать простор для развития кооперативов, индивидуальных крестьянских хозяйств, расширяя при этом товарное производство. Все это было бы не только формой рационального совершенствования существующих в деревне социально-экономических отношений, но и большой школой для изменения общественного сознания и убеждений крестьянских масс. Ведь во второй половине 20-х годов кооперация, охватившая почти треть крестьянских хозяйств страны, делала уже первые шаги, дававшие ощутимый экономический и социальный эффект. Значительное развитие в те годы получила потребительская, снабженческая, кустарно-промысловая кооперация, укрепившая смычку между городом и деревней. Этим новым формам, возникшим в деревне, надо было дать простор для развития, одновременно постепенно создавая и укрепляя колхозы и совхозы на сугубо добровольных началах, не применяя методы насилия и принуждения. Однако все делалось по-другому. Всех заставляли соглашаться с насилием и принуждением, не слушали никаких возражений и замечаний. Те, кто протестовал против принудительных методов коллективизации, обвинялись в контрреволюционной пропаганде. Игнорировались ленинские идеи о том, что крестьянство является союзником пролетариата в строительстве социализма. Все это в корне противоречило основным принципам социалистического строительства, способствовало возникновению в различных районах страны крестьянских выступлений, приведших к человеческим жертвам, необоснованным массовым репрессиям. Грубейшие ошибки, произвол и самоуправство допускались в обобществлении средств производства. Игнорировались возможности и задачи дальнейшего развития ТОЗов, которые без учета мнений их членов насильно переводились на уставы артелей и коммун. В артелях обобществлялась и единственная корова, и мелкий скот, и даже птица².

Согласно плану И. Сталина, на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге сплошную коллективизацию необходимо было завершить в 1930 г. В условиях широкого распространения субъективизма и волюнтаризма эти сталинские указания нашли широкую «поддержку» у большинства руководителей низовых звеньев. Началось массовое, объективно и субъективно необоснованное соревнование за скорейшее завершение сплошной коллективизации во всех районах страны независимо от конкретных социально-экономических условий. Отошла на второй план разъяснительная, пропагандистская работа. В этом важном и ответственном социально-экономическом и политическом деле начались массовые приписки, очковтирательство. Многие увлекались фальсификацией истинных темпов и возможностей коллективизации, давали громогласные отчеты и победные рапорты. Высшее руководство страны, не имевшее реального представления о положении дел на местах, верило этим рапортам и «завинчивало гайки» для дальнейшего ускорения темпов и сроков решения этой задачи. Вся эта шумиха об успехах проходила мимо желания и интересов подавляющего боль-

---

² Правда. 1988. 26 авг.

шинства крестьянских масс. Эти поспешные действия стали причиной гибели многих коммунистов и активистов; широкое распространение получили факты порчи сельскохозяйственного инвентаря, истребления рабочего и прочего скота. Среди крестьянства началось недовольство, появились растерянность, чувство безразличия, безответственности, падала заинтересованность людей в конечных результатах своего труда, снижалась его производительность. Временные инициативы, возникавшие в тех или иных районах, как грибы после дождя, еще не были прочными, устойчивыми и долговременными факторами усиления социально-политической и трудовой активности крестьянских масс.

Начертанные «корифеем всех наций» пути социалистического преобразования деревни начали давать обратные результаты. Объективно насильственно толкаемый вперед социалистический путь развития крестьянства был далек от сущности и содержания внутреннего духовного мира подавляющего большинства крестьянских масс. Во всех районах страны в начале 30-х годов начался массовый голод, вызванный недостатком сельскохозяйственной продукции, в результате которого погибло несколько миллионов человек.

В годы коллективизации в стране, по неполным еще данным, было уничтожено, пало, было забито 17,7 млн. лошадей, более 90 млн. свиней, 71 млн. овец и коз, 25 млн. голов крупного рогатого скота, в том числе — 10 млн. коров. Для сравнения отметим, что все молочное стадо США составляет около 10 млн. голов.

В 1919 г., когда полыхала гражданская война, в стране производилось в два раза больше мяса, чем в 1934 г. Люди уничтожали скот, в большинстве случаев не имея никакого представления о коллективном труде, о преимуществах социалистического пути развития. Понятия «мое», «собственное» — единственное мое благосостояние еще определяли психологию и нравственные устои вчерашних крестьян, тяготевших к своим небольшим клочкам земли.

Эта трагедия, обусловленная волевым определением темпов и сроков коллективизации, особенно пагубно проявлялась в республиках Средней Азии и Казахстане, где частнособственническое сознание и психология дехканских масс, населения кочевого и полукочевого аула были более глубокими и устойчивыми. Кроме того, отсталые сельские массы были глубоко религиозными, считали священными, незыблемыми сложившиеся в обществе традиции, обычаи, социально-экономические отношения, были глубоко зависимы от духовенства, баев, родоплеменной верхушки. В начале 30-х годов Средняя Азия полностью и прочно встала на путь развития хлопководства. В результате расширения хлопковой монокультуры постепенно сокращались посевы пшеницы, других зерновых. А в связи с усложнившейся обстановкой в центральных районах до минимума сократился ввоз хлеба и промышленной продукции, и голод уносил миллионы жизней.

Особенно тяжело это сказалось на кочевых и полукочевых районах. У населения их не было или было очень мало посевных площадей, садов. Основным средством существования был скот. После конфискации или изъятия его хозяйства практически остались без необходимых для существования средств. Постоянное изъятие «лишнего» скота заставляло людей скрывать или уничтожать его. Между тем сосредоточение конфискованного скота в колхозах и совхозах к ожидаемым положительным результатам не привело. Неумение обращаться с большим количеством скота и незаинтересованность привели к его массовой гибели и голоду среди населения кочевых и полукочевых районов. Оно начало перекочевывать в оседлые земледельческие районы. Однако из-за отсутствия у животноводов профессиональных навыков в области земледелия, бедности колхозов трудно было решить задачу

их трудоустройства и обеспечения одеждой, продуктами питания. От голода умирали сотни тысяч казахов, туркмен, не имевших понятия о коллективном труде, лишенных средств к существованию. Многие местные партийные, советские работники, протестовавшие против этого насилия и произвола, были отстранены от работы, осуждены за «контрреволюционную» пропаганду. Волонтаристские ошибки, допущенные на местах отдельными, прибывшими из центральных районов страны, коммунистами, были во многом связаны с незнанием ими местных условий, идейно-политического уровня, сознания местного населения, особенностей нравственных и психологических устоев его жизни. Об этих трагических страницах жизни народов Средней Азии и Казахстана еще ничего не написано. Зная подлинные факты истории тех лет, ученые еще не решаются открыто говорить о них. Необходимо глубоко проанализировать эти события, которые являются серьезнейшим обвинением против культа личности, субъективизма и волонтаризма, ставших одной из главных причин белых пятен в нашей истории.

В марте 1930 г. в «Правде» была опубликована статья И. Сталина «Головокружение от успехов», где осуждались ошибки, допущенные в результате его же собственных указаний. Однако в последующем многие крупные ошибки, указанные в этой статье, остались не устраненными. Темпы и задачи коллективизации, определенные в прошлом, не менялись, продолжался ускоренный перевод крестьянских масс на путь социалистического развития без учета их общественно-политической зрелости и вообще реальных условий. Все это давало пищу нашим противникам для опорочивания перед глазами мировой общественности благородных идеалов социалистического пути развития, целей многонационального Советского государства.

В Узбекистане нарушение ленинских принципов коллективизации проявлялось в игнорировании местных условий и возможностей, принципа добровольности, широком администрировании. Неоправданной и ошибочной была также практика создания колхозов-гигантов на основе объединения нескольких кишлаков и аулов без учета пожеланий и настроений самих масс.

Отрицательно сказывались на ходе коллективизации, ее темпах слабая изученность отдельных местностей, объявленных районами сплошной коллективизации, недостаточный учет партийными органами сложившейся на местах политической обстановки, материальных возможностей, степени идеологической подготовленности населения и т. д. Вместо того, чтобы добиваться реальных темпов колхозного строительства, руководящие районные органы, стремясь опередить соседние районы, искусственно сокращали сроки коллективизации.

Отдельные факты обобществления жилых построек, мелкого рогатого скота, птицы отмечались в Ташкентском, Ферганском, Самаркандском округах. В результате этих извращений в некоторых районах бедняцкие и середняцкие хозяйства, не решавшиеся вступать в колхозы и в то же время не уверенные в возможности вести индивидуальное хозяйство, не готовились или плохо готовились к весеннему севу.

Наблюдались ошибки и другого рода. В Ферганском округе, например, были попытки организовать колхозы исключительно из батраков и бедноты, середнякам же предлагали создавать собственные, середняцкие колхозы. Такой левацкий перегиб мог лишь оттолкнуть середнячество — основную массу дехкан — от колхозного движения. Как отмечалось в докладной записке комиссии по проведению колхозного строительства в Ташкентском округе, дехкане неявно представляли себе материальную выгоду от колхозов как для колхозников, так и для государства. Из беседы с пятью колхозниками выяснилось, что они не только не знают устава, но он и не зачитывался на собрании при

организации колхоза. Работники колхозсекции, подтверждая это, отмечали, что зачастую организаторы и агитаторы сами не знакомились с уставом. Колхозы создавались без учета наличия тех основных предпосылок, которые определяют нормальное развитие и существование хозяйств³.

Как рассказывала нарком земледелия УзССР Е. Л. Зелькина, в кишлаке Муллачакар Ферганской области ей в ноги бросился старый дехканин: «Мне 70 лет, а жене 50 лет. Я слишком стар, чтобы идти в колхоз. Меня заставляют идти в колхоз и забирают мою землю». Он просил у наркома защиты и управы на председателя кишлачного сельсовета, который не внимал его просьбам⁴.

В результате жесткого администрирования и форсирования колхозного строительства у некоторой части дехканских масс создалось неправильное представление о сущности и целях коллективизации. Негативное настроение масс, обусловленное этими необоснованными перегибами, усиливалось также нарушением ленинских принципов отношения к религии и религиозным чувствам верующих. В некоторых областях развернулась широкая кампания по закрытию мечетей, игнорировались религиозные чувства масс. А в результате всего этого, как подчеркивалось в документах ЦИК УзССР, в Узбекистане произошел «отход некоторой части крестьянства и даже бедноты от коллективного движения», что привело к отдельным выступлениям дехканских масс против коллективизации и даже против Советской власти⁵.

С учетом этих перегибов ЦК ВКП(б) принял 25 апреля 1930 г. новое решение о коллективизации в национальных, экономические отсталых районах страны, где подчеркивалась недопустимость искривления линии партии в колхозном строительстве. Уже первые мероприятия по исправлению допущенных ошибок дали свои результаты. Были ликвидированы многие коммуны, мертворожденные колхозы. Принудительно коллективизированным хозяйствам были возвращены обобщественные земли, скот, инвентарь. В Казахстане в январе 1930 г. процент коллективизации достиг 74%, а после борьбы с искривлениями он сократился до 24%. В животноводческих районах республик Средней Азии за этот период уровень коллективизации упал до 10—15%.

Однако оказалось, что это было лишь временное затишье. В начале 30-х годов снова началась кампания по форсированию коллективизации дехканских хозяйств и раскулачивания. Снова широкомасштабно применялись принудительные методы, без учета интересов и потребностей большинства дехканских масс. Волонтаризм и субъективизм в решении социально-экономических задач снова давали о себе знать. Перед азартом некоторых идейно незрелых, политических неграмотных, научно некомпетентных местных руководителей начали отступать на задний план проблемы терпеливой, систематической идейно-воспитательной работы, формирования нового мышления у тружеников села. Противоречия между наспех поставленными, необоснованно размашистыми задачами и общим уровнем сознания дехканских масс преодолевались путем диктата сверху, принудительных методов. Многим казалось, что люди — это безвольная, бесцельная толпа, которую можно гонять куда угодно. Это по существу было новой формой давления на личность. Все эти волонтаристские, научно не обоснованные мероприятия противоречили указанию В. И. Ленина о том, что «пока мы переживаем крутую ломку, из этих противоречий выскочить сразу нельзя»⁶.

³ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 5, д. 743, л. 153.

⁴ Там же, оп. 6, д. 755, л. 78.

⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-86, оп. 1, д. 6327, л. 80—83.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 212.

Безусловно, мы хорошо знаем успехи, преимущества колхозов, которые сыграли большую роль в развитии производительных сил села, изменении общественного сознания крестьянства. Но эти успехи могли быть гораздо более внушительными и эффективными, если бы коллективизация сочеталась с научно обоснованной, целенаправленной работой в области усиления политико-воспитательной работы. Было бы больше эффекта от труда людей, которые вступают на новый путь общественного развития сознательно, убежденно, глубоко понимая сущность и преимущества коллективного труда и общественной собственности на средства производства.

Неблагоприятные последствия волюнтаризма и субъективизма, игнорирование объективных законов осуществления социально-политических преобразований в процессе социалистического строительства ярко проявились и в осуществлении политики раскулачивания.

Известно, что кулачество сформировалось в результате развития в деревне капиталистических форм землевладения и земледелия. К группе кулацких относятся такие хозяйства, которые полностью переходят на путь товарного производства, применяют наемный труд, осуществляют производство путем применения достижений науки и техники. В российской деревне кулаки начали появляться во второй половине XIX в. в результате постепенного проникновения в деревню капиталистических отношений. Поскольку Россия вплоть до победы Октябрьской революции оставалась страной полуфеодальной, здесь кулацкие хозяйства в начале XX в. еще не составляли основной группы сельских эксплуататоров.

В дореволюционном Туркестане в силу полного господства феодального земледелия и землевладения не было объективных условий для возникновения кулацких хозяйств. Основными социальными силами в кишлаках и аулах оставались бай-землевладельцы, патриархально-родовая, полуфеодальная верхушка, которая сосредоточивала в своих руках землю, основное поголовье скота, лучшие пастбищные угодья. Известно, что бай-землевладельцы, крупные собственники скота постепенно переходили на путь товарно-денежных отношений, но это еще не способствовало появлению у них идейно-политических, социально-экономических черт, характерных для кулацких хозяйств. Что касается Бухарского эмирата и Хивинского ханства, то там вообще не могло быть и речи о возникновении кулацких хозяйств. После земельно-водной реформы в кишлаках и аулах основной фигурой на селе стал середняк. Оставались не ликвидированными отдельные крупные феодалы и мелкие феодальные хозяйства. Осереднячивание деревни происходило в условиях диктатуры пролетариата, когда бразды общественного развития находились в руках рабочего класса и его революционной партии. В этих условиях трудно представить себе широкие возможности перерастания середняцких хозяйств в кулацкие. Кроме того, для этого нужны были время, условия для их экономического и идеологического развития.

В самых отсталых районах земельно-водная реформа происходила почти одновременно с коллективизацией, что совершенно исключало возможности перерастания середняка в кулака.

В те годы в Средней Азии и Казахстане стояла одна определенная задача — осуществить доликвидацию остатков феодальных и полуфеодальных хозяйств, которые, используя различные махинации и отсталость дехканских масс, успели сосредоточить в своих руках новые земельные угодья и большое поголовье скота.

Конкретные задачи борьбы с остатками эксплуататорских классов села были определены в материалах XV съезда ВКП(б). Съезд ставил задачу наступления на кулачество экономическими методами, ограничения его эксплуататорских возможностей, а не насилия, разо-

рения и принудительной ликвидации. Надо было путем экономических мер постепенно сокращать количество кулацких хозяйств. В результате непонимания, волюнтаристского игнорирования особенностей социальных групп сельского населения были допущены ошибки при определении кулацких хозяйств. Во многих местах начали раскулачивать и середняков, истинных тружеников села, людей, умеющих вести хозяйство умно и рачительно. В отдельных случаях «раскулачивались» некоторые бедняцкие хозяйства, не готовые еще вступать в колхоз. Тем самым был нанесен большой удар по одному из основных социальных факторов развития производительных сил сельского хозяйства. По расчетам советских ученых, в результате этого число крестьянских дворов в стране было сокращено на 3,2 млн. хозяйств, которые были в основном разорены, а люди высланы⁷. Число раскулаченных во многих районах составило 10—15% крестьянских хозяйств, количество лишенных избирательных прав — 15—20%⁸. На самом же деле число кулацких хозяйств в стране не составляло даже 7% всех крестьянских дворов.

В республиках Средней Азии и Казахстана раскулачивались не ликвидированные еще феодальные и полуфеодальные хозяйства, а в основном — середняки и даже бедняцкие хозяйства. При раскулачивании определенное место имели факты сведения личных счетов. Смысла и цели раскулачивания не понимали не только те, кто подвергался репрессиям, насильственному выселению из родных мест с конфискацией всей земли, скота и другого имущества, но и те, кому было поручено осуществление этой задачи. Слабая профессиональная подготовка, идейно-политическая незрелость работников низовых органов, обусловленные ими волюнтаризм, субъективизм, неумение спокойно и терпеливо работать с массами стали причиной многих необоснованных перегибов. Оставшихся на месте членов семей раскулаченных хозяйств в колхозы не принимали, лишая работы, средств к существованию, обрекали на голодную смерть. Жен и дочерей, отцы и мужья которых были высланы за пределы областей, республик, без официального развода с мужьями заставляли выходить замуж за батраков, растоптав при этом их честь, достоинство и чувства. Личная трагедия людей совершенно не учитывалась, они оставались незамеченными на фоне победных рапортов об успешном ходе социалистического строительства. Вредная сталинская теория обострения классовой борьбы по мере укрепления и развития социализма стала теоретической базой для необоснованных массовых репрессий, глумления над правами, честью и достоинством людей. Человеческие судьбы, интересы стали не целью, а средством осуществления научно не обоснованных, догматических, волюнтаристских идей.

В ходе раскулачивания, например, в Кашкадарьинской области искажалась классовая линия партии, в результате чего лишали избирательных прав середняков. Во время сбора семфонда их вносили в списки кулаков, что резко увеличивало их взнос. Так, в Kitabском сельсовете Кашкадарьинской области уполномоченный Тураев инструктировал население о том, что каждый, кто нанимает работника хоть на один сезон, будет считаться кулаком.

Из Андижана, из Карасуйского района, сообщали, что «райпарт-организации не знают как определить социальные границы. Всего лишено прав 1770 человек, куда входило 394 середняка, принятых за кулаков, и 536 дехкан, лишенных прав за их религиозность.

В Каттакурганском районе Самаркандского округа также допу-

⁷ См.: Труд. 1988. 3 авг.

⁸ См.: Правда. 1988. 26 авг.

стили перегибы — вместе с кулаками «раскулачили» часть середняков и даже бедняков.

Все это толкало дехканина к тому, чтобы представить себя бедняком, разделить свое хозяйство, сдать часть земли, отказаться от чайрикерства и т. д.

Вредные последствия объективно и субъективно не обусловленных и не обоснованных действий отчетливо проявились и в период борьбы за раскрепощение женщин.

Безусловно, раскрепощение женщин, активное и непосредственное вовлечение их в трудовую, общественно-политическую жизнь, преодоление идейно-нравственных факторов, препятствовавших решению этой задачи, явилось неразрывной частью социалистического строительства. Только социалистическое общество могло создать женским массам условия для полного раскрепощения, развития их духовного и всего человеческого потенциала. Такая задача была реальной и необходимой. Однако эту задачу нельзя было решить только на основе директивных указаний сверху. Полное духовное раскрепощение могло быть обеспечено лишь путем сознательного, активного участия в этом деле самих женских масс. Необходимо было вести систематическую, целенаправленную идейно-воспитательную работу, накапливать и обобщать определенный опыт вовлечения женщин в трудовую, общественно-политическую жизнь. Но нередко эта задача решалась без глубокого учета уровня развития сознательности не только женщин, но и всего коренного населения. Подавляющее большинство женщин, да и мужчин, еще не было готово к правильному восприятию идеи раскрепощения. Идейно-нравственные принципы феодального общества глубоко сидели в сознании большинства женщин и мужчин. Как отмечалось на III краевом совещании в сентябре 1926 г. многие перегибы в области раскрепощения женщин были связаны с отсутствием в Средней Азии единообразного законодательного акта по вопросам брака, семьи и наказуемости бытовых преступлений⁹. Неудовлетворительно была поставлена правовая пропаганда, в результате чего женщины местной национальности почти не разбирались в существующем законодательстве. Вот как описывался ход одного собрания по раскрепощению женщин, которое проходило в марте 1927 г. в «старом городе» Ташкента: «На собрание женщин приводили милиционеры под конвоем. Собрание проводилось во дворе, куда их мужей не пускали. Женщины приходили с детьми и на собрании стоял шум и гам... После доклада представитель милиции заявил, что кто 8 марта не придет на демонстрацию, не откроет лицо, будет оштрафован на крупную сумму. Несколько милиционеров демонстративно размахивали оружием, прохаживались по рядам присутствующих».

В некоторых кишлаках Андижанской области дехкане приглашались на собрание с женами и дочерьми через милицию и угрозыск, получая при этом предупреждение, что тот, кто не явится, будет приговорен к 6-месячному тюремному заключению или оштрафован на сумму от 35 до 75 руб. При решении конкретных вопросов раскрепощения часто не учитывался уровень религиозности населения, терпеливая идейно-воспитательная работа нередко отступала на второй план. Применение в этом деле неоправданно левацких мер, объективно не обусловленная поспешность оказывали обратное воздействие на мысли и чувства людей. В результате имели место не только нравственные, но и человеческие потери. В те годы сотни женщин стали жертвами не только классовых врагов, но и несознательных людей. Трудно было в те годы внедрить в сознание людей идею о том, что женщина может ходить с открытым лицом по улице, работать рядом

⁹ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 1, д. 2086.

с Мужчинами, занимать общественное положение. Такие идеи с трудом проникали и в сознание самих женщин. Нужно было время, чтобы освободить женщин и мужчин от вредных привычек, понятий и убеждений, сложившихся в условиях феодального строя, патриархально-родовых отношений, под влиянием мусульманской религии. Но этого не хотели ждать. Надо было обеспечить и в этом деле установленный планом, директивными указаниями темп. А в результате объективно не подкрепленных, субъективно не обусловленных мероприятий отец убивал родную дочь, муж — мать своих любимых детей. Безусловно, мы не можем отрицать больших успехов, достигнутых в деле раскрепощения женщин. Но эту задачу можно было решить и другим путем, применяя более рациональные формы и методы, без большого нравственного урона и человеческих жертв.

Волюнтаристские методы решения социально-экономических проблем без учета возможностей экономического прогресса, интересов и потребностей людей наглядно проявились и в 60-е годы, когда в результате установления необоснованно высоких налогов на домашний скот, на плодовые деревья многие труженики села были вынуждены уничтожать «лишнее» поголовье скота, рубить фруктовые деревья, выкорчевывать виноградники. Все это происходило по всей стране в массовых масштабах. В результате ухудшилось экономическое положение колхозников, рабочих совхозов, затруднилось снабжение населения городов свежими фруктами, продуктами животноводства. Сельское население начало приезжать в города для покупки мяса, молока, фруктов. Все это сильно подняло цены на рынках. Сами колхозы и совхозы Узбекистана, целиком и полностью вставшие на путь монокультуры хлопчатника, не были в состоянии удовлетворить потребности городского и сельского населения в продуктах животноводства и овощеводства.

Такие экономические и социально неоправданные мероприятия ослабляли у сельского труженика чувство хозяина, его инициативу и предприимчивость. У людей постепенно ослаблялся интерес к ведению собственного подсобного хозяйства, к тому, чтобы идти на рынок со своими продуктами, которые отличались более высоким качеством. К тому же до последнего времени имелось немало ненужных препятствий для доставки выращенного на приусадебных участках на рынок. Много образовалось паразитических звеньев в лице автоинспекторов на дорогах, различных контролеров. Надо было достать справки о том, что продукция выращена на собственных приусадебных участках. Такие справки, однако, нередко не давали, ссылаясь на разгар сельскохозяйственных работ на колхозных и совхозных полях. Портилась выращенная кропотливым и тяжелым трудом продукция. Все потребности тружеников села в продуктах питания в основном должны были обеспечивать колхозы и совхозы, у которых, однако, такой возможности не было. В экономическом отношении эти мероприятия ослабляли возможности удовлетворения материальных потребностей людей, в социальном отношении ослабляли их предприимчивость и активную трудовую деятельность в нерабочее время. Так у тружеников села постепенно ослаблялся интерес к домашнему подсобному хозяйству, расширению индивидуальной трудовой деятельности, усилились иждивенческие настроения, стремление получить все необходимое от государства. Когда жители села отправляются в город для покупки различных продуктов питания — это уже означает большой застой в области развития экономики, человеческих интересов и стремлений. Так в человеке годами внутренне ослаблялось человеческое проявление и развитие его индивидуальности и способностей.

Вершиной волюнтаризма, авантюристского решения экономиче-

ских проблем явился пресловутый «рязанский опыт», когда руководство области в погоне за выполнением научно не обоснованных планов в течение нескольких лет перебило почти все поголовье крупного и мелкого рогатого скота. Политическая слепота в этом вопросе заключалась в том, что люди вообще перестали думать о завтрашнем дне, об интересах и потребностях в реальных планах. Все сводилось к тому, чтобы в течение двух-трех лет перевыполнить пятилетние планы и получить правительственные награды.

Опыт семейного подряда в Узбекистане начал практиковаться еще в 60-е годы. Колхозы и совхозы, занимающиеся овощеводством, начали давать семьям своих членов непригодные, вновь освоенные земли. Рационально используя все свои возможности, в результате сознательного, кропотливого труда люди получали на этих землях очень высокие урожаи, в несколько раз превышавшие объем урожая, получаемый колхозами и совхозами с самых лучших земель. Экономическая эффективность семейного подряда была признана уже тогда. Ведь только лука с одного гектара посевной площади получали 50—60 т, что в два-три раза превышало его урожайность на полях колхозов и совхозов, причем с меньшими затратами. В колхозе им. Г. Димитрова Галабинского района Ташкентской области раздавали семьям на откорм молодняк крупного рогатого скота. Эффект был колоссальным, резко снижался падеж скота, достигалась высокая упитанность животных. Все это, однако, было расценено как расхищение колхозной собственности, усиление частнособственнических интересов.

Научно не обоснованные формы и методы в понимании и реализации соотношения целей и смысла осуществления социально-экономических преобразований, без учета человеческой индивидуальности, ее внутреннего мира, запросов и интересов давали о себе знать и в последующие периоды развития нашего общества. Разрыв между главной целью общественного прогресса, средствами, формами и методами их осуществления все больше углублялся, что не могло не влиять на темпы общественного развития и характер внутреннего идейного, нравственно-психологического мира конкретных людей. Если глубоко поразмыслить о сущности происшедших событий, можно сделать вывод, что не экономическое развитие подчинялось интересам людей, а сами люди нередко становились слепым орудием для достижения каких-то дутых экономических показателей. Так возник негласный принцип — не экономика для человека, а человек для экономики. В Узбекистане этот принцип принял другую конкретную форму — люди нужны для хлопка, а не хлопок для людей. Давали стране миллионы тонн хлопка, не задумываясь при этом глубоко об улучшении материального благосостояния, социально-культурного уровня людей. С ростом хлопководства материальное благосостояние, общий жизненный уровень людей не улучшались. Было время, когда люди, выращивающие миллионы тонн хлопка, месяцами искали в магазинах хлопчатобумажные сорочки, носки, майки. Хлопкосеющие колхозы, совхозы увязли в долгах, общая сумма которых превысила 5 млрд. руб. Люди работали на полях ради дутых показателей по 12—16 часов, без выходных, без праздничных дней. На 70-м году Советской власти единственным их питанием стали в основном лепешка, чай, сахар. За последние годы с прилавков магазинов исчез и сахар. Потребление мяса на душу сельского населения упало до 8—10 кг в год. Резко ограничивались размеры индивидуальных земельных участков, негде было держать не только корову, но и курицу. Люди начали ездить в город за мясом, молоком, овощами и фруктами. Все эти и другие факты стали самым большим препятствием на пути рационального и максимального использования преимуществ и возможностей социа-

листического пути развития. Монокультура, распространенная в хлопкосеющих республиках Средней Азии, исключительно затруднила решение продовольственной проблемы. Они получали дотацию на мясо и другие продукты из других республик. Но никто не говорил о дотации хлопка, который имел огромное значение для развития и укрепления экономики всего Союза.

По существу монокультура в определенной мере стала результатом пренебрежения интересами, потребностями, условиями жизни людей. В результате экстенсивного хлопководства постоянно сокращались посевы других культур, сужались возможности для развития животноводства. Интенсивное применение в хлопководстве дефолиантов, ядохимикатов привело к крайнему ухудшению экологической обстановки, распространению различных заболеваний, быстрому росту детской смертности. Результатом бездумного освоения новых земель во имя увеличения производства хлопка явились высыхание Аральского моря, засоление и заболачивание миллионов гектаров посевных площадей. Все это нанесло огромный урон не только экономическим интересам, но и нравственным устоям людей. В результате бесхозяйственности, решения многих проблем без учета реальных интересов людей хлопок, который считался гордостью Узбекистана, стал горем народа. Этому способствовали также тяжелый ручной труд в условиях южной жары, низкие закупочные цены.

Невнимательность, а откровенно говоря, пренебрежительное отношение к интересам и потребностям людей привели к крайнему отставанию социальной сферы. По уровню оказания социальных услуг населению Узбекистан занимает одно из последних мест в стране. На селе крайне мало культурно-просветительных, коммунально-бытовых учреждений, недостаточно использовались их возможности. Не хватает школ, детских садов, яслей, спортивных сооружений, больниц, поликлиник, квалифицированных врачей. Крайне отсталой является культура быта села, совершенно неудовлетворительно его санитарное состояние. В республике еще можно встретить целые районы, где нет родильных домов.

Крайнее отставание социальной сферы характерно для всей страны. Именно поэтому во многих районах — и не только в Нечерноземье — деревни пришли в упадок. Не находя здесь условий для удовлетворения своих потребностей, люди уходят в города. Все это могло иметь место и в Узбекистане, если бы не многовековая привязанность сельского населения к земле, к родному очагу, родным и близким.

Для многих высокопоставленных, наделенных большой властью чиновников люди стали средством для достижения личных целей, амбиций, личной славы, повышения авторитета, общественного положения. Вся потогонная система, тяжелейший труд на хлопковых полях, постоянно раздуваемые «народные инициативы» все больше оставляли в тени простых тружеников. Гремела слава руководителей, они награждались золотыми звездами, орденами и медалями, имели хорошие условия для своего благополучия. Строились особые магазины, больницы, поликлиники, санатории, где редко можно было видеть людей с мозолистыми руками, обгоревшими под солнцем лицами. Много написано о героизме советских людей во время строительства Фархадской ГЭС. Но никто открыто не говорит о жертвах, о невыносимо тяжелом труде в самых жестких условиях.

Такая система одностороннего отношения к интересам и потребностям людей оказала большое влияние и на общественные науки, где много писалось об общественном прогрессе, развитии человечества, об абстрактном человеке, а проблема изучения конкретной личности оставалась в тени. Как в общественных науках до сих пор не сложилась научно обоснованная теория о комплексных проблемах

человека, индивида, так и в практическом аспекте мы растеряли конкретного человека в хаосе колоссальных социально-экономических процессов и политических событий. Фактология, догматизм, господство авторитарных суждений, просто бездушность и безответственность отдельных ученых, отсутствие свободного, творческого обмена мнениями способствовали тому, что наука постепенно отрывалась от жизни, нередко становилась ареной абстрактных, трафаретных идей и суждений. Идеи о полной гармонии личных и общественных интересов, о создании всех условий для гармонического развития личности, о колоссальных достижениях в росте материального благосостояния, общекультурного уровня людей были настолько оторваны от жизни, что нередко напоминали детскую сказку. В плену этого не управляемого разумом ученых хаоса были многие.

Однако успокаивать народ сказками можно было только до поры, до времени. Идеи о необходимости осуществления коренных преобразований во всех сферах общественной жизни зрели в сердцах и мыслях ученых давно. Но ветер гласности и демократии дал новые просторы для научной, конкретной разработки проблемы человека. И накопившиеся страсти и мысли дали большой взрыв, накал эмоций. Началась негативомания в понимании и освещении всего пройденного нами за годы Советской власти исторического пути. Нередко не хватало нам сдержанности, мудрости, осторожности, дальновидности, политического и этического такта. Опять дали знать о себе не оправдавшая себя форма категорических суждений — шараханье из одной крайности в другую, неумение искать и находить разумную объективную линию не только в оценке событий, но и в решении конкретных социально-экономических задач, защите социалистической законности и социальной справедливости. Для разумной, целенаправленной перестройки нужны не только одни желания, страсти, самое главное — нужны терпение, дальновидность, умение не поддаваться эмоциям, давать простор практическим действиям и аналитическому мышлению. Мы уже наломали немало дров, и повторять эти ошибки в новых формах недопустимо. Мы постепенно учимся оценивать прошлые действия бывших руководителей, ошибки, связанные с культом личности, волюнтаризмом и субъективизмом. Трудно измерять вчерашние дела сегодняшним аршином. Надо самым серьезным образом подумать и о том, каким аршином будут мерить люди завтра наши сегодняшние дела. Единственный критерий истины — практика, созидательная деятельность миллионов людей. Необходимо обобщать опыт на каждом шагу, и только после глубокого анализа сделанного определять новые конкретные шаги и действия.

Факты давления на человеческую личность, игнорирования ее индивидуального мира, потребностей, способностей и возможностей привели к тому, что на общем фоне осуществляемых в стране колоссальных социально-экономических мероприятий тонула и исчезала, порою бесследно, человеческая индивидуальность. Люди стали объектом бесконечных политических, экономических, социальных экспериментов, многие из которых не соответствовали их интересам или обходили их стороной.

В социально-экономической политике большое место занимали научно не обоснованные обещания резкого повышения в ближайшее время жизненного уровня советских людей. Обещались золотые горы, появлялся обнадеживающий мираж, но не было никакого реального улучшения дела. Принимались громогласные решения, постановления, комплексные мероприятия, но жизненный уровень людей не шел в гору. Все это создавало у некоторой части населения пессимизм и неуверенность. Ведь верить обещаниям можно один, два, десять раз, но не бесконечно. Даже сами обещающие нередко были неуверены в

выполнимости намеченных задач. И здесь реальный человек со своими интересами и потребностями оставался в тени принимаемых широкомасштабных, но не реальных мероприятий. Так у руководителей в течение многих десятилетий формировалось чувство безнаказанности и безответственности. Ведь самое высшее руководство ни перед кем не отчитывалось. Если были определенные успехи, то все это приписывалось себе, если неудачи — никто об этом открыто не говорил. Виновники упущений, промахов, связанных с напрасной тратой средств в астрономических размерах, оставались в тени. Все это было очередным проявлением субъективизма и волюнтаризма.

Перестройка прежде всего должна коснуться именно этой сферы духовной жизни людей, ибо без обоснованного, сознательного, оптимистического настроения людей, одними лозунгами и обещаниями просто невозможно решить все поставленные перед нашим обществом задачи. Перестройка в области человеческого фактора не может происходить быстро и молниеносно. Необоснованная спешка, размахистость в этом вопросе крайне вредна. Нам не нужно молчаливого согласия людей или громких аплодисментов, заранее заготовленных красноречивых выступлений с высоких трибун. Нужны духовная убежденность, сознательная активность, заинтересованность и уверенность в действиях. В условиях наличия в сознании людей тяжелых идейно-нравственных осадков периода культа личности и застойного времени создать такой положительный настрой — дело трудное, кропотливое, требующее определенного времени. Надо ломать старые стереотипы понятий, убеждений и суждений, выявлять в человеке во всей ширине и глубине индивидуальность, заинтересованность, укреплять не словами, а конкретными, эффективными делами оптимизм и уверенность, убежденность в правоте и возможности реализации намеченных целей. Для этого прежде всего надо осуществить коренную ломку в формах, методах, средствах всей системы идейно-воспитательной работы. Для новых действий нужны новое мышление, новые убеждения, заинтересованный оптимизм, умелое сочетание везде и во всем личных, групповых, общественных интересов. Все это надо делать основательно, не для показухи и отчета, не для временного самоуспокоения. Для практики решения огромных исторических задач крайне вредно перерастание настроения самоуспокоения в разочарование. Советские люди, глубоко зная негативные страницы прошлой истории, с большим оптимизмом, надеждой смотрят на решение задач перестройки. Эта надежда должна быть оправдана реальными делами. Для решения задач перестройки нужны большая мудрость, дальновидность, такт и осторожность, взвешенность в определении конкретных задач социально-экономического развития. Здесь не должно быть места субъективизму, волюнтаристскому определению перспектив развития. Ошибки прошлого должны являться не только страницами прошлого, но и уроком для сегодняшнего дня и для будущего. Никто не имеет права неоправданными действиями девальвировать благородную идею обновления нашего общества, ленинских принципов сущности социализма, последовательной защиты интересов человека.

Народ — творец истории. Но народ — это совокупность конкретных индивидов, наделенных различным уровнем индивидуального, профессионального, нравственного, социального развития, определенными склонностями, интересами и способностями. Следовательно, активизация роли народных масс в решении исторических задач в определенной мере зависит и от того, насколько мы сумеем раскрыть все грани индивидуального в человеке, создать условия для их выявления и реализации, максимально использовать возможности каждого индивида в решении конкретных задач социально-экономического и духовного развития. Поэтому, имея общее понятие о народных массах,

о творческой созидательной деятельности, нам крайне необходимо иметь конкретное представление и о реальных людях. Вероятно, от рождения подавляющее большинство людей наделено определенными природными данными, способностями и возможностями. Но есть и дарования, склонности, интеллектуальные возможности, которые не могут быть одинаковыми у всех. Поэтому надо искать и индивидуальное в каждом человеке, создавать условия, возможности для полной реализации этих качеств, рационально использовать их с учетом интересов индивида и потребностей общества. Общественный прогресс будет идти более быстрыми шагами, если мы сумеем рационально использовать грани индивидуальных способностей, не оставляя в стороне интересы конкретного человека.

Индивидуальные способности человека не только должны быть замечены и использованы, но и заслуженно вознаграждены. Индивидуальному человеку нужно не только внимание, но и забота. У человека, чувствующего свой талант и знающего свои способности, есть и потребности, личная заинтересованность, стремление получить определенную материальную выгоду. Талантливый индивид не может постоянно работать и творить, только исходя из собственной инициативы и патриотических побуждений. Инициатива и патриотизм будут более эффективными, если сочетать их с материальным вознаграждением в рамках основного принципа социализма — от каждого по способностям, каждому по труду. В обществе много художников, артистов, писателей, поэтов, архитекторов, ученых, врачей и других, которые, имея одинаковое образование, выполняют свою работу на различном качественном уровне. Не замечать этого просто невозможно. Если мы этого не учтем, то на фоне общей уравниловки утонут заинтересованность и индивидуальные грани таланта людей. Это касается не только представителей умственного труда, но и рабочих, земледельцев, животноводов, работников сферы обслуживания. Когда все подчинено принципам уравниловки, индивидуальная заинтересованность, стремление работать с полной отдачей, сознательно, творчески отходит на второй план. Люди думают, как отработать восьмичасовой рабочий день и получить заранее определенную заработную плату. Все это было препятствием не только на пути развития склонностей и способностей индивида, но и на пути общественного прогресса.

Характерна в этом отношении ситуация, которая сложилась в научных, творческих коллективах. В области науки работало много ученых со званиями и степенями. Общая эрудиция, уровень научной и теоретической зрелости у них были неодинаковыми. Несмотря на различия в количестве и качестве труда, они годами получали одинаковую заработную плату. В застойные годы нельзя было также достойно награждать способных ученых премиями. И в области размеров тоже существовали заранее определенные границы. Чтобы израсходовать выделенный коллективу премиальный фонд, надо было поощрять и способных, и неспособных. Все это ослабляло творческую инициативу, стремление работать с полной отдачей, максимально использовать свои возможности и способности.

В условиях развития кооперативов, индивидуальной трудовой деятельности, различных форм подряда и хозрасчета появились новые возможности для развития талантов, индивидуальных способностей и склонностей. Люди уже стараются работать не формально, а с полной отдачей, заранее зная эффект, который они получают в результате своей деятельности. Безусловно, здесь есть факторы, которые будут способствовать развитию частнособственнической психологии. С учетом этого необходимо постоянно совершенствовать формы и методы поощрения индивидуальных способностей и склонностей, не допуская перерастания индивидуальной трудовой деятельности в

частнокапиталистическое предпринимательство, наносящее ущерб интересам других членов общества.

Новые формы организации труда должны внедряться в условиях господства социалистической собственности на средства производства как важнейший фактор ускорения социально-экономического развития общества. В любой ситуации человек остается человеком. Ему нужны не только жирный кусок, но и забота, внимание, уважение. Именно наличие широкого круга духовных, нравственных интересов и потребностей отличает сущность человека. Возрастание материальных интересов никогда не может оставить в тени моральные интересы, потребности. В силу этого важное значение в сочетании индивидуального и общественного прогресса имеет и совершенствование форм, методов морального стимулирования.

До последнего времени в вопросе, затрагивающем существенные моменты человеческих интересов, имелось немало грубых формальностей. Нередко люди получали ордена и медали, почетные звания и другие награды не заслуженно, а формально, иногда — по протекции. Сначала выделяли коллективам количество орденов и медалей. При этом конкретно не учитывались многие показатели в трудовом коллективе. После этого указывались параметры национальной принадлежности, пола, возраста, стажа и т. д. Награждались нередко не те, кто действительно заслуживал награды, а те, данные которых более подходили по формально установленным параметрам. Все это создавало условия для грубых злоупотреблений в области морального поощрения людей.

За последние годы Верховные Советы СССР и союзных республик приняли новое постановление о порядке награждения орденами, медалями СССР, о присвоении почетных званий. Все это, несомненно, будет новым шагом в совершенствовании форм морального стимулирования. Но вместе с тем здесь еще много неясного, все это надо совершенствовать с учетом практики будущего.

Итак, новое мышление, провозгласившее приоритетность социальной сферы, перемещает акценты в толковании диалектики целей и средств осуществляемых в стране качественных преобразований революционного характера: человек, удовлетворение его потребностей, интересов отныне становятся главной целью обновляющегося социализма. Тем самым человек, прежде понимаемый как один из элементов производительных сил, предстает перед нами и как цель, и как основной стимул развития общественного производства.

Ш. ШАРАХМЕТОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ АВТОРОВ РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют большое внимание ускорению научно-технического прогресса, учитывая, что только на базе его можно обеспечить укрепление экономики нашей страны. За последние годы в этом направлении проведен ряд масштабных мероприятий. Так, в преддверии XXVII съезда партии в июне 1985 г., в соответствии с решением апрельского (1985) Пленума ЦК КПСС, в ЦК КПСС состоялось совещание по вопросу «Об ускорении научно-технического прогресса». На совещании шел обстоятельный разговор о концепции ускорения социально-экономического развития страны на базе научно-технического прогресса, о перестройке производства, переводе его на интенсивные рельсы, об эффективной форме управления и более полном решении социальных проблем¹.

На XXVII съезде КПСС подчеркивалась необходимость дальнейшего усиления связи науки с производством, своевременного внедрения научных открытий и изобретений, повышения материальной заинтересованности изобретателей и рационализаторов². В целях реализации решений съезда Политбюро ЦК КПСС на очередном заседании в апреле 1986 г. специально рассмотрело вопрос о развитии изобретательства и рационализаторства в стране³.

Придавая важное значение массовому развитию технического творчества, М. С. Горбачев говорил: «Людям надо помочь убедиться, что ускорение научно-технического прогресса — это жизненно важное дело, которое отвечает интересам всех, позволяет каждому широко раскрыть свои способности и талант»⁴.

Новаторы производства внесли достойный вклад в выполнение плановых заданий одиннадцатой пятилетки. Страна получила в результате их технического творчества экономический эффект в сумме 35 млрд. руб.⁵

Из года в год растут число внедренных предложений и получаемый от них эффект в нашей республике. Так, по данным ЦСУ УзССР, в девятой пятилетке в народном хозяйстве было использовано 209,5 тыс. изобретений и рационализаторских предложений, в десятой — 246,2 тыс., в одиннадцатой — 272,8 тыс. Повышается и общая

¹ См.: Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии//Известия. 1985. 12 июня.

² Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 27—29.

³ Правда Востока. 1986. 5 апр.

⁴ Горбачев М. С. Коренной вопрос экономической политики партии//Известия. 1985. 12 июня.

⁵ Тюрин Е. Праздник творцов нового//Изобретатель и рационализатор. 1985. № 6. С. 4.

эффективность от их внедрения. Если в девятой пятилетке она составила 690,5 млн. руб., то в одиннадцатой — более 1,3 млрд. руб.⁶

Сегодня ни одна отрасль науки, техники, сфера производства не дает такую экономию, отдачу, как изобретательство и рационализаторство. Один рубль затрат на изобретательство и рационализаторство приносит в среднем по стране почти 18 руб. прибыли, а в нашей республике — почти 44 руб.⁷

Только за последнее время в республике проведено 4 Всесоюзных совещания и несколько республиканских конференций, а также семинары, посвященные научно-техническому творчеству, что способствовало дальнейшему развитию движения изобретателей и рационализаторов⁸.

В стимулировании развития научно-технического творчества большое значение имеет защита нарушенных либо оспариваемых прав или охраняемых законом интересов авторов изобретений и рационализаторских предложений. Поэтому эти вопросы находятся в центре внимания Верховных Судов СССР, союзных и автономных республик.

Руководствуясь постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 августа 1983 г. «О мерах по ускорению научно-технического прогресса в народном хозяйстве» и добиваясь правильного применения законодательства, защиты прав и законных интересов авторов изобретений и рационализаторских предложений, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 15 ноября 1984 г. «О применении судами законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с открытиями, изобретениями, рационализаторскими предложениями и промышленными образцами» разъяснил судам практику применения отдельных норм Положения об изобретательстве в нашей стране. В постановлении подчеркнуто, что правильное и своевременное разрешение гражданско-правовых споров, связанных с изобретательством и рационализацией, — одна из важнейших задач судов⁹. Пленум указал, что «необходимо проследить, как выполняется наше постановление: насколько правильно и в срок разрешаются дела данной категории, насколько остро реагируют суды на случаи нарушения законности в деле использования изобретений и рационализаторских предложений»¹⁰.

В целях охраны прав изобретателей и рационализаторов в стране изданы соответствующие нормативные акты. Ныне правовые отношения авторов изобретений и рационализаторских предложений регулируются Конституциями СССР (ст. 47) и Узбекской ССР (ст. 45), ст. ст. 113—115 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. ст. 567—573 Гражданского кодекса УзССР), Положением об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, утвержденным постановлением Совета Министров СССР № 484 от 21 августа 1973 г.¹¹, и другими нормативными актами. Их нормы в целом положительно содействовали ускорению темпов технического прогресса в стране.

Однако ряд норм действующего законодательства уже не отвечают возросшим задачам развития технического прогресса в условиях перестройки и ускорения социально-экономического развития страны.

В декабре 1988 г. был опубликован для всенародного обсуждения

⁶ Алимов Т. Знаменосцы технического прогресса // Совет Узбекистана. 1986. 28 июня.

⁷ Рямская Т. Проводники НТП // Правда Востока. 1986. 28 июня.

⁸ Совет Узбекистана. 1985. 28 авг.

⁹ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 1. С. 13.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сборник постановлений Правительства (СП) СССР. 1973. № 19. Ст. 109. С. 407.

проект Закона «Об изобретательской деятельности в СССР». Однако нормы его не регулируют правовые отношения авторов рационализаторских предложений. Ныне эти вопросы регламентируются Положением 1973 г. и другими нормативными актами. На наш взгляд, было бы целесообразно все же предусмотреть в проекте Закона специальный раздел, посвященный рационализаторской деятельности. И в действовавших ранее нормативных актах правовые отношения как изобретателей, так и рационализаторов рассматривались в одном акте. Это облегчало практику применения этих норм как государственными органами, так и отдельными гражданами.

Действующими нормативными актами предусматриваются следующие три вида споров, путем разрешения которых обеспечивается защита прав и законных интересов авторов рационализаторских предложений:

а) споры, непосредственно подведомственные организациям, предприятиям, учреждениям, т. е. административная форма защиты;

б) споры, возникающие из рационализаторских правоотношений, требующие предварительного внесудебного разрешения, т. е. административно-судебная (смешанная) форма защиты;

в) споры, непосредственно подведомственные суду.

Как правило, большая часть этих споров рассматривается администрацией предприятий, учреждений, организаций в соответствии с указанной в Положении последовательностью, и несоблюдение такого порядка дает возможность заинтересованным лицам обратиться в суд за защитой своего интереса.

Регламентация соответствующими нормами того или иного порядка рассмотрения спора, как правило, зависит от характера спорного правоотношения.

При соблюдении требований закона о порядке, способах защиты авторских прав достигается наиболее полное и быстрое восстановление нарушенных прав. В этой связи важное значение имеет правильное понимание, толкование и применение норм, возникающих из изобретательских и рационализаторских правоотношений.

Между тем на практике встречаются факты, когда суды принимают к своему производству и разрешают споры, рассмотрение которых не относится к их компетенции; бывают и случаи необоснованного отказа в принятии исковых заявлений, хотя споры подведомственны суду в соответствии со ст. 26 ГПК УзССР.

Для подведомственности некоторых споров, возникающих из рационализаторских правоотношений, характерно рассмотрение их в определенной, установленной Положением системе отдельными юрисдикционными органами.

Автор рационализаторского предложения должен прежде всего правильно уяснить, по каким спорам он вправе обратиться в суд. Для разрешения некоторых споров он должен обратиться к администрации организаций, предприятий, учреждений. Если автор не удовлетворен решением этих органов или не получит ответа в установленный срок, то он вправе обжаловать это решение руководителю вышестоящего органа или обратиться с иском заявлением в суд, т. е. внесудебное рассмотрение споров обязательно (п. п. 153—154 Положения).

Непосредственно суду подведомственны: споры об авторстве (соавторстве) на рационализаторские предложения (ст.ст. 109, 116 Основ гражданского законодательства); споры между соавторами о распределении вознаграждения за рационализаторские предложения (п. 155 Положения) и другие гражданско-правовые споры, возникающие в связи с рационализаторскими предложениями, за исклю-

чением случаев, когда разрешение таких споров законом отнесено к ведению административных и иных органов¹².

Один из основных признаков рационализаторского предложения — результат творческого, технического решения задачи в той или иной области народного хозяйства¹³.

Не признаются авторами рационализаторских предложений лица, не вложившие творческого труда при разработке соответствующего новшества. Лица, оказавшие автору лишь техническую помощь, не являются соавторами предложений, т. е. не берутся в учет сама по себе подача идеи, изготовление чертежей, макетов и образцов, выполнение расчетов, оформление документации, проведение опытной проверки и т. п.¹⁴

Формы участия в творческом сотрудничестве бывают различными. Как отмечает А. К. Юрченко, соавторство может возникнуть на протяжении всего творческого процесса создания изобретательских предложений, начиная со дня нахождения решения определенной технической задачи и кончая проверкой полученного результата, но при условии творческого участия в создании изобретения¹⁵.

Поскольку не все авторы рационализаторского предложения могут технически грамотно составлять и оформлять новшества, они зачастую обращаются за помощью к специалистам, инженерно-техническим работникам своего предприятия.

Руководители и соответствующие специалисты по своему служебному положению обязаны оказывать рационализаторам всемерное содействие в их творческой работе. В силу занимаемых ими должностей они часто подписывают схемы, чертежи, проекты и другие документы, а затем нередко, ссылаясь на сделанную ими техническую работу, претендуют на соавторство. Особенно часто такие споры встречаются по рационализаторским предложениям. Поэтому суды при рассмотрении и разрешении таких дел в решении об удовлетворении иска о соавторстве должны конкретно указать доказательства, с достоверностью подтверждающие соавторство в рационализаторском предложении¹⁶.

Так, перед трестом «Узтранспецстрой» была поставлена задача проведения железнодорожной ветки к Узбекскому металлургическому заводу им. В. И. Ленина в Бекабаде. Строительство предполагалось провести в соответствии с техническим проектом, на осуществление которого требовалось более 1 млн. руб. затрат и 9—10 месяцев работы, вместо одного месяца, установленного правительственным заданием.

Рационализатор П., однако, внес существенные изменения в проект. Внедрение его предложения давало 250 тыс. руб. экономического эффекта и позволяло выполнить работы в течение одного месяца. Предложение было одобрено и осуществлено. При выполнении проектных работ автору оказывали помощь главный технолог В. и инженер производственного отдела М. Проект был разработан П. и подан в Бриз от своего имени. Однако техсовет признал В. и М. соавторами. Не соглашаясь с решением техсовета, автор после разби-

¹² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 15 ноября 1984 г. «О применении судами законодательства, регулирующего отношения, возникающие в связи с открытиями, изобретениями, рационализаторскими предложениями и промышленными образцами»//Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 1. С. 13—14; Положения об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях//СП СССР. 1973. № 19. С. 455, п. 155.

¹³ Скрипко В. Охрана прав изобретателей и рационализаторов. М., 1982. С. 67.

¹⁴ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 3. С. 42.

¹⁵ См.: Юрченко А. К. Вопросы авторства в техническом творчестве//Вестник ЛГУ. 5 серия: Экономика, философия и право. Вып. 1. 1958. С. 59.

¹⁶ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1985. № 1. С. 14.

рательств обратился в суд с иском к тресту «Узтранспецстрой» об установлении авторства и взыскании вознаграждения за рационализаторское предложение. Одновременно он просил суд отказать в иске В. и М., претендующим на соавторство. Однако народный суд Октябрьского района г. Ташкента согласился с мнением техсовета и в иске П. отказал. Ташкентский областной суд оставил это решение в силе.

Гражданская судебная коллегия Верховного Суда УзССР, рассмотрев дело по протесту Председателя Верховного Суда республики, отменила решение и определение по делу, указав, что суду следовало выяснить, какое именно участие принимали все эти лица в создании рационализаторского предложения и почему оно подано в Бриз только от имени автора П.¹⁷

Некоторые руководители предприятий, учреждений, организаций считают, что если они руководят коллективом, то все, что делает любой член этого коллектива, — это и дело их рук. В случае несогласия на соавторство новаторы подвергаются всяческому преследованиям со стороны руководства, ущемляются их права, а в результате некоторые авторы вынуждены увольняться с работы¹⁸.

Однако действующее законодательство по изобретательскому праву не предусматривает ответственности за волокиту и другие проявления бюрократизма при рассмотрении и использовании изобретений и рационализаторских предложений. Для установления меры наказания оно отсылает к законодательству союзных республик, но Уголовный кодекс УзССР также не предусматривает меры наказания, зафиксированной в ч. 2 п. 8 Положения.

Ввиду отсутствия такой нормы виновные должностные лица почти никогда не привлекаются не только к уголовной, но даже к материальной ответственности¹⁹, хотя они своими действиями или бездействиями наносят ущерб народному хозяйству, развитию новаторства на производстве. В целях устранения указанного пробела в законе и повышения ответственности руководителей хозяйственных органов было бы целесообразно предусмотреть в УК УзССР норму об ответственности за волокиту при рассмотрении и использовании рационализаторских предложений, умышленное нарушение права на вознаграждение рационализатора, задержку с внедрением, неправильный подсчет экономии и др.

Имеющиеся ныне пробелы и недочеты в правовом регулировании изобретательских отношений приводят к тому, что заложенные в новаторстве резервы повышения производительности труда, роста темпов научно-технического прогресса используются явно недостаточно. Таким образом, совершенствование действующего законодательства в данной сфере имеет важное значение для развития массового технического творчества, ускорения научно-технического прогресса в интересах всемерной интенсификации общественного производства в нашей стране.

¹⁷ Из текущего архива народного суда Фрунзенского района г. Ташкента.

¹⁸ Маньянов В. Исполнение законов об изобретениях и рационализаторских предложениях под действительный контроль//Соц. законность. 1978. № 2. С. 27; Изобретатель и рационализатор. 1985. № 1. С. 25.

¹⁹ Зенкин Н. О долготерпении авторов, изобретателей и рационализаторов//Изобретатель и рационализатор. 1985. № 6. С. 24.

И. Р. РАХМАТУЛЛАЕВ

КОМПАРТИЯ ТУРКЕСТАНА И ПАРТИЯ ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ (СЕНТЯБРЬ 1917 — МАРТ 1919 ГОДА)

(К историографии проблемы)

Одной из весьма актуальных с точки зрения современной идеологической борьбы и обобщения опыта КПСС проблем, которые в течение последних 20 лет привлекают пристальное внимание советских ученых, являются тактика большевиков по отношению к мелкобуржуазным партиям и выявление закономерностей их краха в центре страны и на местах. Возрастание интереса к этим проблемам вызвано прежде всего тем, что развитие мирового революционного процесса на современном этапе выдвинуло тактику «левого блока» на одно из первых мест, поскольку союз пролетариата со средними слоями антиимпериалистических сил в борьбе за мир, демократию и социализм приобрел ныне особое значение¹.

Вместе с тем в последнее время наши идеологические противники за рубежом усилили внимание к проблемам истории непролетарских партий России. «Советологи» всех мастей, фальсифицируя историю КПСС и Советского государства, пытаются вновь доказать «правдоподобность» отброшенной жизнью «утверждений» эсеров, меньшевиков, кадетов, буржуазных националистов о «действительных» причинах их краха в России².

Активная наступательная борьба против любых искажений исторической правды, фальсификации истории КПСС и Советского государства — одна из важнейших задач советских историков. Как сказано в новой редакции Программы КПСС, «важной задачей общественной науки была и остается борьба против буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма»³.

Здесь мы попытаемся подвести некоторые итоги изучения истории сотрудничества и борьбы коммунистов Туркестана с партией левых эсеров (сентябрь 1917 — март 1919 г.).

Основоположником изучения и обобщения исследуемой проблемы является В. И. Ленин. В его работах содержатся анализ социальной базы и классовой сущности партии социалистов-революционеров, критика их мировоззрения, программы и тактики, определены место партии эсеров в освободительном движении, основные этапы ее эволюции от мелкобуржуазной революционности, соглашательства к контрреволюции.

В. И. Ленин научно обосновал тактику пролетарской партии по отношению к мелкобуржуазной демократии, в том числе к эсерам, заложил методологические основы конкретно-исторического исследования вопроса.

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина: Тезисы ЦК КПСС. М., 1970. С. 13.

² Вопросы истории КПСС. 1979. № 9. С. 149.

³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. С. 168.

На основе ленинской методологии советские историки, в том числе среднеазиатские, проделали значительную работу по изучению истории сотрудничества большевиков с мелкобуржуазными демократами в период установления, упрочения Советской власти и гражданской войны, их идейно-политической борьбы со своими ненадежными попутчиками — левыми эсерами. Вместе с тем необходимо отметить, что проблема эта изучена неравномерно.

За последние десятилетия советские историки сделали значительный шаг в изучении истории буржуазных и мелкобуржуазных партий в России, освещении тактики большевиков по отношению к ним, выявлении закономерностей их краха. Около 600 книг и статей, в том числе 30 крупных монографий, раскрывают эволюцию непролетарских партий на том или ином историческом этапе⁴. Среди них особое место занимают труды К. В. Гусева, Л. М. Спирина, А. М. Малашко, В. В. Комина, М. И. Басманова и др.⁵ В 1984 г. увидел свет первый в нашей историографии обобщающий коллективный труд по истории непролетарских партий в России⁶. В нем обобщены история российских непролетарских партий и отношения между ними с момента возникновения и до исчезновения их с политической арены. Освещена в книге и политическая линия большевиков по отношению к ним на различных исторических этапах.

Вместе с тем необходимо отметить, что подавляющее большинство названных работ и другие историографические труды⁷ освещают крушение общероссийских буржуазных и мелкобуржуазных партий, а национальные непролетарские партии, в том числе в Средней Азии, исследованы крайне слабо. Между тем изучение исторического опыта борьбы большевистской партии, ее местных организаций в национальных районах за создание и укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства имеет не только важное познавательное-историческое, но и большое политическое значение⁸.

В историографии 20-х годов проблема взаимоотношений большевиков с левыми эсерами рассматривалась лишь в связи с антисоветским мятежом в Ташкенте (январь 1919 г.). В опубликованных в на-

⁴ Вопросы истории КПСС. 1979. № 6. С. 126.

⁵ Гусев К. В. Крах партии левых эсеров. М., 1963; Его же. История «демократической контрреволюции» в России. М., 1973; Его же. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции (исторический очерк). М., 1975; Спирин Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968; Его же. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в.— 1920 г.). М., 1977; Его же. Россия, 1917 г.: Из истории борьбы политических партий. М., 1987; Малашко А. М. К вопросу об оформлении однопартийной системы в СССР. Минск, 1969; Колин В. В. Буржуазные и мелкобуржуазные партии России в 1917 году. Калинин, 1970; Его же. Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Басманов М. И., Гусев К. В., Полушкина В. А. Сотрудничество и борьба: Из опыта отношений КПСС с непролетарскими и некоммунистическими партиями. М., 1988.

⁶ Непролетарские партии России: Урок истории. М., 1984.

⁷ Спирин Л. М. Историография борьбы РКП(б) с мелкобуржуазными партиями в 1917—1920 гг. // Вопросы истории КПСС. 1966, № 4. С. 102—108; В. И. Ленин и история классов и политических партий в России (гл. ред. М. П. Ким). М., 1970; Гусев К. В. Советские историки о крахе партии эсеров // Великий Октябрь в работах советских и зарубежных историков. М., 1971. С. 68—109; Сивохина Т. А. Современная историография политического банкротства мелкобуржуазных партий в Советской России // История и историки: Историографический ежегодник. 1976. М., 1979. С. 71—86; Жуков А. Ф. Крах партии эсеров в Советской России // Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений: Послеоктябрьский период // Историографические очерки. Л., 1982. С. 58—94; Борьба ленинской партии против непролетарских партий и течений: Дооктябрьский период // Историографические очерки. Л., 1987. С. 45—89.

⁸ Только в развивающихся странах насчитывается около 700 непролетарских партий. См.: Вопросы истории КПСС. 1985. № 9. С. 151.

чале 20-х годов статьях и воспоминаниях⁹ приводится большой фактический материал об антисоветской деятельности левых эсеров, однако замалчиваются обстоятельства, приведшие к соглашению большевиков с ними на III съезде Советов Туркестанского края. В 1926 г. С. Болотов выступил со статьей¹⁰, в которой на основе материалов архива Средазистпарта воссоздал картину подготовки и хода январского мятежа в Ташкенте. Автор правильно характеризует стремление левых эсеров к власти на местах, подчеркивает, что после подавления мятежа их лидерам удалось скрыть следы своего активного участия в подготовке вооруженного выступления, ибо в составе суда участвовали и представители левых эсеров.

Некоторые авторы вместо всестороннего и глубокого изучения тактики соглашения большевиков с левыми эсерами ограничиваются критикой совершенных местными большевиками «ошибок»; такой «ошибкой» якобы был допуск левых эсеров к участию в Советах и Правительстве Туркестана в 1917—1918 гг. Подобного мнения придерживался Ф. Божко. Не разобравшись глубоко в тактике большевиков, автор утверждал, якобы «относительная слабость большевиков в Туркестане привела их к продолжительному блоку с мелкобуржуазной партией левых эсеров...» Более того, вопреки успехам большевистской политики в конце 1918 г., он заявляет, что «мелкобуржуазная политика левых эсеров в Советах... парализовала политику большевиков»¹¹.

Попытку правильно охарактеризовать тактику партии в отношении левых эсеров сделал П. А. Антропов. Объясняя решение II съезда Компартии Туркестана об ограниченном допуске левых эсеров на ответственные посты в Советах, он отмечал, что «одной из главных причин такой недостаточно решительной постановки вопроса являлось то, что в вооруженных силах Туркеспублики — в Красной Армии — влияние эсеров было еще весьма значительно»¹².

Р. Голубева, касаясь взаимоотношений большевиков Туркестана с левыми эсерами и создания единого фронта с ними в сентябре 1917 г., с одной стороны, считает это правильной тактикой, направленной на усиление союза рабочего класса с трудящимся крестьянством, а с другой, заявляет, что большевики, выступая единым фронтом с левыми эсерами, «не разобрались до конца в том, что же представляли собой левые эсеры»¹³. Как видно, она считает позицию большевиков ошибочной. На наш взгляд, тактика единого фронта в сентябре 1917 г. была правильной, ибо она основывалась на ленинском учении о левых блоках, на указаниях съездов РСДРП(б), решениях местной большевистской организации, рекомендовавших в случае необходимости входить в блок с социалистами-революционерами.

При определенных условиях В. И. Ленин не исключал возможности соглашения и с кадетами: «...Мы обязаны, — писал В. И. Ленин, — поддерживать всякого (в том числе и буржуазного) демократа, поскольку он проводит демократизм; мы обязаны беспощадно разоблачать всякого демократа (в том числе и социалиста-революционера), поскольку он отступает от демократизма...»¹⁴ Анализируя вопрос об избирательных соглашениях, третья конференция РСДРП (июль

⁹ Муравейский С. Д. II Туркестанский краевой съезд РСДРП//Коммунист. 1922. № 5—6; Красная летопись Туркестана. 1922. № 1—2.

¹⁰ Болотов С. Из истории Осиповского мятежа в Туркестане//Пролетарская революция. 1926. № 6(53).

¹¹ Божко Ф. Гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1930. С. 12.

¹² Материалы и документы II съезда Компартии Туркестана (составитель П. Антропов). М.; Ташкент, 1934. С. 15.

¹³ Голубева Р. Сентябрьские события 1917 г. в Ташкенте//Историк-марксист. 1941. № 4 (92). С. 29—30.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 88.

1907 г.) указала, что «при соглашениях с.-д. должна руководиться распределением несоциалистических партий по степени их демократизма в следующем порядке: 1) с.-р., 2) н.-с., 3) трудовики, 4) к.-д.»¹⁵ Таким образом, в первую очередь предусматривалась возможность соглашения с эсерами как наиболее массовой и радикальной из мелкобуржуазных партий.

В дальнейшем, с конца 30-х до середины 50-х годов, вопрос о взаимоотношениях туркестанских большевиков с левыми эсерами почти полностью исчезает со страниц исторических работ, что было характерно и для других регионов страны. Два десятилетия история непролетарских партий почти не изучалась¹⁶. В этот период, как отметил М. С. Горбачев на XIX Всесоюзной партийной конференции, именно общественные науки «в наибольшей степени пострадали от культа личности, бюрократических методов руководства, догматизма и некомпетентного вмешательства»¹⁷.

В середине 50-х годов, особенно после XX съезда КПСС, произошло заметное оживление обществоведческих исследований. Были сделаны попытки сломать утвердившиеся в 30—40-х годах командно-бюрократические методы управления, придать социализму больше динамизма, подчеркнуть гуманистические идеалы и ценности, возродить творческий дух ленинизма в теории и на практике¹⁸. После XX съезда КПСС выходит в свет ряд монографий по истории Великой Октябрьской социалистической революции и упрочения Советской власти в Туркестане, где с марксистских позиций освещается борьба за установление и укрепление власти Советов в Средней Азии¹⁹. В этих работах содержатся и сведения о борьбе большевиков Туркестана против левых эсеров. Однако, во-первых, эти сведения ограничены во времени (исследования доведены до мая 1918 г.); во-вторых, о правительственном блоке большевиков Туркестана с левыми эсерами (ноябрь 1917 г.) в этих работах сказано мало, лишь упоминается о вхождении представителей левых эсеров и максималистов в состав краевого СНК; в-третьих, появление, деятельность и банкротство партии левых эсеров не являются в упомянутых работах предметом специального исследования.

В монографиях по истории гражданской войны в Средней Азии, вышедших в конце 50—60-е годы²⁰, значительное место уделено роли

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. I. М., 1983. С. 295.

¹⁶ Непролетарские партии России: Урок истории. С. 16.

¹⁷ Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. М., 1988. С. 25.

¹⁸ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается. Доклад на совместном торжественном заседании Центрального Комитета КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, в Кремлевском дворце съездов 2 ноября 1987 года. М., 1987. С. 27—28.

¹⁹ Житов К. Е. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане. Ташкент, 1957; Вахабов М. Г. Ташкент в период трех революций. Ташкент, 1957; Иноятов Х. Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М., 1958; Ето же. Победа Советской власти в Туркестане. М., 1978; Додонов И. К. Победа Октябрьской революции в Туркестане. Ташкент, 1958; Харин В. П. Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане. Ташкент, 1958; Покровский С. Н. Победа Советской власти в Семиречье. Алма-Ата, 1961; Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. Ташкент, 1967.

²⁰ Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959; Ето же. Историография Советского Туркестана (Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане). Ташкент, 1968; Назаров М. Х. Туркестан в период интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.). Ташкент, 1961; Ето же. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции (1918—1920 гг.). Ташкент, 1969; Алескеров Ю. Н. Интервенция и гражданская война в Средней Азии. Ташкент, 1959; История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1964.

левых эсеров в январских событиях 1919 г. в Ташкенте. Приводятся факты о подрывной деятельности их в Совнаркоме, военных организациях и частях Красной Армии. Историки, исследующие деятельность Советов Туркестана в период Октября и гражданской войны, до начала 70-х годов вообще обходили вопрос о левых эсерах и процессе «вымывания» их из Советов как результате отхода трудящихся от мелкобуржуазных партий. Лишь в монографиях Г. Рашидова, Р. А. Нуруллина говорится о борьбе большевиков против левых эсеров в местных Советах края²¹.

Историко-партийные работы²², посвященные этому периоду, уделяют внимание главным образом раскрытию тактики туркестанских большевиков по отношению к левым эсерам, останавливаясь более подробно на «разоблачительной» стороне деятельности большевиков, которая подчас трактуется несколько упрощенно. В этой связи более правильной представляется нам оценка М. Х. Назарова, попытавшегося раскрыть тактику большевиков края в отношении левых эсеров. Исходя из местной политической обстановки и эволюции этой партии, он правильно оценивает решение II съезда КПТ, в котором всем местным партийным организациям предписывался ограниченный допуск левых эсеров на ответственные посты в Советах, Красной Армии и советских учреждениях. «Съезд не мог не учитывать известного влияния левых эсеров,— пишет М. Х. Назаров,— которое они еще имели тогда среди отсталой части рабочих, солдат и командного состава Красной Армии и Красной гвардии. Поэтому было признано целесообразным не осложнять политическую обстановку и временно сохранять с ними блок»²³.

Касаясь вопроса о переходе левых эсеров в КПТ, автор справедливо отвергает версию о так называемом «слиянии» партии левых эсеров с Компартией Туркестана. М. Х. Назаров правильно отмечает, что «руководители левых эсеров добивались объединения с коммунистами, чтобы скрыть свое предательство и измену революции во время Ташкентского мятежа, но их усилия не увенчались успехом»²⁴.

Вместе с тем трудно согласиться с его утверждением о временном характере блока большевиков с левыми эсерами и оценкой деятельности левых эсеров в Туркестане «как партии мелкобуржуазной и реакционной, выступившей в роли попутчика революции»²⁵.

Если тот факт, что левые эсеры Туркестана оказались лишь временными попутчиками беспорядков, то этого нельзя сказать о первой части утверждения М. Х. Назарова. Большевики шли на блок с левыми эсерами, не предопределяя заранее, что он будет кратковременным. Мелкобуржуазным демократам была предоставлена возможность стать союзниками рабочего класса и его партии, но левые эсеры ими

²¹ Рашидов Г. Ташкентский Совет в борьбе за упрочение Советской власти. Ташкент, 1960; Его же. История социалистического Ташкента. Т. I. Ташкент, 1965; Нуруллин Р. А. Советы Туркестанской АССР в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. Ташкент, 1965; Его же. Борьба Компартии Туркестана за осуществление политики «военного коммунизма». Ташкент, 1975.

²² Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Вып. III. Ташкент, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1964; Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана. Ташкент, 1974; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1965; Очерки истории Коммунистической партии Киргизии. Фрунзе, 1966; Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана. Душанбе, 1964; Росляков А. А. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917—1918 гг.). Ашхабад, 1961.

²³ Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.): Автореф. докт. дис. Ташкент, 1963. С. 16.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Назаров М. Х. Коммунистическая партия Туркестана во главе защиты завоеваний Октябрьской революции. С. 11.

не стали. Отказавшись от сотрудничества с большевиками, от поддержки социалистической революции, они этим обрекли себя на неминуемый крах. Уместно вспомнить здесь и слова В. И. Ленина о том, что блок с левыми эсерами покочился на самых «ясных и очевидных началах», что это «честная коалиция», созданная на «прочной базе»²⁶.

Считать партию левых эсеров сплошь реакционной, на наш взгляд, неправильно. В полемике с К. Каутским В. И. Ленин писал: «... Среди левых эсеров всегда была внушительная часть за Советскую власть, т. е. принципиально все левые эсеры были за Советскую власть, а когда часть левых эсеров пошла на восстание-авантюру в июле 1918 года, то от них отделились из их бывшей партии две новые партии, «народников-коммунистов» и «революционных коммунистов»...»²⁷. Эти партии осудили авантюристическую политику ЦК левых эсеров, заявили о поддержке Советской власти, и первая из них в ноябре 1918 г., а вторая — в сентябре 1920 г. приняли решение о вступлении в Коммунистическую партию. ЦК РКП(б) разрешил местным организациям принимать в свои ряды членов этих партий. Эти ленинские слова вполне применимы и к партии левых эсеров Туркестана.

Специальных историографических исследований данной проблемы по Средней Азии нет. Но она затрагивается в монографии В. Г. Чеботаревой и Р. Я. Раджаповой «Историко-партийная наука в Узбекистане», в которой раскрыты достижения и насущные задачи ученых в разработке основных проблем истории Коммунистической партии Узбекистана. Анализируя работу С. Д. Муравейского²⁸, авторы приходят к правильному выводу, что он «не понял тактического значения заключенного большевиками правительственного блока с левыми эсерами». Вместе с тем трудно согласиться с их утверждением о том, что, «выделяя основные узловые моменты деятельности левых эсеров, подчеркивая их враждебность к большевикам, С. Д. Муравейский раскрыл вопрос о форме ликвидации этой партии»²⁹.

Такое утверждение, на наш взгляд, неправильно. Во-первых, партия левых эсеров в Туркестане не была ликвидирована, а прекратила свое существование после полного идейно-политического банкротства и организационного краха. Во-вторых, в работе Муравейского вообще нет слова «ликвидация», есть выражение «конец левых эсеров», а далее в ней отмечается, что левые эсеры «решили «слиться» с Коммунистической партией и тем самым избежать окончательной политической смерти»³⁰. Таким образом, в работе показана не «форма ликвидации», а сама история: возникновение, деятельность, банкротство и «политическая смерть» левоэсеровской партии.

В-третьих, правомерно ли само выражение «ликвидация», «ликвидирована» в отношении левых эсеров Туркестана? Отражает ли оно реалии жизни края? На наш взгляд, не отражает. Как известно, партия левых эсеров сошла с политической арены путем самороспуска и перехода в ряды Компартии Туркестана. Подобные случаи имели место и в других регионах страны: на Украине, в Белоруссии, Прибалтике, повсюду, где левые эсеры хотели «работать вместе с нами»³¹ и на определенных условиях влились в РКП(б). Эти партии, в том числе и среднеазиатские, нашли в тех конкретно-исторических условиях единственно правильный путь. Но тогда встает вопрос, насколько

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 100, 102, 263, 264.

²⁷ Там же. Т. 37. С. 307—308.

²⁸ Муравейский С. Очерки по истории революционного движения в Средней Азии (Опыт краткого пособия для совпартшкол и школ политграмоты). Ташкент, 1926.

²⁹ Чеботарева В. Г., Раджапова Р. Я. Историко-партийная наука в Узбекистане. Ташкент, 1982. С. 17.

³⁰ Муравейский С. Очерки... С. 25.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 351.

правомерно применение к такому финалу их истории определение «ликвидация»? В действительности как в центре, так и на местах, в том числе в Туркестане, репрессивные меры были применены лишь против той части этой партии, которая с оружием в руках боролась против Советской власти.

Представляет интерес и монография П. Г. Кима, посвященная источниковедческому анализу произведений В. И. Ленина, документов РКП(б) и КПТ как источников по истории Компартии Туркестана. В ней, в частности, анализируются протоколы и резолюции съездов КПТ. Автор стремится определить степень отраженности в них уставных требований, программных положений В. И. Ленина и ЦК РКП(б) по вопросам партийного строительства. Вместе с тем, анализируя протокольную запись «Отчета о работе Крайкома КПТ» на III съезде (докладчик А. Ф. Солькин), автор поднимает два спорных вопроса. Во-первых, он обвиняет председателя Крайкома КПТ А. Ф. Солькина в том, что в Отчетном докладе им якобы была дана «ошибочная оценка деятельности партии левых эсеров»³². Во-вторых, «ошибочным» он считает утверждение докладчика, что, «видя общее стремление к соединению и не считая возможным допустить его в иной форме, чем переход, КК (краевой комитет) выступил с циркулярным письмом, указывающим вести открытую агитацию в направлении соединения и предлагающим широко открыть двери нашей партии для трудящихся из партии левых эсеров»³³.

Ответ на эти взаимосвязанные спорные вопросы, на наш взгляд, следует искать в ленинском положении о союзе рабочего класса с крестьянством и широкими демократическими силами в интересах победы социалистической революции. В. И. Ленин учил, что отношения рабочего класса и крестьянства, союз рабочего класса с крестьянством — это коренной, самый существенный вопрос «нашей революции и всех будущих социалистических революций (если взять их в мировом масштабе вообще)»³⁴. Тактика левых блоков с мелкобуржуазными партиями преследует цель укрепления союза рабочего класса с трудовым крестьянством. «Союз крестьян и рабочих,— указывал В. И. Ленин на Всероссийском съезде Советов крестьянских депутатов 18 ноября (1 декабря) 1917 г.,— есть основа для соглашения левых эсеров с большевиками»³⁵.

Исходя из этих ленинских положений и не забывая, что речь идет о революционных событиях 1917—1919 гг., мы должны в своих оценках в полной мере учитывать конкретно-исторические условия того времени. Так называемая «ошибка» в оценке деятельности партии левых эсеров, которая часто повторяется среднеазиатскими историками, была сформулирована А. Ф. Солькиным в Отчетном докладе ЦК КПТ III съезду партии. В докладе утверждается, что если и были идейные расхождения между партиями большевиков и левых эсеров, то они замечались в верхах обеих партий, почти не захватывая всего состава их, причем в процессе работы они постепенно уменьшались, и разногласия по принципиальным вопросам скорее носили характер «нежелания сдаться», характер какого-то «партийного эгоизма»³⁶.

Чтобы понять происхождение этой «ошибки», мы должны обратиться к историческим фактам. 5—6 марта 1919 г. состоялось общее собрание Ташкентской организации левых эсеров, на котором обсуж-

³² Ким П. Г. Источниковедение истории Компартии Туркестана (1918—1924 гг.). Ташкент, 1982. С. 120.

³³ Там же. С. 121.

³⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 305.

³⁵ Там же. Т. 35. С. 100.

³⁶ Труды третьего съезда Коммунистической партии Туркестанской республики Российской Советской Федерации. Ташкент, 1919. С. 55.

дался вопрос о слиянии партии левых эсеров с Компартией Туркестана. В работе собрания принял участие член Турккомиссии ЦК РКП(б) и Правительства РСФСР П. А. Кобозев, только что приехавший из России для оказания помощи партийным и советским работникам края. От имени РКП(б) и Советского правительства он приветствовал участников собрания. «Здесь, в Туркестане,— сказал он далее,— я вижу, что здешние левые социалисты-революционеры значительно левее, чем их товарищи в центральной России, и я вас приветствую как истинных друзей пролетариата..., всегда шедших вместе с нами и понявших классовую идеологию пролетариата города и деревни»³⁷.

Как видим, П. А. Кобозев преувеличивает положительную роль левых эсеров края. Эта оценка и вошла в Отчетный доклад ЦК КПТ III съезду партии. Но разве в реальной жизни не было разницы между партией большевиков и партией левых эсеров? Эсеры, именовавшие себя социалистами, в действительности ничего общего с социализмом не имели, они были представителями мелкобуржуазной демократии. «...Считать их социалистами,— указывал В. И. Ленин,— ошибка. Социалистами они были только, пожалуй, по фразеологии и по воспоминаниям. На деле это есть мелкая русская буржуазия»³⁸. Возникает вопрос: разве не знали П. А. Кобозев, А. Ф. Солькин о программе и тактике партии левых эсеров? Прекрасно знали. Следовательно, так называемую «ошибку» в оценке деятельности партии левых эсеров, допущенную ответственными руководителями большевиков края, следует воспринимать с учетом сложившейся тогда обстановки в Туркестане: разгар гражданской войны, январские события 1919 г. в Ташкенте, чрезвычайно тяжелое экономическое положение края. Вместе с тем надо иметь в виду, что еще не было доказано участие руководителей левых эсеров в подготовке и проведении антисоветского мятежа в Ташкенте.

Таким образом, высказывание П. А. Кобозева, А. Ф. Солькина и их последователей следует считать не ошибкой, а скорее, проявлением тактики большевиков в отношении эсеров в тот период. Ибо «тактика должна быть построена на трезвом, строго объективном учете *всех* классовых сил...»³⁹

Ответ на второй вопрос связан с идейно-политическим банкротством партии левых эсеров. Процесс разложения и распада партии левых эсеров начался в связи с углублением социалистической революции в крае и июльским (1918 г.) мятежом левых эсеров в Москве. Этот процесс углубился с выходом лидеров партии из состава краевого Совнаркома (октябрь 1918 г.) и переходом части партии к открытой борьбе против Советской власти. К тому времени сама партия раскололась на два крыла — левое и правое. Левые во главе с З. Печатниковым создали в ноябре 1918 г. группу «народных коммунистов» и объявили, что они признают Программу РКП(б) и тактику классовой борьбы и ставят вопрос о переходе в состав РКП(б). Эта позиция была поддержана многими местными организациями левых эсеров. Что касается правого крыла партии, возглавляемого Н. И. Черневским, то оно придерживалось прежнего курса партии.

В условиях, когда политика и тактика партии левых эсеров потерпели банкротство, а случайно оказавшиеся в рядах этой партии рабочие, крестьяне и красноармейцы клеймили ее позором, она принимает решение о так называемом «слиянии» с Коммунистической партией Туркестана. В интересах дальнейшего укрепления Советской

³⁷ ЦГА УзССР, ф. Р-17, оп. 1, д. 691, л. 9—10.

³⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 211.

³⁹ Там же. Т. 41. С. 47.

власти в крае было бы политической ошибкой отмахнуться от предложения левых эсеров. В конкретно-исторических условиях начала 1919 г. Крайком КПТ поступил правильно, разрешив бывшим левым эсерам из рабочих, крестьян, красноармейцев коллективный переход в ряды большевистской партии. Как отметил на III съезде А. Ф. Солькин, «рабочие имели общее стремление к соединению и Коммунистическая партия открыла свои двери для трудящихся из партии левых эсеров»⁴⁰. Иной путь для решения проблемы тогда не был дан историей.

Принимая в свои ряды ранее заблуждавшихся рабочих, крестьян из партии левых эсеров, Компартия Туркестана была уверена, что сумеет перевоспитать их. «Мы достаточно сильны теперь,— указывал В. И. Ленин,— чтобы не бояться никого. Мы всех переварим»⁴¹.

Монографическому исследованию избранной проблемы положила начало относительно небольшая по объему книга П. П. Никишева, в которой сделана первая попытка освещения тактики Компартии Туркестана по отношению к партии левых эсеров с конца 1917 г. по март 1919 г. Автор приводит много фактических материалов, освещающих деятельность партии левых эсеров в составе местных Советов, особенно Семиреченской области. Однако эта работа не лишена некоторых недочетов. В частности, в ней не рассмотрены соглашения большевиков с левыми эсерами на III краевом съезде Советов, обстоятельства раскола партии эсеров и образование самостоятельной партии левых эсеров в Туркестане. Представляется спорной и сугубо отрицательная оценка автором вопроса о так называемом «слиянии» партии левых эсеров с КПТ. Так, П. П. Никишев пишет, что «решение ЦК КПТ и краевой партийной конференции о полном слиянии левых эсеров с большевистскими организациями явилось серьезной ошибкой в идейно-организационном строительстве рядов Коммунистической партии. По существу, это была неоправданная уступка требованиям лидеров партии мелкой буржуазии в тот момент, когда их партия полностью обанкротилась, и обстановка вовсе не требовала идти на нарушение Устава РКП(б)»⁴². В этом вопросе автор не учитывает специфики развития социалистической революции, размежевания классовых сил в Туркестане и соответствующих им задач Коммунистической партии. Он не принимает во внимание многочисленные указания В. И. Ленина об отношении большевиков к колеблющимся мелкобуржуазным слоям народных масс.

Характеризуя социально-экономические и политические условия таких отсталых стран Востока, как Туркестан, где господствовали еще докапиталистические отношения, В. И. Ленин на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока указывал: «Здесь перед вами стоит задача, которая не стояла раньше перед коммунистами всего мира: опираясь на общекommунистическую теорию и практику, вам нужно... суметь применить эту теорию и практику к условиям, когда главной массой является крестьянство... Вам придется эту задачу поставить и решать ее самостоятельным опытом»⁴³. Тактика большевиков Туркестана в начале 1919 г. в отношении к левым эсерам полностью соответствует этому указанию В. И. Ленина, ибо решение Крайкома и II конференции КПТ (март 1919 г.) о приеме левых эсеров в Коммунистическую партию было направлено

⁴⁰ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС. ф. 17, оп. 6, д. 366, л. 55—56. Цит. по: Маликов М. Г. Крах Туркестанской партии левых эсеров // Из истории Коммунистической партии Узбекистана: Сб. ст. Ташкент, 1966. С. 61.

⁴¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 381.

⁴² Никишев П. П. Из истории краха левых эсеров в Туркестане. Фрунзе, 1965. С. 162.

⁴³ В. И. Ленин о Средней Азии и Узбекистане. Ташкент, 1957. С. 114—115, 131.

на дальнейшее укрепление единства рабочего класса и союза его с другими левыми силами, прежде всего с крестьянством.

Рассматриваемой проблеме посвящена также статья М. Г. Маликова «Крах Туркестанской партии левых эсеров», которая написана на основе документов и материалов, извлеченных из партийных, государственных архивов, периодической печати и других источников. В ней прослежена эволюция партии левых эсеров от сентября 1917 г. к марту-апрелю 1919 г., сделана попытка показать тактику большевиков по отношению к партии левых эсеров. Вместе с тем в работе имеются и существенные недостатки: не рассмотрено соглашение большевиков с левыми эсерами, заключенное в ноябре 1917 г.; не подвергнута анализу программа эсеров, неточно определена дата раскола партии эсеров на левых и правых⁴⁴. Не вдаваясь в особенности тактики большевиков по отношению к мелкобуржуазной демократии, автор обвиняет Крайком КПТ в отходе от своего прежнего принципа приема бывших левых эсеров в ряды партии и др.

Вышли в свет также три статьи автора этих строк⁴⁵, посвященные истории партии левых эсеров и взаимоотношениям с нею Компартии Туркестана.

Таким образом, историками Средней Азии проделана определенная работа по исследованию истории сотрудничества и борьбы Компартии Туркестана с партией левых эсеров. Но вместе с тем в разработке проблемы имеются, как мы видели, и существенные пробелы. Отсюда можно сделать вывод, что назрела необходимость монографического исследования данной проблемы по Средней Азии в целом. Г. П. Макарова справедливо отмечает, что из-за отсутствия подобных работ в значительной мере затрудняется изучение национально-освободительного движения в Средней Азии и Казахстане⁴⁶. Появление таких работ способствовало бы углублению анализа деятельности партии эсеров и тактики большевиков по отношению к ним. Разработка вопросов сотрудничества и борьбы местных большевистских организаций с партией левых эсеров имеет тем большее значение, что «позиции эсеровских организаций на местах нередко существенно отличались от директив их Центрального Комитета»⁴⁷.

Нуждаются в более глубоком, объективном освещении такие вопросы, как участие революционных элементов из этой партии в Октябрьских боях 1917 г., их роль в создании и укреплении Советской власти в центре края и на местах, когда они сотрудничали с большевиками. Еще не нашла своего освещения деятельность левых эсеров в комиссариатах (здравоохранения, финансов, иностранных

---

⁴⁴ Партия левых эсеров в Туркестане, пишет автор, образовалась в середине сентября 1917 г. См.: Маликов М. Г. Указ. статья. С. 50—51. Установлено, что раскол в партии эсеров произошел 10 сентября 1917 г.

⁴⁵ Ланда Л. М., Рахматуллаев И. Из истории соглашения большевиков Туркестана с левыми эсерами (1917 г.)// Сб. материалов по истории Узбекистана. Ташкент, 1966. С. 12—31; Рахматуллаев И. Р. Большевики Туркестана в борьбе с мелкобуржуазными колебаниями левых эсеров в период упрочения Советской власти//Компартия Узбекистана в борьбе за победу Советской власти и построение социализма: Сб. ст. Ташкент, 1968. С. 3—25; Его же. Борьба большевиков против левых эсеров в период создания и организационно-политического укрепления Красной Армии в Туркестане//Сб. трудов каф. общ. наук Каршинского госпединститута. Вып. 14. 1970. С. 162—171.

⁴⁶ Макарова Г. П. Великий Октябрь и национально-освободительное движение в восточных районах России (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье, Приуралье): Историография//Установление Советской власти в национальных районах России: Анализ советской историографии и критика буржуазной литературы: Сб. ст. Кишинев, 1979. С. 172.

⁴⁷ Жуков А. Ф. Крах партии эсеров в Советской России//Борьба Коммунистической партии против непролетарских партий, групп и течений: Послеоктябрьский период. Историографические очерки. С. 66.

дел, военном, по гражданской части, просвещения, водопользования и земледелия) СНК Туркеспублика, куда они вошли на основе соглашения с большевиками в ноябре 1917 г. Недостаточно раскрыты борьба большевиков против попыток левых эсеров помешать созданию Красной гвардии и Красной Армии, а также дезорганизаторская, враждебная деятельность эсеров в составе войсковых подразделений, на фронтах гражданской войны. Необходимо глубже изучить и объективно раскрыть деятельность левых эсеров в области экономической, национальной, аграрной политики Советской власти в Средней Азии. Недостаточно освещены и идеологическая борьба Коммунистической партии края против левых эсеров, формы и методы разоблачения их теорий, а также дезинформации масс. Разумеется, следует также глубоко раскрыть тактику Компартии Туркестана в отношении иных непролетарских партий в Средней Азии — меньшевиков, правых эсеров, эсеров-максималистов, дашнакцутюн и проч. Значимость таких исследований ныне совершенно очевидна, равно как и устранения любых «белых пятен» в истории нашей страны.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

О СОСТОЯНИИ И ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА В ЛЕГКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
УЗБЕКИСТАНА

Ныне в развитии легкой промышленности как в целом по стране, так и в республике сложилась новая ситуация в отношении требований к объему, структуре и качеству продукции, с одной стороны, и обеспеченности предприятий техническими средствами современного уровня, — с другой. Как и во всей экономике страны, задачи интенсификации производства легкой промышленности выходят на первое место.

Современная легкая промышленность — одно из основных и развивающихся звеньев народного хозяйства Узбекистана. В состав ее входит более 20 отраслей, вырабатывающих большой и разнообразный ассортимент изделий. Удельный вес легкой промышленности в промышленности республики в целом, по данным 1985 г., составлял: в объеме товарной продукции — 38,8%, в общей численности промышленно-производственного персонала — 30,3%, в стоимости основных фондов — 11,9%.

В развитии легкой промышленности УзССР, как и всей индустрии, большое значение имеет научно-технический прогресс (НТП). В легкой промышленности республики за последние 15 лет НТП был направлен на решение двух основных задач: наращивание объемов производства; совершенствование ассортимента и повышение качества продукции.

Как показывают результаты проведенного нами исследования, в XI пятилетке достижение поставленной цели осуществлялось в основном за счет экстенсивных факторов — увеличения парка станков на базе нового строительства. Капвложения направлялись преимущественно на развитие хлопчатобумажной отрасли. Прирост производственных мощностей за счет технического перевооружения и реконструкции составил: прядильных веретен — 25%, ткацких станков — 23,4%, верхнего трикотажа — 66,3%, бельевого трикотажа — 16,2%, обуви — 41,3%.

Ввод новых мощностей и техническое перевооружение действующих способствовали обновлению рабочего оборудования. Только в XI пятилетке в производство ежегодно поступало 12—15% новых станков и машин, что почти вдвое выше, чем по легкой промышленности страны в целом. Однако коэффициент выбытия составил лишь 2,7%.

Сложившееся соотношение ввода и выбытия основных фондов привело к накоплению в ряде отраслей значительного количества морально и физически устаревших машин и оборудования. В целом по легкой промышленности УзССР оборудование в возрасте 20 лет и выше составляет около 10%. В ведущих отраслях легкой промышленности по данному направлению НТП ситуация сложилась следующим образом.

В хлопчатобумажной промышленности коэффициент ввода и выбытия гораздо благоприятнее, чем в целом по стране. За анализируемый период значительно улучшился возрастной состав оборудования. Так, удельный вес оборудования со сроком службы до 5 лет превысил 50%. В то же время отставание темпов выбытия оборудования от темпов ввода привело к снижению доли оборудования в возрасте от 6 до 10 лет и менее интенсивному снижению — в возрасте свыше 10 лет.

На конец XI пятилетки в технологической цепочке сложилась несопряженность между прядильно-ткацким и отделочным производством из-за недостатка мощностей по выпуску набивных тканей. Эта несопряженность должна быть ликвидирована до 1990 г.

В шелковом комплексе часть оборудования не отвечает техническим требованиям подготовки коконов к автоматическому кокономотанию; оно малоэффективно, причем определенная часть операций выполняется вручную. Аналогично и положение в производстве пряжи. Имеющееся приготовительное и отделочное оборудование устарело, малопродуктивно и ограничивает выбор ассортимента. Возникла острая необходимость в обновлении оборудования по переработке отходов кокономотания. Высок удельный вес ручных операций.

В трикотажной промышленности обновление состава оборудования постепенно увеличивается. Однако выбытие действующего оборудования идет медленно и даже имеет тенденцию к снижению.

Неудовлетворительное соотношение ввода и выбытия основных фондов швейной промышленности привело к постоянному росту удельного веса устаревшего оборудования.

В обувной отрасли относительно высок удельный вес оборудования в возрасте до 20 лет.

Число механизированных и автоматизированных линий в легкой промышленности республики к 1985 г. по сравнению с 1970 г. увеличилось соответственно в 2 и 3,7 раза. Однако почти половина механизированных и автоматизированных линий установлена на предприятиях швейной и обувной отраслей. Хлопчатобумажная, шелковая и трикотажная отрасли оборудованы ими в гораздо меньшей мере. Следует учесть, что значительноному составу механизированных и автоматизированных поточных линий уже требуется интенсивное обновление.

В XI пятилетке интенсивность обновления механизированных линий повысилась. Поточные линии, однако, эксплуатируются недостаточно эффективно. Так, полностью используется проектная мощность только 60% линий. Недостаточное использование мощностей в значительной мере вызвано неполной загрузкой линий по времени эксплуатации. Со средней сменностью до 1 смены включительно работают 15% механизированных и около 10% автоматизированных линий. При эксплуатации механизированных и автоматизированных линий еще высок уровень ручного труда.

Значительно снижает эффективность использования автоматического и полуавтоматического оборудования и несопряженность со смежными технологическими участками и оборудованием.

Анализ эффективности внедрения научно-технических мероприятий показал, что предприятия легкой промышленности уделяют наибольшее внимание внедрению прогрессивной технологии и механизации производства. На мероприятия по этим направлениям приходится 77% всех затрат.

В целом по всем научно-техническим мероприятиям затраты пока фактически себя не оправдывают. Экономический эффект на 1 руб. затрат составил 70 коп. Наибольший экономический эффект получен от освоения новых видов продукции, модернизации оборудования, внедрения вычислительной техники, а наименьшая отдача получена от мероприятий по механизации и автоматизации производства. Низкая отдача их наряду с отмеченными выше факторами объясняется и весьма высокими затратами на приобретение нового оборудования.

На НТП в отрасли отрицательно сказывается наличие значительного количества неустановленного оборудования.

Анализ состояния научно-технического прогресса в легкой промышленности выявил следующие отрицательные моменты:

- ускорение темпов НТП обеспечено в основном за счет экстенсивных факторов;
- не обеспечено рациональное соотношение выбытия и ввода основных фондов, а в результате не сформировалась оптимальная структура активной части основных производственных фондов;

- не уделяется должное внимание механизации и автоматизации производства, особенно в хлопчатобумажной и шелковой промышленности. Кроме того, данный процесс сопровождается недостаточным уровнем эксплуатации установленных линий.

Все это негативно влияет на эффективность развития отрасли.

Среднегодовые темпы роста производства снизились с 7,5% в 1971—1975 гг. до 6,5% в 1980—1985 гг. Темпы роста производительности труда значительно отстают от темпов роста объемов производства. Так, при росте производства в 2,8 раза производительность труда увеличилась лишь в 1,6 раза. За указанный период в целом по легкой промышленности фондоотдача снизилась на 45,6%.

Перестройка ассортимента идет недостаточно интенсивно; потребительское качество выпускаемой продукции не всегда соответствует направлениям моды и спросу населения.

В целях успешного решения поставленных перед отраслью задач необходимо обеспечить: ускоренное техническое перевооружение и реконструкцию действующего промышленного потенциала; обновление основных фондов при обязательно оптимальном соотношении их выбытия и ввода; рост эффективности использования механизированных и автоматизированных линий путем повышения коэффициента использования оборудования, обеспечения сопряженности мощностей сопредельных участков и др.

Легкая промышленность УзССР призвана в перспективе обеспечить рациональные нормы потребления основных видов продукции за счет собственного производства при соответствующем качестве. При наращивании производства предусмотрен также вывоз части продукции в другие регионы страны и на экспорт.

В целях дальнейшего развития научно-технического прогресса в легкой промышленности необходимо осуществить следующие основные мероприятия: разработать комплексную программу уменьшения доли ручного труда, а также сбалансированности механизации и автоматизации основного и вспомогательного производства; шире внедрять в производство прогрессивную технологию и технику; ускорить создание совместных предприятий с участием зарубежных стран.

Только в результате комплекса взаимоувязанных мер, в том числе по всемерному развитию и использованию достижений НТП, будет обеспечено успешное развитие

легкой промышленности республики, отвечающее задачам удовлетворения растущих запросов населения в ее многообразной продукции как по качеству, так и по ассортименту.

А. Е. Климова, А. Т. Юсупов

«СИЛСИЛАТ АС-САЛАТИН» О ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ БУХАРСКОГО ХАНСТВА В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

«Силсилат ас-салатин» («Генеалогия государей») — малоизвестное сочинение¹, излагающее в основном историю Средней Азии XVI — первой четверти XVIII в. Написано в 1143/1730—31 г. в Индии. Автор — ходжи Мир Мухаммад Салим, уроженец Средней Азии, принадлежал к дому Аштарханидов. Прадед его, Пайанда Мухаммад султан, был женат на сестре Аштарханида Надр Мухаммад-хана (1642—1645). Мир Мухаммад Салим покинул Среднюю Азию в 1123/1711 г. и после долгих скитаний оказался в Индии, при дворе Бабурида Насир ад-Дина Мухаммад-шаха (1131/1719—1161/1748), по поручению которого и была составлена эта «Генеалогия».

Сочинение можно условно разбить на четыре части. Самая большая и оригинальная из них — последняя часть, содержащая ценные сведения по социально-политической истории Средней Азии при четырех аштарханидских правителях: Имамкули-хане (1020/1611—1052/1642), Надр Мухаммад-хане (1052/1642—1055/1645), Абд ал-Азизе (1055/1645—1091/1680), Субханкули-хане (1091/1680—1114/1702).

Здесь мы вкратце остановимся на тех данных «Силсилат ас-салатин», которые представляют значительный интерес в освещении политической жизни Бухарского ханства в середине XVII в., при Надр Мухаммад-хане.

Как известно, в 1052/1642 г. Имамкули-хан, будучи больным (он ослеп в результате воспаления глаз), решил уступить престол своему брату Надр Мухаммад-хану, гравившему в то время Балхом. Согласно «Силсилат ас-салатин», этот шаг хана вызвал недовольство у бухарской знати. Мир Мухаммад Салим, в частности, пишет: «Высокостепенные узбекские сановники и старейшины [родов], которые были в восторге и признательны его величеству хакану за благие черты [его] нравственного облика и [за его] щедрость, однако, учитывая молодость и пылкость [характера] и отсутствие опыта у Саид Надр Мухаммад-хана, не дали согласия на назначение того благородного происхождения царевича»².

Как видно, Имамкули-хан оказался в довольно трудном положении. В «Силсилат ас-салатин» мы находим совершенно новые данные о политической ситуации в Бухаре того периода. По сведениям Мир Мухаммад Салима, Имамкули-хан перенес место церемонии передачи власти из Бухары в Самарканд, где положение, видимо, было более благоприятным. При этом он скрыл от окружения истинную цель своей срочной поездки в Самарканд. Так, в послании, отправленном им Надр Мухаммад-хану, говорилось: «Мы с намерением проститься с наполненным благодеяниями кладбищем хазрата ходжа Ахрара, да освятит аллах его могилу, отправляемся в подобный райскому саду Самарканд. Потому представляется необходимым, что тот [наш] брат [всем своим] телом и духом должен спешить, подобно молнии, и, отправившись через Хисарскую дорогу, прибудет туда, чтобы вместе [могли] совершить обхождение вокруг [пробницы того] святого»³.

Мир Мухаммад Салим сообщает, что встреча эта произошла 4 шабана 1051/8 ноября 1641 г., а церемония объявления Надр Мухаммад-хана правителем государства Аштарханидов состоялась в Самарканде 6 шабана 1051/10 ноября 1641 г. Во время пятничного намаза была прочитана хутба на имя Надр Мухаммад-хана⁴.

В «Силсилат ас-салатин» указана и точная дата официального восшествия Надр Мухаммад-хана на ханский престол в Бухаре: 20 зу-л-хиджа 1051/22 марта 1642 г.⁵ Престолонаследником был объявлен султан Абд ал-Азиз, старший сын Надр Мухаммад-хана.

Всем царевичам были определены уделы: Абд ал-Азизу — Самарканд, Хосров султану — Кундуз, Бахрам султану — Ташкент, Субханкули султану — Балх, Кутлук Мухаммад султану — Хисар. Малолетнего царевича Абд ар-Рахман султана Надр Мухаммад-хан оставил при себе, но он считался владельцем Андхуда и Шебергана. Мухаммад-йар султану был отдан Шахрисабз, Касым Мухаммад султану — Хузар⁶. К каждому царевичу был приставлен в качестве аталыка⁷ опытный эмир из наиболее влиятельных узбекских племен.

¹ См. о нем: Ахмедов Б. А. Историко-географическая литература Средней Азии XVI—XVIII вв. (Письменные памятники). Ташкент, 1985. С. 101—110.

² Силсилат ас-салатин, ркп. Бодлеянской библиотеки, № 269, л. 199б—200а.

³ Там же, л. 200б.

⁴ Там же, л. 201б.

⁵ Там же, л. 202а.

⁶ Там же, л. 204б—205а, 209б.

⁷ Аталык (тюрк.— аталык, атака, атабек; букв. «заступающий место отца») — один из высших чинов в государстве, второй человек после хана и султанов. (Подобно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. Ташкент, 1982. С. 150—151).

Надр Мухаммад-хан правил недолго. Вскоре после его восшествия на престол в стране активизировались недовольные политикой хана эмиры. Судя по сведениям «Силсилат ас-салатин», в результате измены некоторой части феодальной верхушки Мавераннахра (Йалангуш-бия, Суйунч-бия, Назар-бия и др.) Надр Мухаммад-хан вынужден был уступить престол в Бухаре своему сыну Абд ал-Азизу, а сам вновь отбыл в Балх. Но и там ему не суждено было править спокойно, поскольку в одной из областей Балхского владения «подняла голову неповиновения толпа, причинявшая зло [трону], и что бы им не попало в руки из имуществ, подвергали грабежу»⁸.

Оказавшись в трудном положении, Надр Мухаммад-хан отправляет Назар-бий шабайта к правителю Бабуридской Индии Шах-Джахану (1037/1628—1068/1657—53) с посланием, в котором он жалуется на неповиновение своего сына (Абд ал-Азиза), вероломство сановников, воинов и просит о помощи⁹.

Причину обострения внутривнутриполитической обстановки в Бухарском ханстве автор «Силсилат ас-салатин» видит в большой приверженности Надр Мухаммад-хана к балхским эмирам, его недальновидной политике по отношению к некоторой части бухарской знати. Любой важный вопрос, по мнению бухарских сановников, решался вопреки их интересам. Все началось с того, что Надр Мухаммад-хан присвоил Абд ар-Рахман-бию чин аталыка за его поддержку Абд ал-Азиза в сражениях против калмыков в 1053/1643¹⁰. До того всемогущий эмир Йалангуш-бий был смещен с должности правителя Кахмерда, который считался его икта¹¹.

Кроме того, Надр Мухаммад-хан большую часть времени проводил в Балхе, что послужило для недовольной части столичной знати поводом для разжигания раздора между ним и царевичем Абд ал-Азизом. Последний через приближенных отца несколько раз пытался склонить его к соблюдению обычая предков, т. е. находиться в стольном городе — Бухаре (Балх, как известно, считался местопребыванием наследника престола). «Так как его величество Надр Мухаммад-хан прожил в Балхе в течение сорока лет и привык к тамошнему климату, — говорит Мир Мухаммад Салим, — то не согласился [принять предложение сына]. Это расстроило благородного происхождения царевича и у него в глубине души пробудились опасения [о своем будущем]»¹². Ко всему сказанному следует прибавить чрезмерную алчность Надр Мухаммад-хана, который не только обирал трудовой народ, но и не прочь был нажиться на разных сделках с землевладельцами, торговцами и др. Как явствует из сообщений «Силсилат ас-салатин», он часто прибегал к аренде земель икта под пастбища для своих огромных стад. При этом он, «козав любезность, сколько бы ни говорил владельцам икта, чтобы [они] за причиненный им ущерб взяли бы из казны наличными золотом, внешне они отказывались, но в душе жалели»¹³.

В итоге Надр Мухаммад-хан оказался владельцем огромного состояния. Мир Мухаммад Салим пишет, что, когда хан, укрывшись в Карши, держал совет о дальнейших действиях в кризисной для него ситуации, местное население подняло бунт и начало грабить находившиеся в той области стада и иное имущество хана. Там у него, оказывается, паслось 80 000 овец, 600 катаров верблюдов, а в его казне было 60 лаков танга¹⁴.

А когда Мурад-Бахш овладел Балхом и захватил ханскую казну, то в ней нашли массу разного рода дорогих тканей, драгоценностей и 70 тыс. рупий наличными. Хану принадлежало также огромное количество лошадей, верблюдов, коров и овец¹⁶.

Теряя доверие приближенных, Надр Мухаммад-хан и сам стал подозрительным, видя в каждом человеке своего врага. Многих он физически устранил, другие с трудом спаслись бегством. Так, по его приказу сыновья Хафиз Барата убили Ураз-бия — одного из крупных эмиров. Абд ар-Рахмана диван-бег хан отправил в Гури, где Балтуи джибачи, правитель области, подал ему кумыс, смешанный с ядом¹⁶.

Все это отталкивало от хана людей, умножало число его врагов. В конце концов, как отмечает автор, «Силсилат ас-салатин», «кроме нескольких калмыцких рабов и прислуги, рядом с ханом никого не осталось»¹⁷.

⁸ Силсилат ас-салатин, л. 223а.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, л. 211а.

¹¹ Там же, л. 211б. Икта (араб. букв. «отрезок», «деление», «наделить землей») — земельное и иное пожалование членам правящего дома и феодальной верхушки в качестве удела. Оно могло составлять целую область или округ, в зависимости от общественного положения получившего его — иктадара. (Подробно см.: Ахмедов Б. А. История Балха. С. 134—140).

¹² Силсилат ас-салатин, л. 211б.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, л. 217а. Катар — цепь верблюдов, соединенных вместе и идущих друг за другом гуськом; число животных в одном катаре колеблется от 10 до 100 (Мухимханская история/Перевод с тадж., предисловие, примечания, указатели А. А. Семенова. Ташкент, 1956. С. 260). Лак — индийская единица счета, равная 100 тыс.

¹⁶ Силсилат ас-салатин, л. 235б.

¹⁶ Там же, л. 222а.

¹⁷ Там же.

Лишившийся верховной власти Надр Мухаммад-хан вскоре отправился в паломничество в Мекку, но по дороге скончался в иранском городе Семнан.

Таким образом, как видно из сообщений «Силсилат ас-салагин», в середине XVII в. Бухарское ханство было охвачено междоусобицей и династическими распрями, ослаблявшими государство и ложившимися тяжким бременем на плечи трудового народа, которого грабили и хан, и его приближенные, и мятежные феодалы.

А. Зияев

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ СУФИЙСКОГО БРАТСТВА НАКШБАНДИИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ XIV—XV ВЕКОВ

История происхождения и развития суфизма, как и деятельность суфийских братств, показывает, что при сохранении их основной идеи о якобы возможном прямом духовном общении человека с богом, их роль и социальный статус в различные периоды менялись. Одни братства, как правильно отмечал И. П. Петрушевский, «своей проповедью пассивной созерцательной жизни и отказа от всякой активной деятельности в обществе» укрепляли власть феодалов над народными массами, другие же в той или иной мере и форме выражали протест против социального угнетения, проповедовали активную жизнедеятельность и труд¹. При этом на различных этапах общественного развития некоторые суфийские братства могли сочетать и те, и другие взгляды.

Многое мешает еще всестороннему изучению суфийских течений. Так, отсутствие в отечественном востоковедении систематизированных и обобщенных исследований по суфийской терминологии значительно усложняет изучение исламского мистицизма. В научной литературе, например, только для определения понятия суфийского объединения употребляются слова «братство» «силсила», «тарика» или «тарикат», «орден». Какую же смысловую нагрузку они несут?

Силсила включает в себя понятие генеалогической преемственности, «духовной цепочки», с которой в основном совпадает история суфийского братства. Силсила — не просто родословная, но и духовный иснад братства, т. е. передача религиозного знания от муршида (учителя) к муриду (ученику), которая начинается, согласно традиции, от «первого учителя» — Мухаммада; иначе говоря, ее начало возводится к истокам ислама. Для суфизма это особенно важно, ибо авторитет мистика определяется наличием у него «достоверного» иснада. Понятие «силсила» появляется в период, когда «разрозненные суфийско-дервишеские обители стали объединяться в большие и могущественные братства со своими системами, культом «святых» основателей-эпонимов и их преемников — главных шейхов»².

Более емкое определение братства — *тарика* (*тарикат*), или путь духовного совершенствования суфиев. В данном случае этот термин отражает не только систему подготовки к суфийскому пути, но и родственные системы суфизма и связанные с ними дервишеские братства³. Это слово более точно соответствует понятию «суфийское братство», в отличие от механически перенесенного из христианской церковной терминологии слова «орден». Наиболее веским аргументом в пользу термина «тарика» является его использование в суфийских письменных памятниках.

При изучении суфизма в Средней Азии XIV—XV вв. крайне важным представляется выявление роли братства накшбандийа, его места в феодальном обществе Мавераннахра, характера идеологии этого братства и причин его политических успехов. История накшбандийа может служить яркой иллюстрацией противоречивости и неоднородности исламского мистицизма на различных этапах его развития.

До сих пор указанные проблемы не получили соответствующего освещения в отечественной исторической науке, хотя и привлекали внимание многих исследователей. Критическому анализу этой ситуации посвящена статья А. Н. Болдырева⁴.

В нашем распоряжении имеются пока лишь немногие факты из истории накшбандийа, извлеченные из письменных памятников. Но даже эти скудные данные и их анализ свидетельствуют о важности изучения данного суфийского братства.

Один из источников для изучения тариката накшбандийа XIV—XV вв. в Средней Азии — «Рашахот'айн ал-хайат» Фахриддина Али ал-Кашифи ас-Сафи. Автор книги приводит имена 94 шейхов накшбандийа, их жизнеописание и характеристики. Доводя силсила до Ходжа Ахрара, он предоставляет исследователям обширный материал о жизни и деятельности последнего. Существуют и многочисленные «силсиле-и накшбандийа»⁵, написанные в разное время различными авторами.

¹ Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Л., 1966. С. 34/.

² Там же. С. 342.

³ Там же. С. 311.

⁴ Болдырев А. Н. Еще раз к вопросу о Ходжа Ахраре//Духовенство и политическая жизнь на Ближнем и Среднем Востоке в период феодализма. М., 1985. С. 47—63.

⁵ См.: ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11260-XI, 6832, 10740, 12540-IV, 11235-II и др.

Из «Рашахот...» видно, что основные положения накшбандийа восходят к учёнию группы среднеазиатских шейхов, вошедших в историю как *ходжагон* — «учителя», «наставники». От школы ходжагон в дальнейшем произошли и такие крупные тарика, как ясавийа, бекташийа, а также ряд менее значительных суфийских объединений⁶. Основы теории и практики накшбандийа заложил Абдулхалик Гиждувани (ум. в 575/1179). Он завещал последующим поколениям тарика серию положений, известных как *калимат-э кудсийа* («священные слова»)⁷.

Более полное формирование братства происходит позднее, в результате деятельности Бахауддина Накшбанда (ум. в 791/1389), который добавляет к восьми основным положениям Гиждувани три по зикру и тем самым окончательно оформляет идеологию накшбандийа. В дальнейшем тарика усиливается его последователями — Алауддином Аттаром (ум. в 802/1400), Мухаммадом Парса (ум. в 822/1419) и Яакубом Чархи (ум. в 851/1447). Эти наиболее крупные шейхи конца XIV — первой половины XV в. оставили заметный след в разработке теоретических и практических аспектов деятельности братства. Политическая активизация братства достигает наибольшей степени во второй половине XV в., при шейхе Насриддине Убайдаллахе, известном как Ходжа Ахрар (ум. в 895/1490). Хотя его личность, жизнь и деятельность привлекали внимание многих исследователей, до сих пор еще не имеется всесторонней, полной и объективной оценки его многогранной деятельности.

С XV в. тарикат накшбандийа начинает занимать прочное место не только в религиозной, но и в политической, социально-экономической жизни Средней Азии. В этот период накшбандийа выступает не только как определенное учение, но и в качестве идеологического, нравственного, общественного, правового мировоззрения. Богословы — знатоки Корана, фикха, тафсира, хадисов — не могли избавиться от рамок своеобразной «кастовости» и охватить сознание широких масс. В Средней Азии XV в. эту функцию выполнил суфизм в лице братства накшбандийа.

О. Д. Чехович писала, что суфизм накшбандийа представлял собою лишь «более действенное и тонкое оружие угнетения», чем официальное исламское духовенство⁸. Можно предположить, что для данной эпохи, когда усиливается социально-экономическое расслоение общества, усугубляется потребность в единой морально-идеологической системе. Одна из причин этого — возможность ослабления центробежных сил, неизбежно нарастающих с развитием феодальных отношений. Так что представляется, что тарикат накшбандийа и деятельность суфийских шейхов того периода — это более тонкая и действенная форма сохранения социального равновесия в обществе. Учитывая взаимосвязи феодальных правителей и духовных лиц, политики и религии, можно объяснить неудачи Халил-Султана, Улугбека, успехи Шахруха, Абу Са'ида, «миротворчество» Ходжа Ахрара и многое другое.

К сожалению, до настоящего времени история Мавераннахра XV в. не была исследована с подобных позиций. Это одна из причин, приведших к искаженной оценке общественно-политической ситуации той поры, преувеличению роли в жизни страны отдельных феодальных правителей; к непониманию и одностороннему подходу в исследовании некоторых других деятелей и целых социальных течений, таких, как накшбандийа.

У нас пока нет исследований по вопросам теорико-идеологических воззрений накшбандийа. Наличие их во многом помогло бы объединить практическую деятельность братства и отдельных его представителей. Идеология братства предполагает отход от общей тенденции аскетической жизни, которую обычно особо подчеркивают при характеристике суфизма. Примером тому может служить основополагающие принципы данного тарика. Так, *халват дар анджуман* («единение внутри общества») означает уединение в целях боготворения, усиленного поклонения богу в контексте общества. Автор «Рашахот» доносит до нас от имени Абдулхалика Гиждувани следующее объяснение этого принципа.

Отделение от общества может парадоксальным образом привести к культивированию собственного «эго» — «Я»; более эффективно преданность богу вдохновляет активность внутри общества⁹. Таким образом, по мнению Гиждувани, внешне, физически (зохер) человек находится с народом, а внутренне, духовно (ботэн) — с богом. Общество духовно чисто, ибо внутренне чист каждый отдельный человек, но в целом оно может породить отрицательный результат. Всю свою жизнедеятельность, учил Гиждувани, следует посвящать служению богу, тем самым очищая общество от негативных, отрицательных моментов¹⁰.

⁶ Mole M. Autour du Dare Mansour: L'apprentissage mystique de Baha' al-Din Naqshband (Nagshbandiyat II)//Revue des etudes islamiques. XXVII. 1959. P. 65.

⁷ Фахриддин Али ал-Кашифи ас-Сафи. Рашахот 'айн ал-хайат: Литография. Лакноу, 1905. С. 20 (далее — Рашахот).

⁸ Чехович О. Д. О социальной роли и политической деятельности Ходжи Ахрара//Бартольдские чтения — 1982. Год шестой: Тезисы докладов и сообщений. М., 1982. С. 71.

⁹ Algar H. The Naqshbandi order: a preliminary survey of its history and significance//Studia Islamica. 44. 1976. P. 133.

¹⁰ Рашахот. С. 23.

Фахриддин Али ал-Қашифи ас-Сафи приписывает Ходжа Ахрару слова, которые объясняют его политические действия, исходя из указанного выше принципа: «Если бы в эту эпоху мы действовали только как шейхи, то никакой шейх мира не нашел бы себе ученика. Но у нас другая цель — это защита мусульман от злой воли угнетателей. Для этой цели мы должны общаться с царями и завоевывать их души, тем самым выполняя предназначение ислама. Бог всемогущий своей милостью наделил меня такой властью, что если бы я захотел, то одним письмом мог бы заставить китайского императора, который претендует на божественную власть, оставить его монархию, прибежать ко мне и пасть на колени. Но, имея такую власть, я не отдаю подобного приказа. Если только бог пожелает, его распоряжение достигнет меня и лишь тогда я его выполню. На этой позиции *маком* требуется дисциплина, которая состоит в подчинении своей воли воле бога, а не божьей воли себе»¹¹.

Как видим, это не просто отвлеченные рассуждения, а теоретическое обоснование практических действий. Так, свою деятельность по «защите мусульман от злой воли угнетателей», для успеха которой он «должен общаться с царями и завоевывать их души, тем самым выполняя предназначение ислама», Ходжа Ахрар считает *макомом*. Что это значит? *Маком* или *макомат* («стоянка мистического пути») — это устойчивое, в отличие от временного (*ахвол*), этико-моральное состояние души, в котором пребывает суфий на пути к мистическому постижению бога. Постепенное приобретение и накопление подобных качеств приводит к конечной цели мистика — религиозно-нравственному самоусовершенствованию и духовному постижению бога.

Ходжа Ахрару принадлежит несколько суфийских трактатов¹². Они свидетельствуют о его эрудированности, знании теории предмета, что в какой-то степени было причиной большого влияния Ходжа Ахрара на жизнь общества того времени.

Приведенный выше текст заслуживает внимания и с других позиций. Представители накшбандийа, в том числе Ходжа Ахрар, часто критиковались исследователями за соглашательство и пособничество правящим кругам¹³. Роль братства, по мнению отдельных исследователей, сводилась к более гибкой, уточненной религиозной форме закабаления народных масс¹⁴. Нет ли здесь противоречий? Возможна ли такая открытая двуличность, двойственность политической и идеологической направленности учения накшбандийа при столь широкой поддержке его различными слоями населения? На наш взгляд, стараясь находиться между народными массами и феодальной элитой, Ходжа Ахрар тем самым искал возможности уберечь и тех, и других, и, что немаловажно, самого себя от социальных потрясений и катаклизмов: губительных войн, феодальных междоусобиц, народных волнений и восстаний. Здесь вполне уместно вспомнить высказывание основоположников марксизма о том, что церковь в феодальную эпоху выступала носителем «порядка в беспорядке». Своей деятельностью Ходжа Ахрар во многом нейтрализовал социальные конфликты и противоречия, заслужил славу «миротворца». А. Н. Болдырев отмечает этот факт как «совершенно новый для своего времени» способ «умиротворения, сдерживания разрушительных начал посредством огромной силы суфийского религиозно-мистического воздействия, подкрепленного силой экономической...»¹⁵.

Принципы калимат-э кудсийа сыграли важную роль в истории тариката накшбандийа. Некоторые ученые считают, что братство отбросило «традиционную паразитическую ипостась» суфизма, призывая вместо этого к «активной жизненной деятельности и производительному труду»¹⁶, провозглашая «крайнюю терпимость и снисходительность к людям», служение своему ближнему¹⁷, отрицая существование за счет чужого труда¹⁸. Вероятно, оглашение этих позиций среди широких слоев населения и было причиной феноменальной популярности братства накшбандийа среди всех слоев общества — от народных масс до элиты — и обширного ареала его влияния.

С территории Средней Азии идеи накшбандийа распространяются в Иран. Однако после прихода к власти династии Сефевидов (1502—1736)¹⁹, «для которых резня представителей суннитских школ и шейхов была неотъемлемой частью установления

¹¹ Рашахот. С. 295.

¹² Имеются литографированные издания этих произведений. См. сборник: Факарот-э ахрорие: Литография. Ташкент, 1910; Рисоле-и анфос-э нафисе: Литография. Ташкент, 1911; и др.

¹³ Библиографию см.: Болдырев А. Н. Указ. статья. С. 48—51.

¹⁴ Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Хаджи Ахрара в Средней Азии и Афганистане)/Факсимиле, критич. текст, перевод, введ., примеч. и указатели О. Д. Чехович. М., 1974. С. 21—22.

¹⁵ Болдырев А. Н. Указ. статья. С. 59.

¹⁶ Там же. С. 51.

¹⁷ Бертельс Е. Э. Избр. труды: Навои и Джами. М., 1965. С. 113, 215.

¹⁸ Рустамов Э. Р. Узбекская поэзия в первой половине XV века. М., 1963. С. 44.

¹⁹ В течение XV в. суфийское братство сафавийа, основанное ардебильским шейхом Сафиаддином (ум. в 735/1334), принимает шиитскую окраску. См.: Босворт К. Э. Мусульманские династии: Справочник по хронологии и генеалогии/Пер. с англ. П. А. Грязневича. М., 1971. С. 226—229.

шиитской власти»²⁰, последователи тариката теряют свои позиции в Западном и Центральном Иране, за исключением Курдистана, где последователи накшбандийа всегда были многочисленны²¹ вследствие недовольства курдов политикой иранских властей, а также труднодоступности горных мест расселения курдского населения. Более длительным было влияние братства в Османской империи, Индии, Афганистане.

Распространение накшбандийа в Османской империи связывается с деятельностью Ходжа Ахрара и его муридов. Существуют легенды, гласящие, якобы Ходжа Ахрар лично влиял на ход тех или иных событий, происходивших в Турции. Согласно «Шакоик-и Нумонийе», Ходжа Ахрар сам путешествовал чудесным образом для оказания помощи османской армии в критический момент сражения²².

С самого начала своего проникновения на территорию Османской империи братство накшбандийа играло важную роль в духовной и религиозной жизни турецкого народа. То, что членом накшбандийа мог стать любой человек, независимо от его социального положения, позволило данному тарикату широко распространить свое влияние²³.

История тариката накшбандийа в Индии тесно связана с периодом правления Захириддина Мухаммада Бабур и его потомков. Бабур и его отец Умар-шайх были поклонниками и последователями Ходжа Ахрара²⁴. С того времени накшбандийа становится основным духовным братством в Индии. Его влияние широко и глубоко внедряется в индо-мусульманскую жизнь²⁵.

Исследователь роли накшбандийа в Индии Халик Ахмад Низами отмечает одно из характерных обстоятельств данного тарика, уже упоминавшееся выше, — среди многочисленных тарика, распространенных в Индии, только накшбандийа предписывает установление контактов с правителями, чтобы влиять на их деятельность. Чинштия избегали правительств и правителей; сухранвардийа и шаттарийа смешались с королями и аристократией, оказали моральную поддержку им, но не предприняли попыток переориентации их взглядов; кадрийиз и фирдоусийа в основном поддерживали и сохраняли величественную отстраненность в политических делах²⁶. Тарикат же накшбандийа в силу его специфики играл очень важную роль в формировании религиозных воззрений правителей, определявших формы и направления политической жизни²⁷.

Заметный след оставило братство накшбандийа в Герате. В тарика при содействии известного гератского шейха Сааддина Кашгари (ум. в 860/1456), силсила которого идет от Бахауддина Накшбанда через Алауддина Аттара и непосредственного учителя Кашгари — Низамиддина Хамуша²⁸, инициируется Абдурахман Джами. Позже, избрав своим пиром-наставником Джами, в тарика вступает и Алишер Навои. Величайшие представители своей эпохи, они связывали собственные гуманистические идеалы с идеями суфизма — альфой и омегой просвещенных представителей тогдашнего общества²⁹. Как считает О. Ф. Акимускин, «в ту эпоху идеи суфизма привлекали к себе всех мыслящих людей, для которых они были символами известной оппозиции ортодоксии и клерикализму»³⁰.

Взаимоотношения Абдурахмана Джами и Алишера Навои с Ходжа Ахраром были довольно тесными. Последний бывал в Герате³¹. По данным зарубежного исследователя Хамида Алгара, комната, пристроенная к Масджид-э Джами, в которой Ходжа Ахрар уединялся для зикра и медитации, до сих пор используется последователями накшбандийа в Герате³². Третьи встречались Ходжа Ахрар и Джами на тер-

²⁰ Algar H. The Naqshbandi order... P. 139.

²¹ Mole M. Autor du Dare... P. 45; Mole M. Quelques traites naqshbandis//Farhange Iran Zamin. 1958/1337. 6. P. 278—279.

²² Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 9724. Цит. по: Algar H. Op. cit. P. 139. В этой легенде речь идет о турецком султани Мухаммаде (Мехмеде) II «Завоевателе» (1451—1481), при котором Османское государство расширяет границы своих владений за счет завоевания Малой Азии и Балкан.

²³ Algar H. Op. cit. P. 140.

²⁴ Бабур неоднократно упоминает и восхваляет Ходжа Ахрара в «Бабур-наме». Кроме того, его перу принадлежит стихотворный перевод на узбекский язык суфийского трактата Ходжа Ахрара «Рисалеи Валидийе». См.: Самойлович А. Собрание стихотворений императора Бабур. Ч. I: Текст. Пг., 1917.

²⁵ Nizami Kh. A. Naqshbandi influence on Mughal Rulers and Politics//Islamic Culture. 1965. N 1. P. 42.

²⁶ Данные по братству шаттарийа см.: Medieval India Quarterly [Aligarh]. Vol. I. N 1. P. 56—70. Характеристики других перечисленных тарика см.: Петрушевский И. П. Ислам в Иране... С. 343, 344.

²⁷ Nizami Kh. A. Op. cit. P. 41.

²⁸ Рашахот. С. 108, 117.

²⁹ Акимускин О. Ф. Поэт, политик, меценат: Алишер Навои, Фархад и Ширин. 1484—1984. К 500-летию создания поэмы/Вступит. статья, состав. и комментарии О. Ф. Акимускина. М., 1984. С. 41.

³⁰ Там же.

³¹ Рашахот. С. 135, 141.

³² Algar H. Op. cit. P. 140—141.

ритории Средней Азии³³. Но основной формой их общения была личная переписка³⁴. Сохранились письма Ходжа Ахрара к Джамии и Навои, которые пока не получили должного исследования.

Итак, известные нам факты не дают основания для однозначно негативной оценки тариката накшбандийа, которая все еще существует в нашей литературе. Только целостное изучение исторических источников и имеющейся литературы позволит до конца прояснить роль братства накшбандийа и его отдельных представителей, как Ходжа Ахрар, личность которых вызывает споры и разногласия. Такие последователи этого тарика, как Алишер Навои, Абдурахман Джамии, Захириддин Бабур и другие, были высокоодаренными, выдающимися личностями. Давая оценку их роли, следует прежде всего учитывать, что они были представителями общественной среды своей эпохи со всем комплексом ее социальных, политических, культурных, этико-моральных и идеологических представлений, которые они впитали в себя и так или иначе отразили в своей деятельности.³⁵

Э. Э. Каримов

³³ Рашахот. С. 141 и след.

³⁴ См.: Письма-автографы А. Джамии из «Альбома Навои»/Введ., перевод, примеч. и указатели А. Урунбаева. Ташкент, 1982.

³⁵ См.: Акимушкин О. Ф. Поэт, политик, меценат... С. 10.

НОВОЕ В НАУКЕ: ПОИСКИ, НАХОДКИ, ОТКРЫТИЯ

К ПРОЧТЕНИЮ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕГЕНД НА МОНЕТАХ «ГЕРАЯ»

Имя «Герая» вошло в науку со времени появления на страницах журнала «Numismatic Chronicle» (NC) статьи английского ученого П. Гарднера «A Coin of Hērāis, Saka King», в которой он описал вновь поступившую в Британский музей монету неизвестного правителя (тетрадрахму). На л. ст. дано погрудное изображение правителя, на об. ст. — конный всадник и состоящая из четырех слов легенда: ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟ//ΑΝΟΥ (рис. 1)¹.

Приняв по традиции второе слово легенды (Η'ΑΟΥ) за личное имя правителя, П. Гарднер прочитал его как «Герая» и решил, что в легенде идет речь об одном из правителей сакских племен.

В 1886 г. в Каталоге Британского музея была зарегистрирована и вторая, аналогичная первой, хотя и с несколько дефектной легендой (ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟ//ΑΝΟΥ), монета².

Несколько монет этого правителя имелось и у английского коллекционера-нумизмата А. Каннингэма (шесть тетрадрахм, шесть оболлов и одна медная). В 1888 г. он публикует статью «Coins of the Indo-Scythian King Miaūs or Hērāis», в которой ставит под сомнение прочтение второго слова легенды П. Гарднером и предлагает прочтение — «Мийа»³. Он также видел в нем личное имя и идентифицировал его с именем правителя индо-сакских племен Пенджаба — Мауэса.

Знакомство с фотокопиями монет А. Каннингэма (рис. 2) показывает, однако, что оснований для предложенного им прочтения нет; лишь плохая сохранность монет и легенд на них позволила дать такое прочтение. Тем не менее у А. Каннингэма были последователи в прошлом⁴; имеются попытки возродить такое прочтение и среди современных ученых⁵.

Оставляя вопрос об имени правителя открытым, отметим, что ценность публикации А. Каннингэма состояла в другом. Благодаря его сообщению и публикации фотокопий ученым стало известно наличие двух вариантов монет. На монетах П. Гарднера легенда такова — ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟ//ΑΝΟΥ. А в легенде на монетах А. Каннингэма третье слово выступает не в форме ΣΑΚΑ, а в форме ΣΑΝΑΒ : ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟΣ Η'ΑΟΥ ΣΑΝΑΒ ΚΟ//ΑΝΟΥ.

Далее мы будем именовать первую легенду легендой I типа, а легенду на монетах А. Каннингэма — легендой II типа.

На монетах, обнаруженных в дальнейшем (их ныне — более 30 экз.)⁶ повторяется легенда II типа, а потому она и принята в науке за основной вариант⁷.

Монет с легендой I типа — всего 3 экз. К описанным выше П. Гарднером при-

¹ NC New Series. Vol. XIV. London, 1874. P. 161—168.

² Gardner P. The Coins of the Greek and Scythic Kings of Bactrian and India in the British museum. London, 1886.

³ NC. Ser. III. Vol. VIII. London, 1888. P. 47—97.

⁴ Allote de la Fuye. Monnaies incertaines de la Sogdiane//Revue Numismatique. XXVIII, 1925. P. 36; Tarn W. Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1948. P. 506. Прим. 2; и др.

бавилась монета, опубликованная М. Митчинером⁶. Но и этого достаточно, чтобы провести сравнительно-сопоставительный анализ и как-то прояснить проблему.

В нашей стране проблемой «Герая» стали заниматься сравнительно недавно — первая посвященная ей работа появилась в 1937 г.⁹ А. Н. Зограф дал подробную историографию вопроса и провел детальное исследование метрологических свойств монеты и легенды на ней.

Рис. 1.

Приведя традиционный перевод легенды «Правящего [царствующего] Герая, властителя, Кушана»¹⁰, ученый высказал большие сомнения и по поводу прочтения, и по поводу перевода двух дискуссионных слов легенды — Η'ΑΟΥ и слова ΣΑΝΑΒ.

«Что касается имени ΗΡΑΟΥ, — писал он, — то мы здесь намеренно заключаем всюду «Герая» в кавычки, имея в виду условный, так сказать традиционный, но далеко еще не бесспорно установленный характер этого чтения»¹¹.

В отношении слова ΣΑΝΑΒ А. Н. Зограф высказал и мнение о том, что, учитывая широкое распространение в Иране собственных имен на Сана- (Санабар, Санатрук и др.), в нем может быть заключено и личное имя правителя¹².

Рецензент монографии А. Н. Зографа, С. П. Толстов, резко выступавший прогив интерпретации слова ΣΑΝΑΒ А. Каннингэмом как греческой передачи «туземного» титула «шаньюй» («князь»), сразу же принял эту точку зрения А. Н. Зографа и ввел имя «Санаб» в свой перевод легенды — «[Монета] правящего Герая (Мная), Санаба, Кушана»¹³.

⁶ Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979. С. 33. Прим. 4.

⁷ Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983. С. 148.

⁸ Bataille G. Note sur la numismatique des Koushans et des Koushan-shahs sassanides//Aretuse. 5-me année. 1928. N 1.

⁹ Mitchiner M. Plates of Tetradrachms of Heraios, Tyrant of the Kushans:// The Numismatic Circular. Vol. LXXXVIII. 1980. N 12.

¹⁰ Зограф А. Н. Монеты «Герая». Ташкент, 1937.

¹¹ Там же. С. 31.

¹² Там же. С. 29.

¹³ Там же. С. 30—31.

¹⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 149.

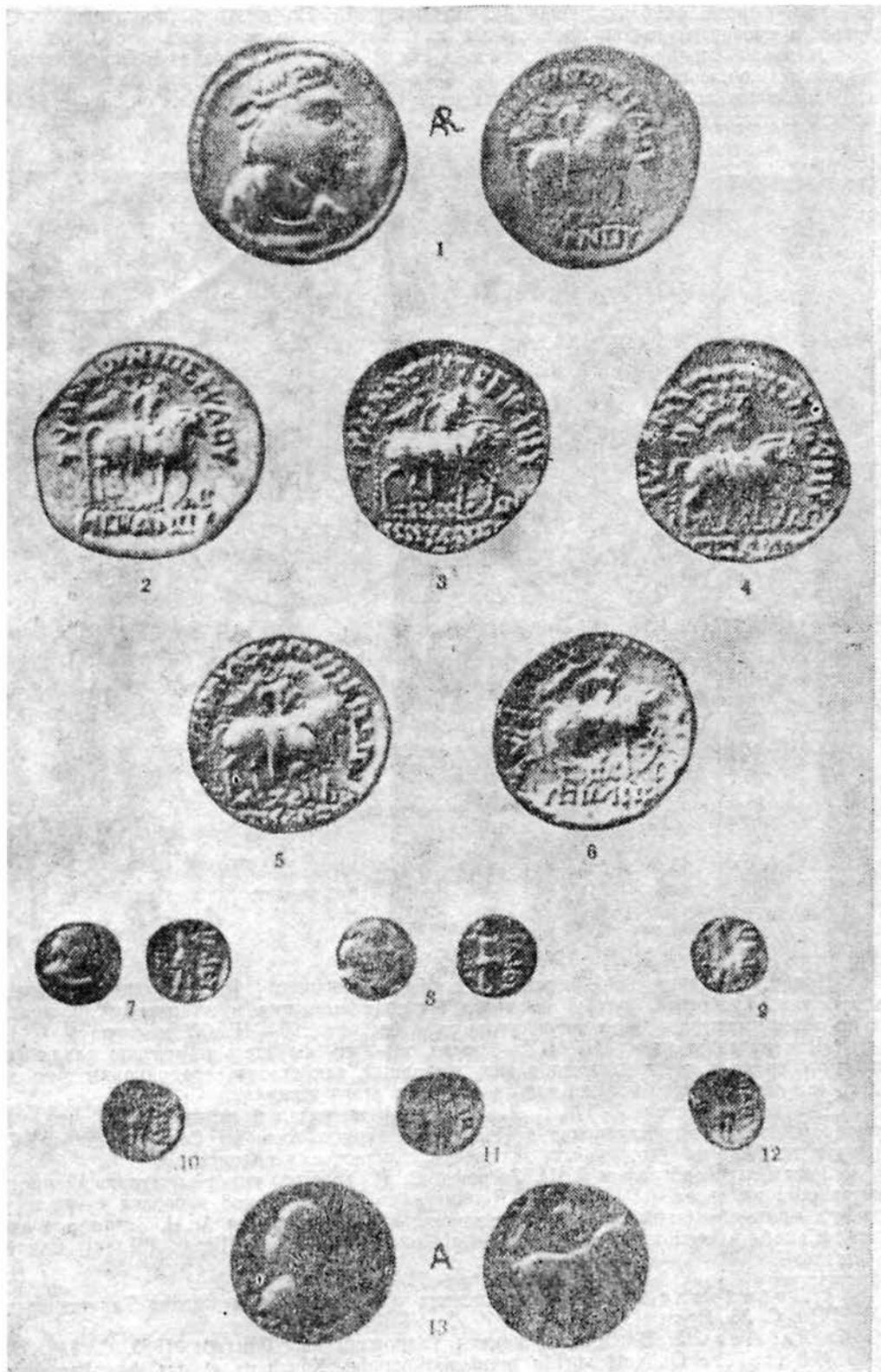

Рис. 2.

Высказывалось и мнение о возможности наличия у правителя двух имен — нареченного (Санаб) и тронного (Герай)¹⁴.

Г. А. Пугаченкова в своих переводах легенды сохраняет оба этих имени — «Правящий Герай — Санаб, Кушан»¹⁵. Советские нумизматы Е. А. Давидович и Е. В. Зеймаль, видимо, учитывая замечание С. П. Толстова о том, что, принимая имя Санаб, в слове НРАΟΥ придется искать какой-то титул или часть его¹⁶, приняли имя «Санаб», а слово НРАΟΥ полагают местным титулом («государь», «владелец»). У Е. А. Давидович переводы легенд таковы: на тетрадрахмах — «[Монета] властвующего государя, Кушанца Санаба», на оболах — «[Монета] государя Кушанца»¹⁷.

Близки к ним и переводы Е. В. Зеймалю: на тетрадрахмах — «Владычествующего Кушанского владетеля Санаба», на оболах — «Кушанского владетеля»¹⁸. И соответственно ученый именуется монеты не монетами «Герая», а монетами Санаба («Герая»)¹⁹.

Зарубежные ученые занимаются в основном проблемами генеалогии «Герая» и его исторической роли в Кушанском царстве²⁰.

Оставляя все эти проблемы исследователям-специалистам, мы рассмотрим здесь лишь прочтение легенд и их интерпретацию — переводы.

Начнем с рассмотрения первого дискуссионного слова — НРАΟΥ.

Как вытекает из переводов легенд на монетах у Е. А. Давидович и Е. В. Зеймалю, они, приняв за имя правителя слово ΣΑΝΑΒ, полагают, что в слове НРАΟΥ заключен титул («государь», «правитель»).

П. Гарднер и последующие исследователи видели в нем личное имя правителя. В этом же значении они автоматически рассматривали его и на оболах. (Основанием для этого были монеты, выпущенные иными правителями, обозначавшими на своих монетах личное имя и опускавшими указание титула).

Чтобы убедиться в этом, вспомним хотя бы рассуждения А. Н. Зографа, который, предлагая видеть в слове ΣΑΝΑΒ личное имя правителя, писал: «Попытке толковать это слово в противовес НРАΟΥ как собственное имя правителя препятствует то обстоятельство, что на оболах оно отсутствует, а НРАΟΥ налично...»²¹

Вернее всего было определить имя НРАΟΥ на оболе, легенда на котором двусоставна (НРАΟΥ ΚΟΡΣΑΝ), и внести поправку в исследование легенды на тетрадрахме, но этого не случилось и решение проблемы затянулось.

Глубокие исторические исследования в прошлом и настоящем не обнаружили правителя с именем «Герай» ни в кушанский, ни в предшествующий ему греко-бактрийский периоды. Не обнаружено это имя и в греческой ономастике. Не знали правителя с таким именем и его современники. Об этом красноречиво говорят варварские подражания, на которых больше всего ошибок в копировании падает именно на это слово²².

Постепенно слово НРАΟΥ на этих монетах приобретало форму НАО. Монеты с такой формой слова в легенде обнаружены были и археологической экспедицией Джона Маршалла: [ΤΥΡ]ΑΝΝΟΥΝΤΟΣ ΝΑΟΥ ΚΟ/ΔΑΝΟΥ;... ΝΤΟΣΗΑΟΥ²³.

И, наконец, то, что в слове НРАΟΥ не заключено имя, подтверждается и легендой на серебряном оболе «Герая» из Перипла²⁴. На этом оболе легенда такова: ΙΔΙΟΥ ΚΟΡΡΑΝΟΥ. Д. В. Макдональд и Н. Г. Вильсон пытаются увидеть в слове ΙΔΙΟΥ трансформированное слово НРАΟΥ. Однако это у них не получается, ибо ΙΔΙ—самостоятельное древнетюркское *idi* — «хозяин», «владелец»²⁵. К. Г. Менгес интерпретирует это слово как «Господин»²⁶. Любое из этих значений не представляет собой имени, а указывает на занятие, социальное положение.

Предположение С. П. Толстога о том, что в слове НРАΟΥ нужно искать титул, полностью подтверждается. Остается лишь выяснить — какой именно.

Для этого вкратце остановимся на вопросах письменности.

Широко известно, что Александр Македонский в своем стремлении ассимилировать народы Востока насильственно внедрял греческий язык и письменность. Не из-

¹⁴ Давидович Е. А. Незаконченная история//Памир. 1971. №№ 1—3.

¹⁵ Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая//ВДИ. 1965. № 1(91).

¹⁶ Толстов С. П. Древний Хорезм. М., 1948. С. 179.

¹⁷ Памир. 1971. № 2. С. 80.

¹⁸ Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана... С. 155.

¹⁹ Там же. С. 149.

²⁰ Ghirshman R. Bergam. Recherches archeologique et historique sur les Kushans. Le Kaire, 1948; Tarn W. The Greeks in Bactria and India...; Mitchiner M. The early coinage of Central Asia. London, 1973; и др.

²¹ Зограф А. Н. Монеты «Герая». С. 30.

²² Давидович Е. А. Клады... С. 22.

²³ Sir John Marshal. Taxila. Cambridge, 1951. Т. II. P. 812; Т. III. Pl. 240. N 174.

²⁴ Macdonald D. W. and Wilson N. G. The references to the Kushanas in the Periplus and further numismatic evidens for its date//Kushan Culture and History. Kabul, 1971.

²⁵ Древнетюркский словарь. Л., 1969.

²⁶ Менгес К. Г. Тюркокое слово *idi* — «Господин»: Некоторые его рефлексы в тюркских языках и параллели в других языковых семьях//Turcologica. Л., 1976.

бежали этой участи многонациональная Бактрия и прилегающие к ней территории. Об этом красноречиво свидетельствуют легенды на монетах, выпущенных в период Греческого и Греко-Бактрийского царств. Обычно иноязычная письменность ввиду несоответствия фонетических систем контактирующих языков не может обеспечить передачу специфических звуков языка-адепта — каких-то знаков не хватает, какие-то знаки оказываются избыточными и т. д. Существуют различные способы и средства для решения этих затруднений.

Принятие Ираном арабской письменности, например, сопровождалось выработкой дополнительных знаков (на арабской же основе)²⁷. Еще большие усовершенствования арабской письменности были предприняты уйгурами и другими народами. В Китае при латинизации прибегли к использованию знаков латинской письменности не в их прямом назначении, к созданию диграфов и т. д.²⁸

Различными были и методы приспособления греческой письменности у юечжей, в языке которых имелись специфические звуки. Так, для передачи своих звуков они использовали некоторые знаки греческой письменности с диакритиками; например, греческое $\bar{\rho}$ (а позднее и без черточки) служило для передачи шипящего [ш]²⁹. По легендам на монетах Куджулы Кадфиза мы видим двойное использование греческой ζ . Так, в легенде $\text{KOZOUAO KADFIZOY KOPCNA}$ ³⁰ в имени KADFIZ она использована в своем прямом назначении — для передачи звонкого [з], в имени KOZOUAO («Куджула») — для передачи звонкой аффрикаты [дж]. В легенде $\text{XOPANCY ZAOCY KOZOUAO KADAFIC}$ ³¹ ζ использована только для передачи аффрикаты — ZAOCY и KOZOUAO . Имя «Кадфиз» получило иную форму выражения — KADAFIC . Не в прямом назначении использована и [Σ] в слове KOPCAN , обозначающем наименование династии Кушан³².

С учетом многообразия вариантов письменности полагаем, что существовали и другие случаи использования греческих знаков для передачи специфических звуков того или иного местного языка. Такое же исключение из правила являет, на наш взгляд, диграф [HP] в рассматриваемом нами слове HPAOY . В этом диграфе мы видим форму-способ передачи отсутствующего в греческом языке шипящего [ш]. При таком понимании мы читаем слово HPAOY не как «Герай/Ерай», а как «Ша(h)» и видим в нем местный титул «шах».

Подтверждением же тому, что высшим местным титулом в тот период был «шах», могут служить легенды на кушано-сасанидских монетах: ooiozo (или ooiozo) $\text{wozorko kosono soho}$ —«[Монета] Хормизда, великого шаха, Кушана»;

bogo oiohzo $\text{ozorko kosono soho}$ —«[Монета] владельца Варахрана, великого шаха, Кушана»³³.

Титул «шах» принял впоследствии Канишка. На его монетах этот титул выступал на первых порах в форме PAO , а затем в форме PAONANPAO — «шах шахов»³⁴.

Итак, читая слово HPAO как «ша(h)» и видя в нем титул «шах», мы переводим легенду I типа следующим образом: «[Монета] Царя, шаха (букв. Царствующего шаха), Сака, Кушана». Легенда на ободах соответственно переводится — «[Монета] шаха, Кушана».

Легенда на тетрадрахмах, таким образом, двуязычна (обозначены греческий и местный титулы), но двуязычие закамуфлировано в греческом причастном обороте TYPANNOYNTOC HPAOY ...

Монеты «Герая» — тетрадрахма с легендой TYPANNOYNTOC HPAOY CAKA KOPPAOCY и обол с легендой HPAOY KOPCAN безмянны.

Отметим, что еще в 1978 г. Е. В. Зеймаль высказывал идею о том, что в слове HPAO , быть может, заключена арамейская идеограмма $\text{MR}'u$ («Господин»)³⁵, но она не получила дальнейшего развития, а сам ученый специально этой темой не занимался.

Теперь перейдем ко второму дискуссионному слову — CANAb .

При сравнении его с третьим словом из легенды I типа (CAKA), вместо которого оно появилось, легко убеждаемся, что оно создано путем трансформации третьего зна-

²⁷ См.: Персидско-русский словарь. М., 1953.

²⁸ Коротков Н. Н. и др. Китайский язык. М., 1961. С. 35.

²⁹ Лявшиц В. А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе//Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. Вып. 2. М., 1969. С. 48.

³⁰ Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан в Государственном Эрмитаже (ГЭ)//Труды ГЭ. Т. IX. Вып. 3. Л., 1967. С. 56. № 2.

³¹ Там же. № 4.

³² Дьяконов М. М. Работы Кафирниганского отряда//МИА. 1960. № 15. С. 172.

³³ Луконин В. Г. Кушано-сасанидские монеты//ЭВ. Т. XVIII. Л., 1967. С. 25.

³⁴ Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан... С. 63.

³⁵ Зеймаль Е. В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным//Культура Востока: Древность и раннее средневековье. Л., 1978. С. 207.

ка в слове ΣΑΚΑ [K] на знак [N] и прибавления в конце слова звонкого губного [B]. За неизменем места на поле монеты знак [b] — прописной. А ведь если бы это слово было исконным, разметчик разместил бы пять его знаков (ΣΑΝAb) так же искусно, как он это сделал со словом ΣΑΚΑ.

На исконность монет с легендой I типа указывает и их ограниченное количество (трансформаторы изъяли из обращения как можно больше монет старого образца и заменили новыми).

Кем же, когда и почему была трансформирована легенда на монетах «Герая»? Вот круг вопросов, на которые мы должны найти ответы.

На вопрос о том, кто провел реформу, можно с большой долей достоверности ответить, что это могли сделать только потомки «Герая», которых, как показали археологические изыскания, у него было немало³⁶. У самого «Герая», нам кажется, для этого не было никаких причин и оснований. А перед его потомками в какой-то период мог встать вопрос о выпуске монет. И вот, они, то ли из экономии, то ли из желания увековечить память о своем «великом» предке, пошли на переиздание его монеты.

Вот тогда-то, думается, и была проведена реформа легенды. В соответствии с канонами выпуска денежных знаков³⁷, она была частичной (без нарушения основного содержания) и коснулась только слова ΣΑΚΑ. На этом основании вновь созданное слово ΣΑΝAb не могло быть самостоятельным (тем более обозначать личное имя правителя), а лишь каким-то модификатором. Анализ состава легенды показывает, что оно могло быть модификатором при предшествующем ему компоненте — словечке ΝΡΑΟΥ.

Нумизматические материалы того периода показывают, что такими модификаторами при титулах были различные эпитеты типа «Великий», «Справедливый», «Спаситель», «Божественный» и др. Так, первые греко-бактрийские цари на своих монетах обозначали только свой царский титул (ΒΑΣΙΛΕΥΣ). Так поступали, например, Диодот I (245—230 гг.) — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΝΤΙΟΧΟΥ — «[Монета] царя Антиоха [Диодота]»³⁸; Диодот II (230—225 гг.) — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΙΟΔΟΤΟΥ — «[Монета] царя Диодота»³⁹; Деметрий (189—157 гг.) — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΗΜΗΤΡΙΟΥ — «[Монета] цари Деметрия»⁴⁰.

Но постепенно цари стали присваивать себе эпитеты и обозначать их в легендах на монетах. Евкратид (169—159 гг.), например, на одних монетах обозначает свой эпитет «Великий» — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΕΓΑΛΟΥ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ — «[Монета] Великого царя Евкратида»⁴¹, а на других — эпитет «Спаситель» — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΣΩΤΗΡΟΣ ΕΥΚΡΑΤΙΔΟΥ — «[Монета] царя-спасителя Евкратида»⁴². Царь Гелиокл именуется на своих монетах «Справедливым» — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΔΙΚΑΙΟΥ ΗΛΙΟΚΛΕΥΣ — «[Монета] справедливого царя Гелиокла»⁴³ и т. д.

Такая же картина прослеживается и у кушанских царей. Первый из них, Куджула Кадфиз, отказавшись от титула ΒΑΣΙΛΕΥΣ, обозначал на монетах свой хуннский титул ΖΑΟΥΟΥ — «джабгу» («князь»): ΚΟΖΟΥΛΟ ΚΑΔΦΙΖΟΥ ΚΟΡΣΗΑ — «[Монета] джабгу Куджулы Кадфиза»⁴⁴, ΧΟΡΑΝΣΥ ΖΑΟΥΟΥ ΚΟΖΟΥΛΟ ΚΑΔΑΦΕΣ — «[Монета] джабгу Куджулы Кадфиза, Кушана»⁴⁵.

Следующий кушанский царь, Вима Кадфиз, возродил греческий титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ и чеканил монеты с легендой — ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΟΟΝΜΟ ΚΑΔΦΙΣΗΣ — «[Монета] царя Вимы Кадфиза»⁴⁶. Затем Вима Кадфиз принимает титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ — «царь царей» и присваивает себе вначале эпитет ΜΕΓΑΣ («Великий»), а затем и эпитет ΣΩΤΗΡ («Спаситель»): ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΣ ΟΟΝΜΟ ΚΑΔΑΦΙΣΗΣ — «[Монета] Великого царя царей Вимы Кадфиза»⁴⁷, ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΩΤΗΡ ΜΕΓΑΣ ΟΟΝΜΟ ΚΑΔΦΙΣΗΣ — «[Монета] Великого царя царей, спасителя Вимы Кадфиза»⁴⁸.

Следующий царь, Канишка, на первых порах носил титул ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ — «царь царей»; ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΚΑΝΗΡΚΙ — «[Монета] царя царей Канишки»⁴⁹. Затем он принимает местный титул ΡΑΟ («шах») в форме ΡΑΟΝΑΝΡΑΟ

³⁶ Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая...

³⁷ Марков А. К. Древняя нумизматика. Ч. 1—2. СПб., 1901—1903.

³⁸ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.; Л., 1940. С. 114.

³⁹ Там же. С. 115.

⁴⁰ Там же. С. 123.

⁴¹ Там же. С. 120.

⁴² Там же. С. 121.

⁴³ Там же. С. 128.

⁴⁴ Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан... С. 56.

⁴⁵ Там же. С. 56.

⁴⁶ Там же. С. 61.

⁴⁷ ГЭ. № 9, 11. Пользуясь случаем, выразим глубокую признательность руководству Отдела нумизматики Госэсрмитажу В. М. Потину, И. Г. Добровольскому, библиотекарю Г. Э. Гинзбург и всему коллективу Отдела за ценные консультации по теме и предоставленную возможность познакомиться с кушанскими монетами и литературой.

⁴⁸ Зеймаль Е. В. Монеты Великих Кушан... С. 61.

⁴⁹ Göbl R. System and Chronologie der Münzprägung des Kušanreiches. Wien, 1984. NN 25—31.

(«шах шахов») — ΡΑΟΝΑΡΡΑΟ ΚΑΝΗΡΚΙ ΚΟΡΑΝ — «[Монета] шаха шахов Канишки, Кушана»⁵⁰. Титул ΡΑΟΝΑΡΡΑΟ носили и последующие кушанские цари.

Этот небольшой экскурс показывает, что в период Вимы Кадфиза обозначение хуннского титула и родового племени прекратилось, стало непрестижным. Это, вероятно, и послужило основанием для потомком «Герая» заменить слово, обозначающее его родовое племя, на слово ΣΑΝΑΒ. Оно, надо думать, устраивало их в смысловом отношении и легко воспроизводилось из слова ΣΑΚΑ.

Перейдем, наконец, к рассмотрению слова ΣΑΝΑΒ и для его прочтения и интерпретации вновь обратимся к вопросам письменности.

По легендам на монетах Куджулы Кадфиза легко устанавливается, что он стверг все греческое, в том числе греческую письменность, не стал обозначать и греческий титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ. Легенды на его монетах записаны бактрийским письмом, хотя на первом выпуске присутствует и один греческий знак — [Ζ]. Анализ показывает, что в имени ΚΑΔΦΙΖ он использован в своем прямом назначении, а в словах ΖΑΟΟΥ и ΚΟΖΟΥΛΟ передает специфический звук языка юеджей — звонкую аффрикату [дж]. Затем и она была заменена знаками бактрийской письменности там, где это было возможно (ΚΑΔΑΦΕС вместо ΚΑΔΦΙΖ), но использование ее для передачи аффрикаты [дж] не прекратилось — ΧΟΡΑΝCΥ ΖΑΟΟΥ ΚΟΖΟΛΟ ΚΑΖΑΦΕС.

Вима Кадфиз возродил для себя греческий царский титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ и эпитеты ΜΕΓΑΣ («Великий») и ΣΩΤΗΡ («Спаситель»), которые, однако, записывались знаками бактрийской письменности: ΒΑΣΙΛΕΥС, ΜΕΓΑС, ΣΟΤΕΡ.

В этот переходный период и была проведена реформа рассматриваемой нами легенды. Она была частичной (не меняла содержания легенды, а вносила лишь небольшую нюанс) и коснулась только слова ΣΑΚΑ.

Трансформируя слово ΣΑΚΑ в ΣΑΝΑΒ, реформаторы не затронули начальной греческой [Σ] и не заменили ее лунарным [С], а это значит, что они оставили ее для передачи все той же своей звонкой аффрикаты [дж] (выше мы уже останавливались на вариативности письменности), а потому слово ΣΑΝΑΒ мы читаем не как «Санаб» (как принято в настоящее время), а как «Джанаб» — титул «Господин» или слово-модификатор при титулах. В данном случае, сочетаясь с предыдущим ему словом-титолом ΗΡΑΟΥ («шах»), оно означает «Великий». Так потомки «Герая» добились желаемого ими соответствия титула своего предка нормам титулования их времени.

При таком прочтении и понимании слова ΣΑΝΑΒ легенду II типа ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟС ΗΡΑΟΥ ΣΑΝΑΒ ΚΟΡΡΑΝΟΥ мы переводим: «[Монета] Великого царя, шаха, Кушана».

Ниже соответственно даны переводы легенд на всех монетах «Герая»:

1. На тетрадрахмах:

легенда I типа — ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟС ΗΡΑΟΥ ΣΑΚΑ ΚΟΡΡΑΝΟΥ — [Монета] Царя, шаха (букв. Царствующего шаха) Сака, Кушана;

легенда II типа — ΤΥΡΑΝΝΟΥΝΤΟС ΗΡΑΟΥ ΣΑΝΑΒ ΚΟΡΡΑΝΟΥ — [Монета] Царя, Великого шаха (букв. Великого царствующего шаха), Кушана».

2. На оболах:

легенда ΗΡΑΟΥ ΚΟΡСΑΝ — «[Монета] шаха, Кушана»;

легенда ΙΔΙΟΥ ΚΟΡСΑΝ — «[Монета] правителя, Кушана».

3. На медной монете:

легенда ΤΥΡΑΝ ΚΟΡСΑΝ — «[Монета] Царя, Кушана».

«Герай», таким образом, издал три типа монет: медную с греческим (по прочтению А. Каннингэма) титулом ΤΥΡΑΝ — «царь», оболы с местным титулом ΗΡΑ(h) — «шах» и тетрадрахмы, на которых обозначил оба титула — греческий ΤΥΡΑΝ (в форме причастия) и местный ΗΡΑ(h) «шах».

Своего имени правитель ни на одной из монет не оставил, а потому единственным путем установить его являются исторические исследования «Герая племена», обнаруженного в ходе археологических изысканий Г. А. Пугаченковой⁵¹.

Р. Ф. Тарасенко

⁵⁰ Там же. №№ 32—37.

⁵¹ Пугаченкова Г. А. К иконографии Герая...

ИСТОРИОГРАФИЯ

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ И КАРАКАЛПАКИИ (50-Е ГОДЫ XX ВЕКА)

В предыдущих публикациях автора¹ были даны историографические обзоры этнографической литературы 20-х и 30—40-х годов XX в. Данная статья посвящена вре-

¹ Лунин Б. В. Начальный этап этнографических исследований в Узбекистане (20-е годы XX века)//Общественные науки в Узбекистане. 1985. № 11. С. 63—71; Его же. Этнографические исследования в Советском Узбекистане в 30—40-х годах// Там же. 1986. № 11. С. 49—55.

мени 50-х годов, на протяжении которых продолжалась плодотворная работа постоянно действующей археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР, в составе которой функционировал узбекский этнографический отряд², среднеазиатской этнографической экспедиции³, научных учреждений и музеев Узбекистана и Каракалпакии и др.

Отметим появившиеся за это время публикации общего, сводного характера и сборники трудов. Этнографии народов СССР была посвящена книга С. А. Токарева⁴. Увидели свет «Очерки общей этнографии» по Азиатской части СССР⁵, два выпуска «Среднеазиатского этнографического сборника»⁶, несколько публикаций историографического характера⁷, обобщающие работы ряда авторов по отдельным темам.

В 1956 г. вышла в свет вторая книга I тома крупного обобщающего труда «История Узбекской ССР»⁸. Воздавая должное его неоспоримой ценности в целом, заметим, что этнографические материалы не заняли в нем большого места и дело ограничилось хотя и компетентными, но предельно краткими очерками-справками (художественные ремесла, народная архитектура, музыка, театр, прогрессивные изменения в быте и занятиях населения), принадлежавшими перу Т. С. Вызго, В. П. Дьяченко, Ф. М. Кароматова, А. М. Рыбника, О. А. Сухаревой и В. А. Шинькина.

Описываемое время было плодотворным и в сфере изучения проблем этногенеза и этнической истории узбекского, каракалпакского народов и их предков. Обзорные всей литературы по вопросам этногенеза (публикации Л. В. Ошанина, В. В. Гинзбурга, Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой, В. Я. Зезенковой, К. Н. Наджимова и др.) выходит за рамки статьи и мы ограничимся указанием лишь на работы этнографов, связанные с освещением этнической истории народов Узбекистана. В их числе — работы Б. В. Андрианова, Я. Р. Винникова, Т. А. Жданко, Ш. И. Иногамова, С. К. Камалова, Б. Х. Кармышевой, Р. Косбергенова и других¹⁰.

² Толстов С. П. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции//Советская этнография (СЭ). М., 1957. № 4. С. 31—59.

³ Сухарева О. А. Ферганская этнографическая экспедиция//СЭ. 1954. № 3. С. 111—115.

⁴ Токарев С. А. Этнография народов СССР: Исторические основы быта и культуры. М., 1958. 615 с. (Раздел V: Народы Средней Азии. Узбеки; С. 345—353).

⁵ Очерки общей этнографии: Азиатская часть СССР/Под ред. С. П. Толстова и др. М., 1960. 375 с. (Узбеки; с. 183—206; Каракалпаки; с. 233—243).

⁶ Среднеазиатский этнографический сборник/Отв. редакторы С. П. Толстов и Т. А. Жданко. Вып. I. М., 1954. 412 с.; Вып. II/Отв. редакторы Н. А. Кисляков и Т. А. Жданко. М., 1959. 409 с.

⁷ Жданко Т. А. Изучение истории каракалпаков за годы Советской власти//Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (КСИЭ). II. М., 1950. С. 112—114; Джаббаров И. Из истории изучения ремесла в дореволюционном Узбекистане//КСИЭ. XXXII. 1959. С. 74—94; Его же. Из истории изучения этнографии узбекского народа. Ташкент, 1959. 20 с.

⁸ Задыхина К. Л. Узбеки дельты Аму-Дарьи//Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ТХАЭЭ). Том I. М., 1952. С. 319—426; Её же. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР//Там же. Том II. 1958. С. 761—808; Кисляков Н. А. Сочинение Абу-Бекра Мухаммеда Наршахи «История Бухары» как этнографический источник//Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Том 27. Сталинабад, 1954. С. 57—67; Сафонова М. В. К этнографии узбеков Южного Хорезма//ТХАЭЭ. Вып. I. М., 1952. С. 247—318; Толстова Л. С. Материалы по этнографии ферганских каракалпаков//КСИЭ. XXI. 1954. С. 19—32; Её же. Каракалпаки Ферганской долины: Историко-этнографический очерк. Нукус, 1959. 183 с.

⁹ История Узбекской ССР. Том I. Книга вторая. Ташкент, 1956. С. 184—196 и 345—371.

¹⁰ Андрианов Б. В. Ак-джагыз (К истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Аму-Дарьи//ТХАЭЭ. Том I. 1952. С. 567—584; Его же. Этническая история каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII—XIX вв.)//Там же. Том III. 1958. С. 252—282; Винников Я. Р. Современное расселение народов и этнографических групп в Ферганской долине//Труды Института этнографии АН СССР (ТИЭ). Новая серия. Том 47. М., 1959. С. 382—409; Его же. Этническая карта Средней Азии и Казахстана//Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, 29 октября — 4 ноября 1956 г. (МВСАЭ). М.; Л., 1959. С. 260—262; Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков: Родо-племенная структура и расселение в XIX—начале XX в. М.; Л., 1950. 171 с.; Её же. Каракалпаки Хорезмского оазиса//ТХАЭЭ. Том I. 1952; Её же. Низовья Аму-Дарьи. Саракмыш. Узбой: История формирования и заселения//Материалы Хорезмской экспедиции (МХЭ). Вып. 3. М., 1960; Её же. Проблема полуседлого населения в истории Средней Азии. М., 1960. 12 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Её же. Проблемы этногенеза каракалпаков//Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР (ВККФ). Нукус, 1966. № 1. С. 73—81; Иногамов Ш. И. Этнический состав населения и этнографическая карта Ферганской долины в границах Узбекской ССР: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1955. 19 с.; Камалов С. К. Каракалпаки в Хи-

Обращает на себя внимание крайняя скудность литературы описываемого периода по этнографии проживающих на территории Узбекистана национальных меньшинств (следует такому определению в литературе вопроса). Мы не найдем ни одной публикации, посвященной жизни и быту армян, татар (в том числе крымских татар), турок-месхетинцев, уйгуров, дунган и др. Это был явный пробел в работе этнографов. Конечно, винить их здесь трудно. Такова была общественная атмосфера 50-х и последующих годов, не благоприятствовавшая ведению исследовательской работы в этом направлении. Но сейчас, особенно в свете событий последнего времени и нового осмысления проблемы национальных и межнациональных отношений, этот пробел, в той или иной мере наличествующий и в литературе последующего времени, нужно восполнять настойчиво и энергично.

Пока приходится констатировать существование здесь лишь нескольких публикаций¹¹.

Как всегда, и по праву одним из важных направлений в работе этнографов было изучение домашних промыслов и ремесел в прошлом и настоящем¹².

винском ханстве до присоединения к России (Историко-этнографический очерк): Автореф. канд. дис. М., 1953. 19 с.; Кармышева Б. Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана//Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Том 28. Душанбе, 1954; Ее же. К вопросу о происхождении локайцев//СЭ. 1952. № 4. С. 11—29; Ее же. Сведения об узбекских родах семиз и кесамир//Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Том 17. 1953. С. 99—110; Ее же. Локайские «мапрамачи» и «ильзинчи»//Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея. Вып. III. Сталинабад, 1955. С. 121—145; Ее же. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана//КСИЭ. XXVIII. 1957. С. 14—19; Ее же. О некоторых древних тюркских племенах в составе узбеков (По этнографическим данным). М., 1960. 10 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Ее же. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР//КСИЭ. XXXIII. 1960. С. 47—59; Ее же. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков (Историко-этнографические данные)//СЭ. 1960. № 1. С. 3—22; Косбергенов Р. Положение каракалпакского населения в Хивинском ханстве в конце XIX — начале XX в.; Историко-этнографический очерк: Автореф. канд. дис. М., 1953. 15 с. (Так же: ТХАЭЭ. Том 3. 1958. С. 207—268); Мержанов Г. С. Население Узбекистана (По материалам трех народных переписей 1897, 1926 и 1939 гг.): Автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону, 1958. 27 с.; Морозова А. С. Культура домашнего быта каракалпаков начала XX в. (К вопросу этногенеза): Автореф. канд. дис. Ташкент, 1955. 16 с.; Мошкова В. Г. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Том II. Ташкент, 1950. С. 135—158; Мукминова Р. Г. К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в.//Известия АН (ИАН) УзССР. 1954. № 1. С. 70—81; Толстова Л. С. Из истории ферганских каракалпаков (К вопросу о переселении группы каракалпаков в Ферганскую долину)//Записки Каракалпацкого гос. педагогического института. Вып. I. Нукус, 1957. С. 29—45; Ее же. Этнографическая группа «каракалпак» в составе узбеков Самаркандской области//ВККФ. 1960. № 2. С. 15—29; Шаниязов К. Из истории расселения племени карлуков//Сб. работ аспирантов ООИ АН УзССР. Вып. 2. Ташкент, 1958. С. 228—259; Его же. Историко-этнографический очерк карлуков южных и западных районов Узбекистана: Автореф. канд. дис. М., 1960. 18 с.

¹¹ Бабаханов И. М. К вопросу о происхождении группы евреев-мусульман в Бухаре//СЭ. 1951. № 3. С. 162—163; Джарылгасинова Р. Культура и быт корейцев совхоза «Раушан» Кунградского района Каракалпакской АССР//КСИЭ. XXXVI. 1960. С. 54—63; Бугаев Р. И., Данилов П. А., Умаров М. У. О гагаузах Средней Азии//Известия АН УзССР: Серия общественных наук (ИАН УзССР, СОИ). 1960. № 6. С. 60—65; Снесарев Г. П. Среднеазиатские цыгане//КСИЭ. XXXVI. 1960. С. 24—29.

¹² Джаббаров И. Городское ремесло узбеков Хорезма в конце XIX и начале XX в. (Историко-этнографический очерк)//Автореф. канд. дис. М., 1954. 15 с.; Его же. К вопросу о технике чугунолитейного производства Хорезма//История материальной культуры Узбекистана (ИМКУ). Вып. I. Ташкент, 1959. С. 208—215; Его же. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма//ТХАЭЭ. Том IV. 1959. С. 379—396; Его же. Об ученичестве в ремесленных цехах Средней Азии в конце XIX — начале XX вв. (По материалам Хорезма)//МВСАЭ. 1959. С. 81—89; Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе (По материалам 1930 г.)//Керамика Хорезма. М., 1959. С. 343—378; Пещерева Е. М. Цех гончаров у народов Средней Азии в конце XIX — начале XX века//КСИЭ. XXVI. 1957. С. 37—39; Ее же. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX вв.//КСИЭ. XXXIII. 1960. С. 39—46; Ее же. Ремесленные организации Средней Азии в конце XIX — начале XX в. М., 1960. 10 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Шишкин В. А. О художественном ремесле в Средней Азии V—VIII вв. по памятникам древней живописи (Текстиль)//Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК). LXXX. М., 1960. С. 22—25.

В числе работ по теме «Поселения и жилища» (включая вопросы народной архитектуры) назовем публикации Р. А. Абдурашулова, М. С. Андреева, В. Л. Ворониной, Б. Х. Кармышевой, А. К. Писарчик, Л. И. Ремпеля, У. Х. Шалекенова¹⁴.

Отметим особо: что касается изучения гончарного дела, то непреходящее значение имеет капитальное исследование Е. М. Пещеревой — плод многолетних работ и достойный памятник ее подвижнической жизни ученого-этнографа¹⁵.

Традиционный раздел этнографических публикаций «Одежда и украшения» был представлен работами М. А. Бикжановой, Г. А. Пугаченковой, В. С. Симоновой и О. А. Сухаревой¹⁶.

В описываемом десятилетии этнографическая литература не содержала больших сводных работ по изучению общественного устройства жизни народов Узбекистана. Но ряд аспектов этой важнейшей темы все же не был обойден вниманием исследователей¹⁶.

Как и раньше, внимание этнографов привлекали к себе сюжеты по разделу «Семья и брак», причем (что важно), и под углом зрения тех изменений в семейно-брачных отношениях, которые присущи нашим дням. Здесь наиболее приметным в описываемый период был вклад, внесенный работами М. А. Бикжановой¹⁷.

¹³ Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959. 395 с. (Часть I: Женское гончарное производство; Часть II: Городское гончарное производство).

¹⁴ Абдурашулов Р. А. Архитектура народного жилища Узбекистана // Архитектурное наследие Узбекистана: Сб. статей. Ташкент, 1960. С. 6—37; Андреев М. С. Старинные свитки-альбомы из Бухары с образцами архитектурного орнамента // Известия АН ТаджССР, ООН. Вып. 10—11. Душанбе, 1956. С. 125—136; Воронина В. Л. Об узбекских банях // ОЭ. 1951. № 1. С. 114—137; Ее же. Материалы по народной архитектуре Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. II. С. 290—351; Ее же. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951. 68 с.; Кармышева Б. Х. Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // Известия АН ТаджССР, ООН. Вып. 10—11. Душанбе, 1956; Писарчик А. К. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—XX вв. // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. I. 1954. С. 216—218; Ремпель Л. И. Панджара: Архитектурные решетки и их построение. Ташкент, 1957. 144 с.; Шалекенов У. Х. Жилище каракалпакского колхозного крестьянства // КСИЭ. XXVIII. 1958. С. 47—51.

¹⁵ Бикжанова М. А. Мурсак — старинная верхняя одежда узбеков г. Ташкента // Труды АН ТаджССР. Том XX. Сталинабад, 1960. С. 47—53; Пугаченкова Г. А. К истории «паранджи» // СЭ. 1952. № 3. С. 191—195; Ее же. К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI вв. по данным миниатюры // Труды САГУ. Новая серия. Вып. 81. Кн. 12. 1956. С. 85—119; Симочова В. С. Головной убор узбечки-кунгратки — «салла» или «баш» // МВСАЭ. 1959. С. 244—250; Сухарева О. А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Труды Института этнографии АН СССР (ТИЭ). Новая серия. Том 21. М., 1954. С. 290—353.

¹⁶ Абдураимов М. Пережитки сельской общины в узбекском кишлаке Хумсан // СЭ. 1959. № 4. С. 43—54; Андрианов Б. В. Социально-экономический строй каракалпаков по данным статистико-экономического обследования Аму-Дарьинского Отдела. 1912—1913 // МВСАЭ. 1959. С. 107—114; Жданко Т. А. Аульская община у каракалпаков // Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955. С. 103—110; Ее же. Патриархально-феодалные отношения у полуоседлого населения Средней Азии // Материалы I Всесоюзной конференции востоковедов. Ташкент, 1958. С. 628—638; Ее же. Новые материалы по патриархально-водным пережиткам в земельно-водной общине Средней Азии // МВСАЭ. 1959. С. 90—106; Задыкина К. Л. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии // ТИЭ. Новая серия. Том 14. 1951. С. 157—179; Кисляков Н. А. Патриархально-феодалные отношения в Бухарском ханстве // МВСАЭ. 1959. С. 90—98; Его же. Патриархально-феодалные отношения у оседлого населения Бухарского ханства. М., 1960. 10 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени // Труды АН ТаджССР. Том 25. 1954. 75 с.; Шаниязов К. К вопросу о социальных отношениях у карлуков Южного Узбекистана в конце XIX — начале XX в. (По этнографическим данным) // ИАН УзССР, СОН. 1959. № 3. С. 48—53; Его же. Общинное землепользование в селении Каллык // КСИЭ. XXXIV. 1960. С. 30—36.

¹⁷ Бикжанова М. А. Семья в колхозах Узбекистана: На материалах колхозов Наманганской области. Ташкент, 1959. 136 с.; Ее же. Семья и положение женщины в колхозах Наманганской области: Автореф. канд. дис. Ташкент, 1959. 20 с.; Ее же. Быт современной узбекской колхозной семьи (По материалам Ташкентской и Наманганской областей УзССР). М., 1960. 10 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Лобачева Н. П. Свадебный обряд хорезмийских узбеков // КСИЭ.

В поле зрения этнографов находился и фольклор народов Узбекистана как один из источников к познанию их духовной и материальной культуры¹⁸.

Не ослабевал интерес этнографов к изучению различных видов и отраслей народного искусства Узбекистана. Здесь прежде всего должны быть указаны две книги коллективов авторов по народному декоративному искусству¹⁹ и затем ряд работ отдельных исследователей²⁰.

Народная музыка, театр, танцы нашли отображение в работах Л. А. Авдеевой, К. Алимбаевой и М. Ахмедова, С. М. Векслер, Л. А. Перепелицной²¹.

XXXIV. 1960. С. 39—48; Морозова А. С. Следы древних форм семьи у каракалпаков//Труды ТашГУ. Новая серия. Вып. 172. 1960; Сулейманова Х. С. К вопросу об изменении в семейных отношениях в Узбекистане//ИАН УзССР, СОН. 1957. № 1. С. 13—17.

¹⁸ Джаббаров И. Некоторые этнографические материалы в узбекском эпосе «Алпамыш»//Тезисы докладов и сообщений регионального совещания по эпосу «Алпамыш». Ташкент, 1956. С. 25—26; Его же. Региональное совещание по эпосу «Алпамыш»//СЭ. 1957. № 3. С. 174—176; Зарифов Х. Т. К изучению узбекского народного эпоса//Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958; Жданко Т. А. Каракалпакская эпическая поэма «Кырк-кыз» как историко-этнографический источник//КСИЭ. XXX. 1958. С. 110—120; Жирмунский В. М. Сравнительное изучение героического эпоса народов Средней Азии. М., 1960. 12 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Кармышева Б. Х. Об узбекских трудовых крестьянских песнях (Материалы)//Труды АН ТаджССР. Тсм. 120. Душанбе, 1960. С. 65—76; Морозова А. С. К вопросу о происхождении сюжета каракалпакской поэмы «Кырк-кыз»//Труды АН ТаджССР. Том. СХХ. Сталинабад, 1960. С. 133—137; Перепелицына Л. К вопросу об изучении узбекского фольклора: Библиографический обзор//Звезда Востока (ЗВ). 1955. № 9. С. 118—128; Потапов Л. П. Волк в старинных поверьях и приметах узбеков//КСИЭ. XXX. 1958. С. 139—142; Снесарев Г. П. Об одном среднеазиатском варианте сюжета пушкинской «Сказки о царе Салтане»//КСИЭ. XXXV. 1960. С. 49—53; Узбекские пословицы/Перевели с узбекского В. Рузиметов, Е. Чернявский//ЗВ. 1959. № 2. С. 78—79.

¹⁹ Народное декоративное искусство Советского Узбекистана: Текстиль/Отв. редактор В. А. Нильсен. Ташкент, 1954. 189 с. (разделы: Сухарева О. А.—Художественные ткани; Художественная набойка; Вышивка; Тубетейки; Мошкова В. Г.—Ковроделле; Писарчик А. К.—Орнаментация отделочной тесьмы; Гюлчарова П. А.—Золотое шитье); Народное декоративное искусство Советского Узбекистана: Альбом/Вводные тексты к разделам Б. Н. Засыпкина, В. Г. Мошковой, О. А. Сухаревой. М., 1955. 155 с.

²⁰ Андрианов Б. В., Мелков А. С. Образцы каракалпакского народного орнамента//ТХАЭЭ. Том. 3. 1958; Воронина В. Л. Резные колонны мечети Бокбонди в Хиве//КСИИМК. 61. 1956. С. 46—102; Выставка произведений изобразительного и народно-декоративного искусства Узбекской ССР/Предисловие М. В. Мюшц. М., 1959. 140 с.; Дарский Э. Среднеазиатский устав цеха живописцев//Проблемы востоковедения. М., 1959. № 3. С. 103—113; Жданко Т. А. Изучение народного орнаментального искусства каракалпаков//СЭ. 1955. № 4. С. 55—69; Её же. Народное орнаментальное искусство каракалпаков//ТХАЭЭ. Том. 3. 1958. С. 373—410; Захидов П. Ферганская роспись: Из альбома народного мастера С. Наркузиева. Ташкент, 1960; Иванов С. В. Новые труды по декоративному искусству Узбекистана//СЭ. 1957. № 5. С. 186—190; Его же. Народный орнамент как исторический источник//СЭ. 1958. № 2. С. 3—23 (по материалам среды кочевых узбеков; Его же. О некоторых традициях согдийского декоративного искусства в орнаменте гаджиков и узбеков//МВСАЭ. 1959. С. 217—225; Морозова А. С. Узорное ткачество Узбекистана//Декоративное искусство СССР. М., 1959. № 2. С. 15—16; Её же. Машинная декоративная вышивка Узбекистана. Ташкент, 1960. 88 с.; Новоселова К. Ковровщицы (Самарканда)//ЗВ. 1955. № 7. С. 73—83; Образцы каракалпакского народного орнамента/Рисунки Б. В. Андрианова и А. С. Мелкова//ТХАЭЭ. Том III. М., 1958. С. 411—412; Пещерева Е. М. Бухарские золотошвей//КСИЭ. XVI. 1955. С. 265—282; Прица И. М. Ташкентская резьба по ганчу (О народном художнике УзССР Т. Арсанкулове). Ташкент, 1960. 60 с.; Ремпель Л. И. Узбекский ганч//Декоративное искусство СССР. 1959. № 2. С. 8—11; Сергеев Б. Чеканка по меди. Ташкент, 1960. 56 с.; Соколов Ю. А. Художественная резьба на дверях жилых построек города Ташкента//ТИЭ. Новая серия. Том. 47. 1960. С. 352—391; Сухарева О. А. К истории художественного ремесла Узбекистана (Производство табакерок)//Сб. Музея антропологии и этнографии. Том 14. М.; Л., 1957. С. 119—139; Хивинский узор в собрании народного мастера Абдуллы Балтаева: Альбом/Вступ. статья. А. С. Морозовой. Ташкент, 1957. 60 с.; Чепелевецкая Г. Л. Выставка декоративного искусства Узбекистана (XIX—начала XX в.)//СЭ. М., 1959. № 4. С. 124—130.

²¹ Авдеева Л. А. Танцевальное искусство Узбекистана. Ташкент, 1960. 60 с.; Алимбаева К., Ахмедов М. Народные музыканты Узбекистана. Ташкент, 1959. 128 с.; Векслер С. М. Очерк по истории узбекской музыки//Ученые записки Ташкентской гос. консерватории. Вып. I. Ташкент, 1960. С. 5—22; Перепелици

Из описаний народных игр, развлечений и спорта назовем статьи К. Тена и Е. М. Пещеревой²².

С удовлетворением воспринимается появление ряда публикаций историко-этнографического плана, посвященных описанию и истолкованию бытовавших в среде населения религиозных верований, обрядов и культов, уяснению их истоков, корней, причин живучести. Здесь выделилась книга О. А. Сухаревой²³. Ее появление в свет было, однако, встречено неоднозначно. Некоторые не в меру ретивые носители примитивно-вульгаризаторского атеизма готовы были видеть в этой обстоятельно и со знанием дела написанной книге чуть ли ни некую пропаганду ислама.

Успешно изучалось в широком этнографическом плане прошлое и настоящее городов Узбекистана. Здесь пальма первенства принадлежала О. А. Сухаревой — ее книге по истории городов Бухарского ханства и другим публикациям²⁴ и работе А. К. Писарчик²⁵.

Отраден повышенный интерес этнографов к изучению жизни и быта колхозного крестьянства Узбекистана. О. А. Сухарева констатировала здесь три направления: 1) монографическое изучение одного из типичных передовых колхозов; 2) изучение истории, культуры и быта колхозов со специфическим этническим составом населения; 3) исследование отдельных проблем²⁶.

Соответственно этому определялось и содержание публикаций по данной тематике²⁷. Среди них — монография О. А. Сухаревой и М. А. Бикжановой, посвященная

на Л. Узбекский народный кукольный театр//ЗВ. 1957. № 3. С. 143—148; Ее же. Узбекский народный кукольный театр. Ташкент, 1959. 97 с.

²² Тен К. Узбекские народные игры//Сб. научных трудов Комитета по физической культуре и спорту при СМ УзССР. Том I. Ташкент, 1958. С. 161—174; Пещерова Е. М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (По материалам 1924—1935 гг.)//Сб. Музея антропологии и этнографии. Том 17. М., 1957. С. 22—94.

²³ Сухарева О. А. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. 86 с. Из других публикаций указанного направления см.: Ахмеджанов У., Касым-Заде, Юлдашева Н. Култ «святых» и святые места в исламе. Ташкент, 1959. 66 с.; Воронина В. Л. Доисламские культовые сооружения в Средней Азии//Советская археология. 1960. № 2. С. 42—55; Камалов С. К. Пережитки ислама и традиции старого быта у каракалпаков//МВСАЭ. 1959. С. 122—127; Снесарев Г. П. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма//КСИЭ. XXVI. 1957. С. 131—137 (Также: СЭ. 1957. № 2. С. 60—72); Его же. Большие семейные захоронения у оседлого населения левобережного Хорезма//КСИЭ. XXXIII. 1960. С. 60—71; Его же. Мазденская традиция в погребальном обряде народов Средней Азии. М., 1960. 10 с. (XXV Международный конгресс востоковедов); Его же. Материалы о первобытнообщинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма//МХЭ. Вып. 4. 1960; Его же. Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия//МХАЭЭ. Вып. 4. М., 1960. С. 198—202; Сухарева О. А. К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии//Труды Института истории и археологии АН УзССР. Вып. II. Ташкент, 1951. С. 163—165; Ее же. О некоторых элементах суфизма, генетически связанных с шаманством//МВСАЭ. 1959. С. 128—133; Ее же. К вопросу о генезисе профессиональных культов у таджиков и узбеков//Труды АН ТаджССР. Том СХХ. Сталинабад, 1960. С. 195—207; Троицкая А. Л. Сатира в Кокандском ханстве (XIX в.)//Исследования по истории культуры народов Востока. М.; Л., 1960. С. 271—279; Хамраев А. М. Праздник «Красной розы» [у узбеков]//ИАН УзССР, СОН. 1958. № 6. С. 72—73; Шалекенов У. Из истории некоторых «святых мест» Каракалпакии//ВККФ. 1960. № 2. С. 38—43.

²⁴ Сухарева О. А. К исторической топографии Бухары первой половины XVI в.//ИАН ТаджССР, ООН. Вып. 5. 1954. С. 153—166; Ее же. К истории городов Бухарского ханства (Историко-этнографические очерки). Ташкент, 1958. 147 с.; Ее же. Быт жилого квартала города Бухары в конце XIX — начале XX века//КСИЭ. XXVIII. 1958. С. 35—38; Ее же. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане: Конец XIX — начало XX в.//КСИЭ. XXX. М., 1958. С. 121—129; Ее же. К истории городов Бухарского ханства//МВСАЭ. 1959. С. 73—80.

²⁵ Писарчик А. К. Некоторые данные по исторической топографии городов Ферганы (Маргелан, Андижан, Коканд, Наманган)//Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Том 42. 1956. С. 145—194.

²⁶ Сухарева О. А. Этнографическое изучение колхозного крестьянства Средней Азии//КСИЭ. XX. 1957. С. 58—61.

²⁷ Жданко Т. А. На освоенных землях древнего орошения Каракалпакии. Нукус, 1955. 68 с. (на каракалп. яз.); Ее же. Быт колхозников-переселенцев на вновь освоенных землях древнего орошения Каракалпакии//ТХАЭЭ. Том 2. 1958. С. 705—760; Задыхина К. Л. Культура и быт узбеков Кипчакского района Каракалпакской АССР//ТХАЭЭ. Том 2. 1958. С. 761—898; Шалекенов У. Х. Социалистическое преобразование быта каракалпакского колхозного крестьянства (По материалам Чимбайского района ККАССР): Автореф. канд. дис. М., 1953. 20 с.; Его же. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района в прошлом и настоящем//ТХАЭЭ. Том III. М., 1958. С. 269—370. См. также: Кармышева Б. Х. Этнографический

изменениям в жизни и быту колхозников на примере одного из колхозов Наманганской области²⁸.

Явный и досадный пробел этнографических изысканий тех лет — почти полное отсутствие исследований о жизни и быте рабочих республики. Здесь можно назвать лишь 5 небольших публикаций²⁹.

Завершая нашу статью, заметим, что и сейчас имеет место ставший общим и широко распространенным своего рода инерционный упрек в том, что этнографические исследования в Узбекистане не получают, мол, должного размаха. Приведенный выше обзор публикаций 50-х годов не позволяет согласиться с такого рода мнением. Сделано было, как видим, многое. Усердно, самоотверженно и плодотворно трудился большой отряд ученых разных поколений и вклад их в науку ощутим и весом³⁰.

Другое дело, что мы имеем право говорить о недостаточности внимания, уделявшегося некоторым весьма важным и актуальным разделам этнографических исследований. Здесь действительно (и это можно констатировать также для 80-х годов) есть над чем задуматься. Укажем, к примеру, такую тематику, как изменения в жизни и быту современного городского и сельского населения Узбекистана и Каракалпакии, причины живучести различного рода пережитков и предрассудков, отрицательно влияющих на психологию тружеников и на сферу межнациональных отношений, современное состояние, запросы и нужды национальных меньшинств, их место в жизни республики в прошлом и настоящем, общественная роль махалля в условиях нашего времени (свет и тени), трансформация идеологии ислама в деятельности духовенства и т. п.

Мы уверены, однако, что эта проблема ни в коей мере не должна решаться за счет того или другого направления исторической этнографии. Нельзя забывать, что время необратимо, что вместе с уходом из жизни людей старших поколений сужаются, ограничиваются и даже устраняются вообще возможности этнографических наблюдений по историческому прошлому народов Узбекистана. Поэтому надо строить работу и решать проблему кадров этнографов в расчете на одновременное усиление исследований по всем направлениям.

Это важнейшая и неотложная задача наших дней. И сейчас остается в силе давнее указание проф. С. П. Толстова на то, что «с этнографическими материалами медлить нельзя, потому что те люди, у которых сохранились в памяти времена конца XIX в. и рассказы их отцов и дедов о более отдаленном прошлом, уйдут из жизни и нам уже не удастся восстановить эти утерянные крохи истории»³¹.

Б. В. Лукин

очерк животноводства у локайцев: Автореф. канд. дис. Л., 1951. 20 с. (и КСИЭ. XVII. 1952. С. 81—86).

²⁸ Сухарева О. А., Бикжанова М. А. Прошлое и настоящее селения Айкыран. (Опыт этнографического изучения колхоза им. Сталина Чартакского района Наманганской области). Ташкент, 1955. 238 с.

²⁹ Арипов Ф. А. Некоторые соображения по вопросам изучения быта и культуры рабочего класса Узбекистана//ИАН УЗССР, СОН. 1958. № 5. С. 29—32 (на узб. яз.); Его же. К вопросу о создании постоянных рабочих кадров в Узбекистане//Там же. 1959. № 2. С. 70—72; Его же. К истории создания технически подготовленных кадров рабочих Узбекистана//Там же. 1959. № 3. С. 54—58; Его же. Изучение быта и культуры рабочих-узбеков в 1958—1959 гг.//СЭ. 1960. № 5. С. 150—152; Задыкина К. Л. Этнографические материалы о быте рабочих-узбеков Ташкента и Андижана//ТИЭ. Новая серия. Том 47. 1960. С. 95—131.

³⁰ Отрядным было и приметное расширение рядов этнографов Узбекистана и Каракалпакии, в их числе этнографов из среды коренного населения региона (М. А. Абдураимов, Ф. А. Арипов, М. А. Бикжанова, И. Джаббаров, Р. Джиргасинова, Х. Т. Зарифов, Ш. И. Иногамов, С. К. Камалов, Р. Қосбергенов, У. Шалекенов, К. Шаниязов и др.).

³¹ КСИЭ. XXVI. 1957. С. 37.

НОВЫЕ КНИГИ

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ТУРКЕСТАНА В РЕЗОЛЮЦИЯХ СЪЕЗДОВ И КОНФЕРЕНЦИЙ

(Ташкент: Узбекистан, 1988. 312 с.)

В условиях глубокой перестройки социально-экономической и общественно-политической жизни советского общества заметно возрос интерес к исторической науке. Уроки истории все чаще заставляют нас обращаться к первым годам Советской власти, ибо без усвоения уроков прошлого невозможно решать сложные задачи сегодняшних дней и понять истоки общества будущего. В этой связи весьма своевременным представляется издание сборника документов «Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций»¹.

¹ Составители: П. Г. Қим, С. А. Дмитриева, Л. П. Зотова, Т. П. Ежова.

Это большой успех учёных республики и заметный вклад в историко-ведущую базу историко-партийной науки не только Узбекистана, но и в целом республик Средней Азии и Казахстана. Выход в свет данного сборника предоставляет широкие возможности исследователям: во-первых, при написании очерков истории республиканских партийных организаций; во-вторых, при разработке малозученных процессов, специфических для истории Компартии Туркестана, а в-третьих, при изучении истории Компартий не только Средней Азии, но и Казахстана, поскольку Семиреченская (Джетысуйская) и Сыр-Дарьинская партийные организации до национального размежевания республик Средней Азии (1924 г.) входили в состав Компартии Туркестана как один из ее передовых и многочисленных отрядов.

Данный сборник отличается от предыдущего не только объемом, но прежде всего составом документов и значительно дополненным научно-справочным аппаратом. Кроме резолюций I—VIII съездов, в него включены решения и постановления пяти партийных конференций Компартии Туркестана (2, 5, внеочередной, 6, 7-й), публикации которых значительно дополняют ранее известные источники по истории КПТ, ибо они практически впервые вводятся в широкий научный оборот.

Один из представленных документов, реально отражающий политику партии в национальных районах, заслуживает особого внимания. 8 октября 1919 г. СНК РСФСР по инициативе В. И. Ленина принял постановление о создании специальной Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана (Турккомиссия). В этой связи В. И. Ленин обратился с известным письмом к коммунистам Туркестана. Ответ делегатов V конференции В. И. Ленину, опубликованный тогда в периодической печати, свидетельствовал о правильном понимании коммунистами Туркестана «вопросов нашей национальной политики...».

В сборнике значительно переработаны и уточнены исторические справки к резолюциям съездов и конференций КПТ, что, безусловно, продиктовано специфическим характером выпуска, но тем не менее это существенно снизило их информативность, присущую предыдущим изданиям.

Составители сборника впервые за всю историю подобных изданий в регионе представили списки руководящих кадров партийных органов КПТ, избранных на всех восьми съездах. Правда, некоторые из них названы лишь по фамилии, у отдельных искажены отчества, но важно отметить, что научно-справочный аппарат сборника, включая комментарии, списки составов руководящих кадров, содержит богатую информацию по истории Компартии Туркестана.

С сожалением приходится констатировать традиционную особенность подобных изданий — малый тираж (2000 экз.). Ныне, в условиях резко возросшего интереса к истории партии и страны в целом, такой тираж совершенно необоснован.

В целом же издание этого сборника следует признать творческим успехом коллектива его составителей, достойным вкладом в развитие историко-партийной науки.

К. С. Мурзанов

Б. Р. КАРИМОВ. ДИАЛЕКТИКА ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО В МЕТОДЕ ВОСХОЖДЕНИЯ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

(Ташкент: Фан, 1988. 149 с.)

В марксистско-ленинской методологии важную роль играет метод восхождения от абстрактного к конкретному. Анализ данного метода в аспекте диалектики объективного и субъективного и посвящено исследование Б. Р. Каримова.

В первой главе: «Объективные основания восхождения от абстрактного к конкретному» — показано, что развивающийся материальный мир обнаруживает сквозь кажущийся хаос и несвязанность протекающих в нем процессов известную сортированность и направленность самодвижения, идущего в общем и целом от низшего к высшему. Выделяя данное обстоятельство, автор приходит к выводу, что именно оно составляет самую глубинную бытийную основу восхождения от абстрактного к конкретному, и в этой связи ставит вопрос о необходимости применения категорий «абстрактное» и «конкретное» не только в гносеологии, но и в онтологии. Вызывает интерес сравнительный анализ категориальной пары «абстрактное — конкретное» с категориями «часть — целое», «элемент — система», «анализ — синтез».

В работе доказывается, что взаимосвязанные категории абстрактного и конкретного служат выражению общей картины развития материального мира. В связи с этим естественным представляется стремление автора соотнести данные категории с рядом других категорий диалектики: «скачок», «диалектическое отрицание», «всможность», «действительность» и т. д.

Во второй главе: «Системообразующая роль метода восхождения от абстрактного к конкретному и диалектика субъективного и объективного» — основное внимание автора сосредоточено прежде всего на сугубо гносеологической проблематике. При этом его главным образом интересует то место, которое занимает метод восхождения от абстрактного к конкретному в человеческом познании вообще и среди отдельных методов познания, в частности.

Опираясь на краеугольные положения марксистской теории познания, автор приходит к выводу, что метод восхождения от абстрактного к конкретному является внутренней закономерностью мышления, универсальной формой теоретического познания.

Хотя указанный метод служит одним из наиболее действенных методов познания, его возможности в науке используются еще недостаточно эффективно.

Изучение стратегических линий процесса познания подводит автора к важному заключению о том, что метод восхождения от абстрактного к конкретному выступает стержневой системообразующей основой, к которой так или иначе примыкают, стягиваются все остальные методы теоретического познания. В этой связи в работе подробно анализируются методы идеализации, мысленного эксперимента и др., а также выясняется их соотношение с методом восхождения от абстрактного к конкретному. Говоря о методе восхождения от абстрактного как о важном компоненте диалектического мышления, автор ставит вопрос о значимости повышения культуры мышления советских людей в целом, владения ими навыками диалектического мышления, без чего невозможно возрастание эффективности их творческой деятельности, что особенно актуально в условиях революционной перестройки всей жизни советского общества.

Н. Н. Кунденко, М. М. Усманов

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СИМПОЗИУМ «ПОЗДНЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД В СРЕДНЕЙ АЗИИ»

24—25 мая 1989 г. в Ташкенте состоялся региональный симпозиум «Позднефеодальный город Средней Азии», организованный отделом древней и средневековой истории Узбекистана Института истории АН УзССР. Организация его потребовала большой подготовительной работы оргкомитета, в состав которого вошли доктор ист. наук Р. Я. Раджапова, Р. Г. Мукминова, кандидаты ист. наук Л. М. Грантс, Н. Н. Хабибуллаев, научные сотрудники Г. А. Агзамова, Ш. М. Ганиханов, Ш. С. Мирхайтов. Проведение симпозиума было приурочено к 90-летию со дня рождения К. П. Петрушевского — одного из ведущих советских историков-востоковедов. Учитывая недостаточную изученность и вместе с тем важность разработки проблемы феодального города в Средней Азии, на симпозиуме было уделено определенное место и развитию среднеазиатских городов в более ранний период.

Вступительным словом симпозиум открыл академик-секретарь Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР, чл.-кор. АН УзССР М. Х. Хайруллаев, подчеркнувший важное значение изучения жизни феодальных городов, их роли в социально-экономической и культурной истории Средней Азии.

Затем с докладом «Социально-политические отношения и проблемы позднефеодальных городов Востока в трудах И. П. Петрушевского» выступил доктор ист. наук Б. А. Ахмедов (ИВ АН УзССР), подробно охарактеризовавший огромную роль И. П. Петрушевского в изучении проблем социально-экономических отношений, истории, места и роли позднефеодальных городов Востока. Выдающийся исследователь истории народов Востока периода феодализма, он своими фундаментальными трудами, посвященными основным вопросам социально-экономических отношений, историографии и источниковедению, внес крупный вклад в советскую науку.

Доклад чл.-кор. АН ТаджССР А. М. Мухтарова «Джейхани о городах Мавераннахра» был посвящен анализу сведений о городах и областях из уникальной рукописи сочинения X в. «Ашкол ул-алам», автором которого был один из образованных везиров Саманида Насра б. Ахмада (914—943) — Абдуллах Мухаммад б. Ахмад Джейхани. Его произведение ценно тем, что Джейхани отразил те события, свидетелем которых был он сам, пользовался показаниями очевидцев, а также опирался на труды предшествующих ученых, в том числе Хардадбега. Установлено, что известные географы Мукаддаси, Ибн Хаукал, Идриси, Ибн Рушта, Гардизи, а также анонимный автор «Худуд ул-алам», в свою очередь, пользовались трудом Джейхани «Ашкол ул-алам». Опираясь на сведения из изученной им Кабульской рукописи (№ 65), А. М. Мухтаров дал краткий обзор географической среды Мавераннахра, описал обычаи населения, наиболее крупные города того времени — Самарканд, Термез и др. Есть у Джейхани и интересное сообщение, об Аральском море: «В округности оно составляет сто фарсангов, вода соленая, впадают в него реки Джейхун, Сейхун и Шом. Тем не менее вода не становится излишней и не высыхает». Джейхани писал, якобы между Аральским морем и Хорезмом имелся подземный ход, соединявший их на расстоянии 20 манзилов (переходов). Закljučая свой доклад, А. М. Мухтаров отметил, что этот труд содержит много ценных, не известных нам географических и исторических сведений, которые помогут исследователям уточнить отдельные стороны истории городов Средней Азии в X в.

С интересом был заслушан доклад акад. АН УзССР Г. А. Пугаченковой (Ташкент) «Монументальная архитектура в системе позднефеодальных городов Средней Азии». Особое внимание она уделила социальным контрастам, нашедшим свое отражение в архитектурных памятниках.

Доктор ист. наук Е. А. Давидович (Москва) в своем докладе «Товарно-денеж-

ные отношения в позднефеодальной Средней Азии: состояние изученности, приоритетные вопросы» сообщила о проведенных исследованиях и важных выводах, имеющих по этой проблеме, и обрисовала круг вопросов, еще ждущих своего решения.

Доктор ист. наук Р. Г. Мукминова (Ташкент) остановилась на широких связях позднефеодальных Бухары, Самарканда, Ташкента и других городов Средней Азии с сопредельными странами, Индией, Китаем, Россией и Европой. Множество караван-сараев, отдельные из которых предназначались для представителей того или иного города или народности, наличие пунктов и специальных домов (сарраф-хона) для обмена денег и оформления торговых операций, снаряжение караванов в Москву, Китай и другие отдаленные места частными лицами — свидетельствуют о высоком уровне международных взаимосвязей указанных городов. В выступлении отмечена эволюция этих связей на протяжении периода позднего феодализма.

Большое оживление вызвал доклад доктора ист. наук Г. А. Хидоятова (Ташкент) «Среднеазиатский вариант азиатского способа производства и проблема городов Средней Азии». Докладчик поднял малоразработанные проблемы, важные для решения многих вопросов истории Средней Азии.

Работа симпозиума велась в трех секциях: 1. Позднефеодальный город: динамика развития, структура управления, перспективы изучения (руководители: доктор ист. наук Е. А. Давидович, Ю. Ф. Буряков, секретарь — Э. Э. Каримов); 2. Городское ремесло и торговля; ирригация (руководители: доктор ист. наук А. И. Юхт, Р. Г. Мукминова, секретарь — Г. А. Агзамова); 3. Городская культура; источники и литература о городах (руководители: чл.-кор. АН ТаджССР А. М. Мухтаров, доктор ист. наук Б. А. Ахмедов, секретарь — Ш. М. Ганиханов). Всего на секционных заседаниях было заслушано свыше 40 сообщений.

Социальный облик городов Средней Азии: городское управление, городской строй, структура городского населения — были предметами особого внимания в выступлениях, сделанных на первой секции. Их тематика касалась динамики развития, административного управления и дальнейших задач исторической науки по изучению жизни позднефеодальных городов Средней Азии и связанных с ними экономическими, политическими и культурными узами центров Казахстана, Закавказья и России.

Внимание участников симпозиума привлекли сообщения, посвященные истории одного из крупнейших городских центров Средней Азии — Ташкента. О структуре и ремесленном производстве средневекового города Ташкентского региона (по археологическим материалам) сообщил доктор ист. наук Ю. Ф. Буряков (Самарканд). Новые данные по истории Ташкента в эпоху развитого и позднего средневековья проанализировала канд. ист. наук М. И. Филанович (Самарканд).

Канд. ист. наук Э. Т. Мирзоева (Баку) осветила роль духовенства в социальной структуре городов средневекового Востока, где оно обладало большими земельными наделами и активно участвовало во внутренней и внешней торговле. Все это позволяло духовенству держать в зависимости от себя значительное число горожан всех сословий. Роль духовенства в городской жизни Самарканда XVI в. осветил в своем докладе асп. Э. Э. Каримов (Ташкент).

Сотрудник Государственного историко-архитектурного музея-заповедника г. Бухары Б. А. Казаков сделал сообщение на тему «Земско-городская знать феодальной Бухары». Он отметил, что городская знать феодальной Бухары состояла из двух групп: чиновной и духовной; промежуточную прослойку составляли верхи духовно-бюрократического аппарата; со второй половины XVI в. к этим группам начала присоединяться и верхушка тюркской родо-племенной знати.

Традиционным связям городов и сел Бухарского ханства и Хорезма посвятила свое сообщение канд. ист. наук Т. Х. Ташбаева (Ташкент).

Канд. ист. наук В. З. Пириев (Баку) осветил в своем сообщении систему городского управления в государстве Хулагуидов (1256—1358 гг.).

Отрывочные сведения письменных источников об Андижане, игравшем в XV—XVI вв. большую роль в регионе, Б. Абулгазиева (Самарканд) существенно пополнила добытыми ею археологическими материалами, имеющими важное значение для всестороннего изучения истории Андижана. Также на основании археологических раскопок канд. ист. наук И. Ахбаров (Самарканд) сделал сообщение на тему «Арк Бухары позднефеодального периода».

Ст. научный сотрудник ЛОИВ АН СССР Н. Н. Туманович в своем выступлении локализовала топографическую номенклатуру г. Герата в XVI—XVIII вв.

Канд. ист. наук С. А. Акрамов (Самарканд) осветил историю социально-экономической жизни Самарканда XIX в.

Сообщение о городах и поселениях Арабского Востока сделал архитектор Ю. Ф. Кожин (Ленинград).

Выступления участников второй секции касались городского ремесла и торговли. Среднеазиатские города были тесно связаны с городами иных регионов. Поэтому комплексному исследованию развития городов помогают разработки аналогичных проблем по другим регионам. В этом плане представляли интерес сообщения о торгово-ремесленной и градостроительной деятельности в Герате, Отраре, Баку и др.

Доктор ист. наук А. И. Юхт (Москва) выступил с докладом на тему «Торговля Хивы и Бухары с Россией через Астрахань (20—40-е годы XVIII в.)». Торговые связи России с Хивой и Бухарой через Астрахань сохранялись, но в указанные годы были

менее оживленными, чем в конце XVII — начале XVIII в., что было обусловлено причинами внешнеполитического порядка, в частности отсутствием безопасности на караванных путях.

«Торговля городов Средней Азии в 30—40-е годы XVIII в. в сравнении с городами Азербайджана и Ирана» — такова была тема доклада канд. ист. наук Л. И. Юнусовой (Баку). Она, в частности, привлекла внимание участников симпозиума к ценным сведениям европейских источников по этим вопросам.

Кандидаты ист. наук Г. Н. Мамедова и Т. Т. Мустафаев (Баку) охарактеризовали торговые связи азербайджанских и среднеазиатских городов в первой половине XVIII в. Они отметили что Азербайджан, как и другие переднеазиатские страны, переживал тогда социально-экономический и политический кризис, что, безусловно, отрицательно сказалось на развитии городов и городской торговли. Наблюдается также затухание караванной торговли, сокращение численности городских жителей. Тем не менее и в этот период все же шла в целом оживленная торговля, что подтверждается архивными данными, сведениями из письменных сочинений, сообщениями русских и европейских путешественников и послов.

Канд. ист. наук М. Ю. Юнусходжаева (Ташкент) сделала сообщение о посреднической роли Ташкента в торговле России и Восточного Туркестана во второй половине XVIII в., показав на конкретных данных из архивных и иных источников, что эта роль Ташкента способствовала развитию экономики не только Среднеазиатского региона, но также России и Восточного Туркестана, сближению и взаимопониманию народов этих стран.

В докладе н. с. Г. А. Агзамовой (Ташкент) были рассмотрены вопросы торговли и караванных дорог Средней Азии и России через Волжско-Каспийский путь в XVI—XVII вв., показаны основные пункты караванных дорог, по которым шла интенсивная торговля России со Средней Азией.

Канд. ист. наук Н. А. Магамедов (Махачкала) в сообщении «Внешняя и внутренняя торговля Дербентского ханства в XVIII в.» охарактеризовал Дербент как крупный торговый центр Восточного Кавказа, куда издавна стекались товары из многих регионов, чему в значительной мере способствовало удачное географическое положение города на перекрестке сухопутного и морского путей.

Канд. филол. наук У. Уватов (Ташкент), опираясь на данные арабоязычных источников, осветил развитие различных видов ремесла, внутренней и внешней торговли в городах средневекового Хорезма.

Канд. филол. наук Д. Ю. Юсупова (Ташкент) выступила с докладом «Строительная деятельность мастеров-ремесленников XVI в.»

В своем сообщении «К вопросу об особенностях глазурированной керамики Бухары и городов присырдарьинского региона в XVII — первой половине XVIII в.» канд. ист. наук Д. К. Мирзаахмедов (Самарканд) привел немало интересных сведений, основанных на данных археологических раскопок.

Канд. ист. наук А. Ф. Файзиев (Самарканд) выступил с сообщением на тему «Ремесло Хивы в первой половине XIX в.»

«Коканд — центр производства писчей бумаги» — такова была тема выступления канд. ист. наук Н. Н. Хабибуллаева (Ташкент). Опираясь на данные из архивных и иных источников, он охарактеризовал процесс возникновения и развития производства писчей бумаги в Коканде, отметив, что переход от кустарного к машинному производству привел к прекращению выпуска знаменитой кокандской бумаги.

В центре внимания участников третьей секции были городская культура, источники и литература о городах Средней Азии. При этом в круг письменных источников были вовлечены эпиграфический материал, тарихи и т. п.

В крепости г. Баку «Ичеришехер» сохранился ряд надписей, высеченных на стенах соборной мечети и других архитектурных памятников, — указы, дарственные акты и т. д. Эти уникальные лапидарные копии содержат ценные данные о государственном строе, бюрократическом аппарате, структуре класса феодалов и т. п. О расшифровке содержания отдельных терминов, встречающихся в упомянутых надписях, сообщила в своем выступлении на тему «Термины в эпиграфических памятниках, связанных с управлением города» доктор ист. наук М. С. Нейматова (Баку).

Канд. филол. наук А. Б. Вильданова (Ташкент) сделала сообщение «Наука в среднеазиатских городах в XVI—XIX вв.», в котором привела немало интересных фактов, почерпнутых из рукописных источников.

Вопросу о взаимоотношениях кочевой и оседлой культур по данным средневековых исторических сочинений на фарси (тарихов XVI—XVIII вв.) было посвящено выступление канд. ист. наук М. А. Олимова (Душанбе). Проанализировав сосуществование кочевых и оседлых народов на протяжении нескольких веков, он отметил органичное вхождение кочевого мира в систему феодальных производственных отношений, так что кочевой и оседлый типы хозяйства сложились в единый хозяйственный организм. Центрами реализации их взаимосвязей были именно города.

Начало дипломатических отношений России со среднеазиатскими государствами уходит в глубь веков. С образованием Московского государства и впоследствии Бухарского, Хивинского, Балхского ханств эти сношения принимают регулярный характер, становятся все более оживленными. Об этом, как отметил канд. филол. наук А. С. Кулмаматов (Термез), свидетельствуют хранящиеся в архивах страны много-

численные письменные памятники, накопленные в XVI—XVIII вв. в результате активных дипломатических и торговых сношений России с государствами Средней Азии, которые, однако, еще недостаточно использованы исследователями.

С сообщением «Сведения Жамалы Карши о Фергане и Шаше» выступил н. с. Института истории АН ТаджССР А. Саидов. Джамаль Карши, совершивший, в конце XIII в. путешествия по городам Средней Азии и Восточного Туркестана, оставил ценные сведения о их экономике, культуре, занятиях горожан. В частности, Ферганскую долину он охарактеризовал как «край плодородия, богатства, роскоши и отдыха с прекрасными садами, бескрайними полями. Там самый лучший воздух и самая вкусная вода».

Сообщение о культурной жизни Самарканда в XVII в. сделал канд. ист. наук М. М. Абрамов. Он затронул при этом деятельность некоторых видных представителей духовной культуры, как Мухаммад Назмуддин хон, Ахунд мулла Турсун Фароизи, Ниймат Самарканди и др.

Вопрос об этнической атрибуции культуры позднесредневекового Отрара осветил н. с. Е. А. Смагулов (Алма-Ата). Археологические исследования городища Отрартюбе (Южный Казахстан) создали, сказал он, источниковедческую базу для рассмотрения вопроса об этнокультурной принадлежности его населения в позднесредневековый период. На базе археологических данных и этнографических исследований докладчик пришел к выводу, что в регионе сосуществовали оседлые земледельцы и полукочевники-скотоводы. Первые, по его словам, относились к сартам и были интегрированы в узбекскую народность, а позже — в узбекскую нацию. Вторые же в дальнейшем вошли в состав казахской нации.

Канд. архитектуры Р. С. Мукимов (Душанбе) выступил с сообщением «Архитектурная типология позднесредневековых городов Северного Таджикистана». Он охарактеризовал три типа городских поселений в указанном районе: крупные города, сформировавшиеся на основе более ранних (античных или средневековых) городков, как Ура-Тюбе, Исфара, Канибадам; малые города с населением до 10 тыс. жителей, как Пенджикент, Ганчи. Варуг и др.; крупные торгово-ремесленные поселения городского типа, как Каракчикум, Чорку, Махрам и др.

Канд. ист. наук Г. Джураева (Ташкент) сообщила о новых явлениях в гражданских сооружениях позднесредневековой Бухары. Особое внимание она уделила торгово-ремесленным заведениям, введенным в XVI—XVII вв., которые играли важную роль в жизни всего региона. Большое место в быту жителей города занимали бани. Г. Джураева уточнила время их создания, местоположение, их устройство и т. п.

«Ашина и Афшины: к интерпретации сцены кормления близнецов волчицей из росписи дворца в Бунджикате» — с таким сообщением выступил канд. ист. наук В. М. Уйленко (Москва).

В целом в выступлениях на симпозиуме был сделан ряд выводов, уточняющих роль и место городов в экономической, социальной, политической и культурной жизни позднефеодальной Средней Азии.

Отдельные высказывания носили дискуссионный характер. Они требуют дополнительных исследований, поисков новых фактических материалов, сопоставления информации разных авторов. Но оживленные дискуссии, развернувшиеся в ходе обсуждения выступлений, безусловно, послужат дальнейшему расширению и углублению исследований, прежде всего по неизученным моментам истории среднеазийского города периода позднего феодализма.

На заключительном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций. Признано, что в целом работа симпозиума прошла на должном научно-теоретическом уровне, в обстановке творческой дискуссии. Материалы его решено опубликовать отдельным изданием.

Н. Н. Хабибуллаев

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. А. САЛЬЕ

Исполнилось 100 лет со дня рождения видного советского ученого, филолога-востоковеда Михаила Александровича Салье.

М. А. Салье родился 21 августа 1889 г. в Петербурге в семье служащего. В 1919—1923 гг. учился в Институте восточных языков по арабскому разряду (Петроград). В 1926 г., по окончании арабского отделения Ленинградского государственного университета, был зачислен аспирантом (по специальности «История арабской литературы») в Институт сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока при ЛГУ и прошел там полный трехгодичный курс.

В 1921—1922 гг. М. А. Салье совмещал учебу с выездами в Ташкент, где преподавал в Туркестанском восточном институте.

После окончательного переезда в Ташкент М. А. Салье вел здесь научную и литературную работу (1929—1939), был принят в Союз писателей СССР (1934). В 1939—1944 гг. работал библиотекарем Государственной публичной библиотеки им. Алишера Навои, а с 1944 г. до последних дней жизни был научным сотрудником Института востоковедения АН УзССР.

В апреле 1945 г. М. А. Салье защитил кандидатскую диссертацию на тему «Два малоизвестных произведения Алишера Навои».

Еще будучи студентом ЛГУ, М. А. Салье увлекся переводом на русский язык литературных памятников на арабском языке. Наибольшей известностью пользуется его полный перевод (в восьми томах) сказок «Тысячи и одной ночи», начавший выходить при активной поддержке А. М. Горького (1928—1938 гг.; последующие издания — 1958—1959 гг. и т. д.). Это был, по словам акад. И. Ю. Крачковского, труд жизни, представляющий крупную заслугу М. А. Салье не только перед арабистикой, но и культурой вообще, и первый русский перевод с арабского оригинала.

Высокоэрудированный филолог (он владел тремя европейскими и тремя восточными языками) М. А. Салье с 1920 г. опубликовал ряд печатных работ, составивших в совокупности значительный вклад в советскую науку: «Материалы для датировки сказки об Ал-ад-дине Абу-ш-Шаалате (из «Тысячи и одной ночи)», «Неизвестный вариант сказки о рыбаке и духе из 1001 ночи», «Алишер Навои как биограф», «Мухаммед аль Хорезми — великий узбекский ученый» и др.

М. А. Салье принял самое деятельное участие в переводе на русский язык трудов выдающихся ученых и мыслителей Средней Азии: Абу Али ибн Сины («Канон врачебной науки»), Абу Райхана Беруни («Памятники минувших поколений»), Захириддина Бабур («Бабур-наме») и др. Он обогатил также советскую науку и литературу переводом арабско-испанской антологии Ибн Хамзы (1930), романа египетского писателя Тауфика аль-Хакима «Возвращение духа» (1935) с соответствующими вводными статьями. Деятельность М. А. Салье высоко ценили такие выдающиеся востоковеды, как И. Ю. Крачковский, Е. Э. Бертельс, А. Ю. Якубовский, А. А. Семенов и др.

М. А. Салье активно участвовал в общественной жизни и внес немалый вклад в подготовку научных кадров из местных национальностей.

Скончался М. А. Салье 17 августа 1961 г. в Ташкенте. Он оставил по себе добрую память как талантливый ученый, глубоко преданный делу, которому он посвятил всю свою жизнь.

КУЗЬМА ИВАНОВИЧ ЛАПКИН (1904—1989)

Советская наука понесла тяжелую утрату — после продолжительной болезни скончался крупный советский экономист, депутат Верховного Совета Узбекской ССР, лауреат Государственной премии им. Абу Райхана Беруни, действительный член Академии наук Узбекской ССР, советник Президиума АН УзССР, заслуженный деятель науки Узбекской ССР, член КПСС с 1960 г. Кузьма Иванович Лапкин.

К. И. Лапкин родился 31 октября (12 ноября) 1904 г. на Украине, в г. Геническ (ныне Херсонской области УССР) в семье рабочего. Трудовую деятельность начал в 1921 г. трактористом. После окончания экономического факультета Среднеазиатского университета (ныне ТашГУ им. В. И. Ленина) в 1931—1934 гг. работал старшим научным сотрудником Института экономических исследований Средазгосплана; в 1935—1937 гг. был доцентом Планового института им. В. В. Куйбышева, а затем САГУ.

В 1937 г. Кузьма Иванович был репрессирован по ложному обвинению и 17 лет провел в колымских лагерях. После реабилитации в 1954 г. он вернулся в Ташкент и вновь включился в научно-исследовательскую работу.

В 1954—1957 гг. К. И. Лапкин был заведующим отделом экономики Узбекского научно-исследовательского института животноводства (УзНИИЖ), в 1957—1972 гг. — заведующим отделом размещения и перспективного планирования, зам. директора, директором САНИИЭСХ, в 1972—1983 гг. — заведующим сектором развития и размещения сельскохозяйственного производства СОПС АН УзССР. В 1957 г. К. И. Лапкин защитил кандидатскую, а в 1966 г. — докторскую диссертацию. В 1969 г. ему было присвоено звание профессора.

Перу К. И. Лапкина принадлежит более 200 печатных работ — монографий, научных статей, методических рекомендаций, рецензий. Уже на раннем этапе своего научного творчества К. И. Лапкин осуществил ряд интересных исследований по актуальнейшим для своего времени вопросам социально-экономических преобразований сельского хозяйства Средней Азии. В 1933—1934 гг. он опубликовал первые свои три статьи: «Коллективизация в Тамдынском районе ККАССР», «За восстановление и дальнейшее развитие животноводства в Каракумах Туркменской ССР», «Коллективизация и классовая борьба в кочевом ауле Кара-Кум Туркменской ССР», — посвященные изучению социально-экономического уклада кочевников и специфике революционных преобразований кочевого аула. К теме развития и размещения сельскохозяйственного производства, проблеме рациональной организации сельхозпредприятий, интенсификации земледелия и животноводства К. И. Лапкин систематически обращался в различные периоды своей жизни.

Надо особо отметить его новаторскую роль в изучении социально-экономических последствий НТП в сельскохозяйственном производстве, в разработке природоохранной тематики, определении природно-экономического потенциала горно-предгорных и пустынных территорий нашей республики. Весомый вклад внес Кузьма Иванович в методологию и практику долгосрочного прогнозирования отраслей агропромышленного комплекса.

В своих трудах «Размещение и специализация сельскохозяйственного производства по зонам и районам Узбекской ССР», «Оптимальные размеры хлопководческих колхозов, совхозов и их подразделений» и др. К. И. Лапкин настойчиво ставил вопрос об оптимальном соотношении всех отраслей сельского хозяйства. Много внимания уделил он обоснованию программы мероприятий по смягчению отрицательных последствий усыхания Аральского моря. В последние годы жизни целый ряд его работ был посвящен проблемам комплексного развития фундаментальных наук в Узбекистане, а также методам оценки их эффективности.

Свой богатый жизненный, творческий опыт К. И. Лапкин всегда охотно передавал молодому поколению исследователей и педагогов; многие помнят его глубокие выступления на различных научных форумах.

В 1959 г. за большие заслуги в развитии сельскохозяйственной науки К. И. Лапкин был избран членом-корреспондентом Узбекской Академии сельскохозяйственных наук, в 1968 г.— членом-корреспондентом, а в 1979 г.— академиком АН УзССР.

В течение многих лет К. И. Лапкин был членом Бюро, академиком-секретарем Отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР, членом Президиума, вице-президентом АН УзССР, членом ВАКа по секции экономики сельскохозяйственного производства. Долгие годы он был членом редколлегии журнала «Общественные науки в Узбекистане», где опубликован ряд его статей.

Свою научную, педагогическую, научно-организационную работу К. И. Лапкин успешно сочетал с активной общественной деятельностью. Он избирался кандидатом в члены ЦК Компартии Узбекистана, депутатом Верховного Совета Узбекской ССР. Его всегда отличали преданность делу, активная гражданская позиция, партийная принципиальность и скромность, чуткое отношение к людям.

Партия и правительство высоко оценили научную, педагогическую и общественную деятельность К. И. Лапкина. Он награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, многими медалями, Почетными грамотами Президиумов Верховных Советов УзССР и ККАССР, ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Узбекской ССР», присуждена Государственная премия Узбекской ССР им. Беруни.

Светлая память о Кузьме Ивановиче Лапкине, талантливом ученом-коммунисте, замечательном человеке, навсегда сохранится в сердцах его многочисленных друзей, товарищей по работе и учеников.

МУНДАРИЖА

СССР халқ депутатига — сўз

- Э. Ю. Юсупов. Инсон манфаати — асосий мақсад 5
- Ш. Шораҳматов. Рационализаторлик таклифлари авторларининг ҳуқуқ ва қонуний ҳақларини ҳимоя қилишнинг бир қатор масалалари 26

Тарих саҳифалари

- И. Р. Раҳматуллаев. Туркистон Компартияси ва сўл эсерлар партияси (1917 йил сентябрь — 1919 йил март) (Масаланинг тарихшунослигига доир) 31

Илмий ахборот

- А. Е. Климови, А. Т. Юсупов. Ўзбекистон енгил саноатида илмий-техник прогрессни ривожлантириш аҳволи ва перспективалари ҳақида 42
- А. Зиёев. «Силсилат ас-салотин» XVII аср ўрталарида Бухоро хонлигидаги сиёсий аҳвол ҳақида 44
- Э. Э. Қаримов. Ўрта Осиёда XIV—XV асрларда нақшбандия 46

Фан янгиликлари: изланишлар, топилмалар, кашфиётлар

- Р. Ф. Тарасенко. «Герай» тангалари афсоналари интерпретацияси ва ўқилишига доир 50

Тарихшунослик

- Б. В. Лунин. Ўзбекистон ва Қорақалпоғистондаги этнографик тадқиқотлар (XX асрнинг 50-йиллари) 56

Янги китоблар

- К. С. Мурзанов. Туркистон Компартияси съезд резолюциялари ва қарорларида 62
- Н. Н. Кунденко, М. М. Усмонов, Б. Р. Қаримов. Абстрактликдан конкретликка ўтиш усулида субъектив ва объектив диалектика 63

Хроника

- Н. Н. Хабибуллаев. «Ўрта Осиёдаги сўнги феодал даври шаҳарлари» регионал симпозиуми 64
- М. А. Салье таваллудининг 100 йиллигига 67
- Кузьма Иванович Лапкин (1904—1989) 68

СОДЕРЖАНИЕ

Слово — народному депутату СССР

Э. Ю. Юсупов. Интересы человека — главная цель	5
Ш. Шарахметов. Некоторые вопросы охраны прав и законных интересов авторов рационализаторских предложений	26

Страницы истории

И. Р. Рахматуллаев. Компартия Туркестана и партия левых эсеров (сентябрь 1917 — март 1919 года) (К историографии проблемы)	31
--	----

Научные сообщения

А. Е. Климова, А. Т. Юсупов. О состоянии и перспективах развития научно-технического прогресса в легкой промышленности Узбекистана	42
А. Зияев. «Силсилат ас-салагин» о политическом положении Бухарского ханства в середине XVII века	44
Э. Э. Каримов. К характеристике суфийского братства накшбандийа в Средней Азии XIV—XV веков	46

Новое в науке: поиски, находки, открытия

Р. Ф. Тарасенко. К прочтению и интерпретации легенд на монетах «Герая»	50
--	----

Историография

Б. В. Лунин. Этнографические исследования в Узбекистане и Каракалпакии (50-е годы XX века)	56
--	----

Новые книги

К. С. Мурзанов. Коммунистическая партия Туркестана в резолюциях съездов и конференций	62
Н. Н. Кунденко, М. М. Усманов. Б. Р. Каримов. Диалектика объективного и субъективного в методе восхождения от абстрактного к конкретному	63

Хроника

Н. Н. Хабибуллаев. Региональный симпозиум «Позднефеодальный город в Средней Азии»	64
К 100-летию со дня рождения М. А. Салье	67
<u>Кузьма Иванович Лапкин (1904—1989)</u>	68

НАШИ АВТОРЫ

- Юсупов Э. Ю.**— член-корреспондент АН СССР, вице-президент АН УзССР.
Луини Б. В.— доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории АН УзССР.
Климова А. Е.— кандидат экономических наук, ст. научный сотрудник СОПС АН УзССР.
Рахматуллаев И. Р.— кандидат исторических наук, доцент Каршинского ГПИ им. Х. Алимджана.
Тарасенко Р. Ф.— кандидат филологических наук (Москва).
Шарахметов Ш.— кандидат юридических наук, доцент юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
Юсупов А. Т.— кандидат экономических наук, научный сотрудник СОПС АН УзССР.
Зияев А.— ст. лаборант Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
Каримов Э. Э.— аспирант Института истории АН УзССР.

ПОПРАВКА

В № 4 журнала за 1989 г. на с. 30, строки 28—29 сверху, следует читать:
...ответ получали бы на узбекском или каракалпакском языке...

Цена 65 к.

Индекс
75349